

Житіє старца СЕРАФИМА

Саровской обители
иеромонаха, пустынника
и затворника

ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

ЖИТИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА,

Гаровской обители
иеромонаха, пустынножителя
и затворника

*Издание 3-е,
исправленное
и дополненное*

Христианская жизнь
Клин 2011

УДК 27-5
ББК 86.37
ИС 11-105-0476

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

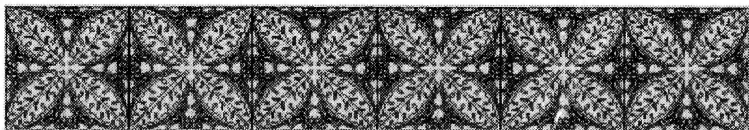
Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. — Клин: Христианская жизнь, 2011. — 512 с. ISBN 978-5-93313-127-4

Книга, которую Вы держите в руках, является воспроизведением в современной орфографии IV издания одноименной книги, выпущенной в Муроме в 1893 году. Первое издание, предисловие к которому приводится ниже, вышло в свет в 1863 году, всего через 30 лет после кончины батюшки Серафима, когда еще были живы многие собеседники великого старца.

Благоговейно сохраняя смысл и стиль жития, издательство сочло необходимым выправить текст в соответствии с нормами современного русского языка, заменив слова и обороты, утратившие свой первоначальный смысл, их современными эквивалентами.

В конце книги помещены духовные наставления преподобного Серафима мирянам и инокам, а также его беседа с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни.

ISBN 978-5-93313-127-4

Предисловие к первому изданию 1863 года

Задолго до блаженной кончины старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни, подвижническая жизнь его была известна не только в России, но и за пределами нашего отечества — по всей Православной Церкви. Приняв ангельский образ на 19-м году жизни, он почти пятьдесят пять лет жил безвыходно в Саровской пустыни и прошел там все степени подвижничества: нес сперва общие послушания монастырские, потом послушания по званиям иеродиакона и иеромонаха, подвизался в отшельничестве, подражал столпникам, был молчалиником и жил в совершенном затворе. Среди этих разнообразных подвигов, сохраняя дух глубокого смирения, он стяжал богатство добродетелей и обилие даров благодати Божией. Умудренный опытами духовной жизни, постоянным благоговейным изучением Священного Писания и творений святых отцов и назидательным чтением жития святых Божиих людей, просвещенный духом благодати, он в последние десятки лет душеспасительно поучал вере и наставлял в благочестии многие тысячи людей, ежедневно стекавшихся в Саров из разных стран, чтобы принять благословение отца Серафима и выслушать от него советы и наставления. Сверхъестественные благодатные дары, которые

обнаруживались в нем духом прозорливости и силой исцелений, придавали особенную действенность его наставлениям. Сладость его беседы, исцеление душевных и телесных недугов, по влиянию его молитв, и утешение прибегающим к нему в скорби и печали разносили славу о нем в дальние места. Весть о его подвижнической жизни и благодатных знамениях передавалась из одного места в другое и наполнила всю Россию.

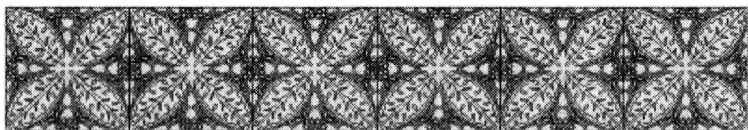
Прошло тридцать лет после кончины старца Серафима, но память о нем еще жива. Не только над его могилой в Сарове, но и в разных концах России возносятся молитвы о его упокоении в лике святых. Советы и изречения старца Серафима помнятся и повторяются и теперь, как изречения великих подвижников древнего времени. Сведения о его жизни и подвигах и особых знамениях благодати Божией, явленных над ним и через него, заботливо были собираемы и сохраняемы для памяти потомства и много раз уже обнародованы в печати для общего сведения.

Первые известия о жизни старца Серафима напечатаны в 1841 году. Это сочинение, с некоторыми дополнениями, имело несколько изданий. Через три года после первого издания в «Маяке» помещено новое сказание о жизни и подвигах отца Серафима. В последние годы издано третье описание жизни, дополненное лишь в приложении сказаниями о благодатных явлениях по молитвам отца Серафима; было и краткое начертание жизни приснопамятного старца, вышедшее в двух изданиях. Так велико было желание знать подробности жизни всеми чтимого подвижника!

Но все упомянутые издания, распространившиеся вследствие благоговейного уважения к старцу Серафиму людей всех сословий, не удовлетворяли, однако же, ни свидетелей его подвигов в Сарове, ни других лиц, близко его знавших. В них не уяснены весьма важные обстоятельства жизни отца Серафима и особенно мало раскрыта его внутренняя духовная жизнь. Сверх того, много случаев благодатного влияния на обращавшихся к нему при жизни и по смерти сделались известны впоследствии. Это побудило нас заняться составлением более полного изображения жизни, подвигов и благодатных действий блаженного Серафима в его внешних сношениях и во внутренней, духовно-сокровенной жизни, чего давно желала и Саровская обитель, которой мы много обязаны за доставление верных сведений.

Посильный труд сей, составленный для общей пользы и назидания, предлагается вниманию благочестивых читателей, с искренним желанием, чтобы воспоминание о старце Серафиме живо и ясно явило нам примеры его жизни и повторило все дивные уроки, которые он давал приходящим к нему.

1. От рождения до вступления в Саровскую пустынь

Место рождения старца Серафима. — Его родители. — Время рождения. — Отрочество и воспитание до семнадцатилетнего возраста. — Склонность к иночеству. — Решимость поступить в монастырь. — Прощание с матерью.

Блаженной памяти отец Серафим подвизался в Саровской пустыни более пятидесяти лет. Как при жизни своей он многих назидал, просвещал, утешал, врачевал словом, делом, примером и молитвой, так и после кончины чудные подвиги и наставления его, передаваемые из уст в уста бесчисленными очевидцами, слушателями, учениками и всеми, кто при жизни его получал от него какую-либо душевную пользу, не перестают быть поучительными для всех достойных почитателей памяти старца, желающих подражать благому житию и следовать учению его.

Губернский город Курск памятен как место рождения отца Серафима. Жители города, по преданию, до сих пор знают место, где родился угодник Божий, и приезжающим указывают на него в числе местных особенностей, достойных внимания. Место рождения отца Серафима находится на Сергиевской улице, в близком соседстве с храмом преподобного Сергия. Здесь стоял собственный дом родителей отца Серафима. Впоследствии, при переплани-

ровке города по распоряжению Императрицы Екатерины II, родственникам отца Серафима было отведено в конце города, близ нынешних Московских ворот, другое место, на котором имел свой дом старший брат отца Серафима Алексей.

Родителей отца Серафима звали Исидор и Агафия, по фамилии Мошнины. Они принадлежали к почтенному купеческому сословию города. Отец старца имел свои кирпичные заводы близ Курска, занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов, слыл человеком честным, имел усердие к храмам Божиим и обладал хорошими материальными средствами. В последние годы своей жизни он взялся построить в Курске иждивением прихожан, преимущественно же купца Карпа Ефремовича Первышева, по чертежу архитектора Растрелли, новый храм во имя препод-

Курск — родина батюшки Серафима

добного Сергия, Радонежского чудотворца, который в 1833 году стал кафедральным собором. Основание ему было положено в 1752 году. Когда нижняя церковь с престолом во имя преподобного Сергия была совершенно готова, строителя застигла смерть, последовавшая в 1762 году. Передав перед кончиной богатство свое в руки жены, он завещал ей довести до конца строительство храма.

Агафия еще более мужа своего памятна и личным благочестием, и благотворительностью ближним. При жизни и по смерти мужа она помогала бедным, особенно сиротам, не отказывая им и в таких случаях, когда просили ее устроить хозяйство бедной девушки при вступлении в брак, что требовало, конечно, значительного пожертвования. Согласно желанию мужа и своим чувствам, она в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви, лично наблюдая за ходом работ, и в 1778 году привела храм к окончательному устройству. Храм этот внутри и снаружи украшен лепной работой. Иконостас в нем, резьбы из цельного дерева, занимает всю восточную часть до самого купола. Приготовлялся и отделялся он в течение десяти лет. Постройка храма столь прочна, что до настоящей поры незаметно на нем повреждения. Позолота со времени отделки храма ни разу не возобновлялась и не потеряла своей свежести. Такие обстоятельства и добродетели ставили семейство Мошниных в число видных людей города Курска.

Отец Серафим родился в 1759 году с 19 на 20 июля и наречен был Прохором, в честь святого Прохора, от Семидесяти апостолов и семи диаконов первенствующей Церкви, память которого совер-

шается в том же месяце 28 числа. Он не был у родителей единственным сыном: у него был старший брат, Алексей. Прохор унаследовал добрые качества родителей и особенно их благочестие. Отца лишился он, когда имел не более трех лет от рождения. Воспитательницей его в детстве оставалась исключительно его мать. Она учила юного сына более примером своей жизни, и, конечно, ее благотворительность и любовь к храмам Божиим и молитве положили в сердце отца Серафима семена той заботы о бедных и сиротах, той любви к благолепию храмов Божиих и усердия к молитве, какими отличался отец Серафим еще с юных лет. Между тем для внимательных к действию Провидения открывалось, что с младенчества Прохор был под особым руководством и охранением Промысла Божия. Ему было семь лет, когда мать его, осматривая строение Сергиевской церкви, взяла с собой и сына на самый верх строившейся тогда колокольни. Здесь Прохор потерялся из виду матери и, оставшись один, по неосторожности упал на землю. В великом испуге Агафия сбежала с колокольни, думая найти сына своего разбившимся до смерти, но с удивлением и несказанной радостью она увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Пошли расспросы: с какой высоты он упал, отчего цел остался? Кончилось тем, что мать со слезами радости признала делом особенного Божественного охранения спасение сына от смерти и ушиба и возблагодарила Бога. Через три года новое событие обнаружило еще более ясным образом особенное покровительство Божие над Прохором. Ему было десять лет, телесное сложение он имел хорошее, в душевных си-

лах проявлялась острота ума, память быстрая, в поведении — кротость и смирение. В это время начали его учить церковной грамоте. Отрок показывал и охоту, и способность к учению, но ученье должно было прекратиться. Прохор сделался так тяжело болен, что не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни в сонном видении Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Прохор, проснувшись, рассказал это видение своей матери. Сон показывал в отроке благочестивое настроение души, восприимчивость к религиозным внушениям, а его осуществление, совершившееся очевидным образом, явило над Прохором Высшее Промышление. Во время одного из крестных ходов несли по городу Курскую чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, чтобы сократить путь и обойти грязь, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение: изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Так как старший брат Прохора Алексей занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, то и Прохора заставили приучаться к торговле в этой

Курско-Коренная икона Божией Матери «Знамение»

лавке. «Родом я, — говорил он впоследствии, беседуя в Сарове с Н. А. Мотовиловым, — из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту, как-то: ремни, деготь, бечевки, дуги, шлеи, лапти, железо и т. п. Однако к

торговле и барышам не лежало его сердце; оно влекло его туда, где можно было стяжать себе сокровище духовное, вечное спасение души. Не проводил он почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия. Не имея возможности по причине занятий торговлей быть днем у Литургии и вечерни в храме Божиим, он вставал раньше и после домашней молитвы спешил к утреннему богослужению, чтобы там вознести свои молитвы к Богу. В воскресные и праздничные дни он особенно любил заниматься чтением духовно-назидательных книг, собирая иногда своих товарищей слушать чтение.

Хотя желание поделиться сокровищами духовной мудрости заставляло Прохора собирать около себя товарищей, внутреннее глубокое чувство влекло его к уединению в беседе с самим собой. Сближения он искал только с теми, кто мог беседовать с ним на пользу души.

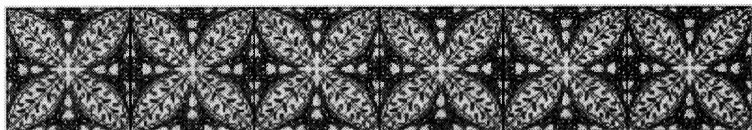
В то время в Курске жил какой-то Христа ради юродивый, имя которого теперь забыто, но которого тогда все чтили. Родом он был из Курска и с малолетства принял на себя сей трудный подвиг для спасения души. По благочестию своему Прохор сперва вошел в знакомство с ним, а после всем сердцем к нему прилепился. Христа ради юродивый также возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни, которую и сам вел среди общества родных и знакомых.

От матери не утаилось направление сына, простосердечно являемое; в душе она соглашалась с ним, одобряла его, радовалась. Лицо ее покрывалось заботой только тогда, когда она заглядывала в

будущее и задумывалась над вопросом: какой род занятий жизни выберет для себя ее сын? По прошествии немногих лет этот вопрос начал проясняться. Прохор стал заговаривать о монастыре, узнавал осторожно мысли матери и спрашивал как бы предположительно, не пойти ли ему в монастырь. Он видел, что мать не противоречит его желанию, а охотнее хотела бы отпустить, чем удержать его в мире, и желание монашеской жизни от этого еще сильнее разгорелось в нем. Тогда Прохор начал говорить о монашеской жизни с людьми знакомыми. Во многих нашел сочувствие своему намерению и одобрение, а купцы Иван Иванович Дружинин, Иван Степанович Безходарный, Алексей Семенович Меленин и еще двое подавали надежду идти вместе с ним в обитель и навсегда остаться в ней для спасения души. На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери укрепилась решимость отпустить его на служение Богу. Тем беспрепятственнее она думала сделать это, что и сама не оставалась еще в совершенном одиночестве: с ней был другой ее сын, известный уже нам Алексей, по характеру довольно несхожий с Прохором, отличавшийся более склонностью к мирским занятиям, чем к упражнениям духовным. Тогда семнадцатилетний Прохор Мошин, следуя церковно-гражданским установлениям Духовного регламента, взял себе увольнение от Курского городского общества, сделав таким образом начальный шаг к отречению от мира в пользу иночества. Трогательно было его прощание с матерью! По русскому обычаю, собравшись, они поси-

дели немного; потом Прохор, встав, помолился Богу и, поклонившись матери в ноги, просил ее родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собой этот крест, как знамение материнского благословения, как символ, в котором соединяются все обязанности инока, отец Серафим до конца жизни сохранил его, нося всегда открыто на своей груди. Таким образом мать и сын простились друг с другом. С горькими слезами провожала его вдовствующая Агафия; мысль удержать юношу при себе вращалась в ее уме, но опасность отвлекать человека от доброго намерения и страх принять на себя дурные последствия отвлечения успокоили волнение души. Прохор, верно, плакал не менее матери, но скорбь — естественное явление всякой разлуки — не останавливала его; мысль его стремилась туда, куда призывали его пути Божии. Перекрестившись на церковь Божию, юноша с задумчивым видом, с тайною мыслью в сердце оставил, подобно Аврааму, свою родину и дом отца своего.

2. От вступления в пустынь до пострижения в монашество

Намерение, с которым Прохор оставил родину. — Его путешествие в Киев. — Возвращение на родину. — Приход в Саровскую пустынь. — Жизнь Прохора в звании послушника до пострижения в монашество.

Куда же пошел молодой семнадцатилетний юноша Прохор, оставив родной дом, мать, брата и имение? Было ли у него определенное намерение насчет того, где поселиться? Без всякого сомнения, он имел в виду посвятить себя Богу в звании монашеском. Но где именно? В каком монастыре? Эти вопросы, давно занимавшие его, волновали и теперь. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где подвизались уже многие из курских жителей, где и настоятелем в то время был курский уроженец Пахомий, склоняли его идти к этим подвижникам. Но предварительно ему хотелось побывать в Киеве, чтобы в Киево-Печерской лавре, этом питомнике русского иночества, посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, получить советы, наставления, утверждение в своих мыслях и благословение от какого-нибудь подвижника, в духовной жизни твердого и опытного, и, наконец, помолиться и благословиться у святых мощей преподобных Антония и Феодосия, первоначальников иночества, и прочих угодников Божи-

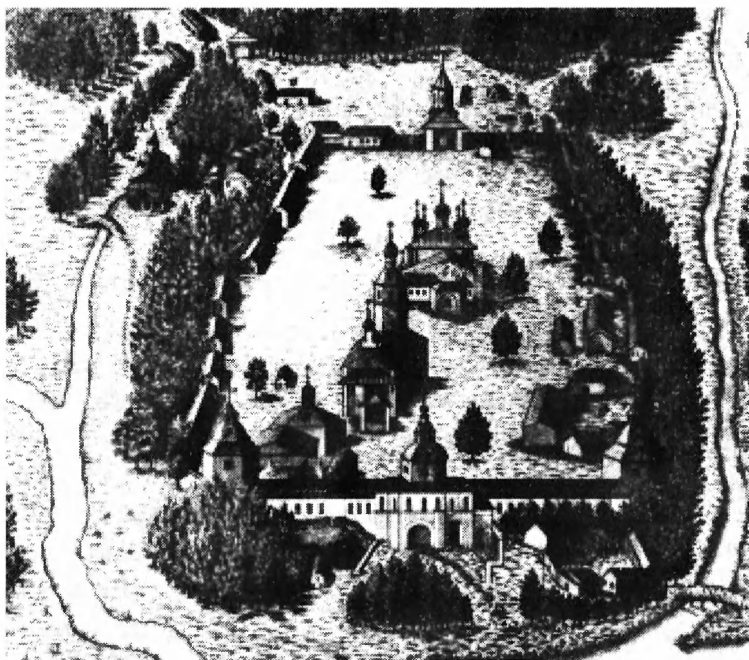
их, в Киеве почивающих. Итак, Прохор отправился с благословением материнским на шею и с посохом в руках в Киев. Вместе с ним шло еще пятеро курских купцов: это были те самые, которые вместе с Прохором возымели намерение, оставив мир, удалиться в пустынь. Все они после и пошли в монастырь, кроме купца Алексея Семеновича Меленина, у которого по непредвиденным обстоятельствам остались после смерти родителей на попечении пять братьев и три сестры.

В Киеве Прохор с усердной молитвой и слезами припадал к святым мощам угодников Божиих, особенно преподобных Антония и Феодосия, пламенно умоляя их благословить его намерение и наставить на путь спасительный. Обходя отцов, там подвизавшихся, он прослышал, что недалеко от святой лавры, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, жизни истинно богоугодной и имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к его ногам, целовал их, раскрыл перед ним свою душу, просил наставления и благословения. Прозорливый старец, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, указал ему на Саровскую обитель и благословил его, сказав в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребудь в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение. С помощью Божией там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух, сокровище всех благих, управит жизнь твою во святине. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни, последователь преподобных отцов наших Антония и Феодосия». Беседа с блаженным старцем Досифеем окончательно утвердила юношу в добрых на-

мерениях. Кажется, теперь никакие препятствия, никакие обольщения не сильны были отклонить его от решимости вступить в Саровский монастырь. Отговев, исповедавшись и причастившись Святых Таин, поклонившись еще раз святым угодникам Киево-Печерским, охраняемый покровом Божиим, Прохор благополучно прибыл в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим людям, которые приходили поговорить с ним, расспросить о святых местах и послушать чтение. Это время было временем его прощания с родными и с родиной. Мать знала о решении Прохора вселиться в Саровской обители и поддерживала его, но когда наступил последний час, когда Прохор стал прощаться с ней, благословляя его, она все же сказала: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шел бы в монастырь». Из договаривавшихся идти с ним вместе двое отправились теперь же, а прочие прибыли раньше его.

Общежительная Саровская пустынь основана в 1706 году иеросхимонахом Иоанном, уроженцем села Нового Усада Арзамасской губернии, известным своими монашескими подвигами и злополучной судьбой. Совершенствуясь постепенно, обитель при настоятеле старце Ефреме (1758—1777) поставлена была на степень высокого внутреннего и внешнего благоустройства. Прохор прибыл сюда 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы Божией, слушая благолепное пение ино-

ков, замечая, как все — от настоятеля до последнего послушника — рачительны к молитве, он восхищался духом, радуясь, что Господь указал ему это место для спасения души. Настоятелем в то время, как уже сказано, был старец Пахомий, постриженник Саровской обители, с юных лет посвятивший себя на служение Богу. Он был иноком кротким, смиренномудрым, постником и молитвенником, образцом для иноков; народ называл его святым человеком. Он происходил из курских купцов и в малолетстве знал родителей Прохора. С любовью принял Пахомий юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству, определил его в число

Вид Саровской пустыни в 1764 году

послушников и в научение отеческому пути отдал старцу иеромонаху Иосифу, исполнявшему в обители послушание казначея. Сперва Прохор находился в келейном послушании. Он с точностью исполнял все монастырские правила и уставы по указанию старца, и в келии служил не только безропотно, но и с неизменным усердием. Такое поведение обратило на него всеобщее внимание и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Вскоре стали назначать ему кроме келейного по порядку общие братские монастырские послушания. Так, поначалу он был в хлебне, оттуда переведен в просфорню, потом в столярню, далее был определен будильщиком. В столярне Прохор исполнял послушание довольно долго. Значительное время он состоял также вместе с другим братом будильщиком, и в этой должности, обходя до начала богослужения келии братий, извещал их тихим стуком в дверь и молитвой Иисусовой о наступлении времени богослужения. После этих обязанностей он исполнял еще послушание пономарское. Бодрый силами Прохор все монастырские послушания проходил, как свидетельствовали очевидцы, с великой ревностью.

Путь исполнения внешних послушаний, без сомнения, самый безопасный для молодых иноков: он избавляет от многих искушений, но не освобождает от внутренней борьбы, среди которой только и может укрепляться и возрастать в духовной жизни подвижник. Много искушений вытерпел и Прохор: дух печали, скуки, уныния действовал на него сильно, до изнеможения души его. «С духом печали, — говорил он впоследствии, — неразлучно дей-

ствуется и скука». Вот как отец Серафим описывал это состояние, любя говорить словами святых отцов: «Скука, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братия, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из келии и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром. Сей демон, если не может извлечь монаха из келии, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это — говорит ему помысл — лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок; и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

Чем же молодой подвижник врачевал эту болезнь духа? «Болезнь сия врачуется, — говорит он по собственному опыту, — молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия» (см.: прп. Антоний Великий. Гл. 26. Прп. Исаак Сирин. 212).

«Трудно, — говорил он, — трудно избежать сей болезни начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно предупреждать ее посредством строгого

и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни. Когда одолевает тебя скука, то говори себе по наставлению преподобного Исаака Сирина: «Ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помысл скажет тебе: великий грех убивать себя, — ты скажи ему: убиваю себя потому, что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть истинной смерти души моей в отношении к Богу. Лучше мне умереть здесь за чистоту, нежели жить в мире злой жизнью. Я предпочел смерть сию грехам моим. Убью плотские мои страсти, потому что я согрешил Господу, и не буду более прогневлять Его. Что мне жить в удалении от Бога? Озлобления сии стерплю, чтобы не лишиться небесной надежды. Что Богу в моей жизни, если я буду жить худо и прогневлять Его?» (прп. Исаак Сирин. Сл. 22).

Далее он отличает скуку от уныния, показывает, что само уныние бывает двух родов: естественное и от злых духов, и учит, что должен делать человек, впадший по несчастью в то или другое состояние. «Иное скука, — говорит отец Серафим, — иное томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло» (прп. Варсонофий. Отв. 13, 497).

«Есть уныние естественное, — учит святой Варсонофий, — от бессилия, и есть уныние от беса. Хочешь ли знать это? Испытай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение. Ибо когда кто предположит себе сделать что-нибудь, оно, прежде нежели исполнена будет треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением. И враг, видя, что он поэтому творит молитву, удаляется, потому что не хочет давать повода к молитве» (прп. Варсонофий. Отв. 559, 563—565).

Наконец, он описывает самое последнее в ряду сих душевных искушений — состояние малодушия — и дает надежнейшее врачевство против него. «Когда Богу угодно, — говорит Исаак Сирин, — повергнуть человека в большие скорби, попускает ему впасть в руки малодушия. Оно рождает в нем крепкую силу уныния, в котором он испытывает душевную тесноту, и это есть предвкушение геенны; вследствие же сего находит дух исступления, от которого происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселение из места в место и тому подобное. Если спросишь: какая сему причина? — то скажу: твое нерадение, потому что ты не позаботился поискать уврачевания их. Ибо врачевание для всего этого одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что ж это за врачевство? — Смиренномудрие сердца. Ничем, кроме него, человек не может разрушить оплот сих пороков, а напротив того, находит, что сии превосмогают над ним» (прп. Исаак Сирин.

Сл. 79). Уныние у святых Отцов иногда называется праздностью, ленью и разлением.

Мы видели выше, как молодой послушник в жизни своей побеждал эти или подобные искушения терпением и послушанием. Посмотрим теперь, как приводил он в действие другие средства против них.

Жизнь его в это время до пострижения в монашество ежедневно располагалась таким образом. В определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, на церковные молитвы он являлся как можно раньше, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде окончания службы. В часы молитв всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряженным вниманием и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Вне церкви, исполнив обязанности послушания, Прохор, удаляясь от суетного общения с другими, любил уединяться в своей келье. Там, кроме молитвы, у него были занятия двух родов: чтение и труд телесный. Он читал книги и общехристианские, и духовно-подвижнические. Предметами его чтения были: священная Библия, особенно Псалтирь, святое Евангелие и Послания апостольские; творения святых отцов, например, «Шестоднев» святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, Лестница преподобного Иоанна; жития святых по Четьям-Минеям святителя Димитрия Ростовского, Добротолюбие и другие книги. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утружденному

это позволительно, а святое Евангелие и Послания апостолов — всегда стоя перед святыми иконами, в положении молитвенном, и это называл бдением (бодрствованием). Не для препровождения времени, не ради удовлетворения возбужденного любопытства совершалось это чтение. Новоначальный подвижник искал в нем решения вопросов жизни, прочитанное прилагал к своему быту и вообще к человеку. Отсюда у него, при свете слова Божия, под влиянием подвижников, в смирении и преданности воле Божией, вырабатывался и впоследствии образовался здравый и светлый взгляд на жизнь христианина вообще и, в частности, на пути иночества.

В часы отдохновения от дел духовных Прохор предавался телесному труду. В это время занятием его была столярная работа: подобно другим инокам, он вырезал кресты из кипарисового дерева для благословения богомольцам. В столярном деле, особенно когда он проходил это послушание, Прохор отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании чередных смен для несущаемого пения он один из всех назван Прохором-столяром. Но, совершая келейное послушание, он ходил и на общие для всей братии труды: сплавливать лес, готовить дрова и т. п. Когда занимался рукоделием в своей келье или трудился на общих послушаниях, беспрестанно содержал в памяти и сердце молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Упражнением в работе восполнялись монастырские подвиги, ибо монаху сверх духовных занятий заповедуется правилами физический труд.

Относительно поведения за трапезой, принятия пищи и ночного отдыха сохранилось следующее собственное свидетельство отца Серафима: «Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в ночи спи четыре часа: десятый, одиннадцатый, двенадцатый и час за полночь. Аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несомненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел».

С течением времени от слишком напряженного стояния, от недостатка ночного отдыха отец Серафим, как сам неоднократно сказывал, получил сильную головную боль. Болезнь эта разрешилась сама собой, когда он начал несколькими часами более давать себе отдых во время ночи. После этого отец Серафим на основании собственного опыта советовал немощным шесть часов в сутки отдавать сну, а более сильным телом и крепким душой — пять часов, повторяя при этом наставление отцов пустынников, что мы не тело, а страсти умерщвлять научаемся.

Подвиги послушания, молитвы, чтения и труда однако же не совершенно удовлетворяли пустыннолюбивую душу молодого подвижника. Известно, что Саровская пустынь на расстоянии многих верст окружена густым лесом. У некоторых старцев отсю-

да родилась мысль: по примеру древних подвижников и первооснователей Саровской обители удаляться из монастыря и там втайне от людей, пред очами одного Бога внимательнее предаваться благочестивым упражнением. С благословения настоятеля Пахомия таким образом поселились в разных местах в глубине монастырского леса — недалеко друг от друга, каждый со своим учеником — известные пустынники: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Видя такие примеры, Прохор стремился духом к большему уединению и подвижничеству. Душа его, подобно горлице, рвалась к уединению. Он получил от старца своего, отца Иосифа, благословение в свободные часы оставлять монастырь и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кушу и в ней совершенно один предавался богомыслию и молитве.

«Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя бы некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать на тебя богатую Свою милость». Вот такое правило, внушаемое впоследствии другим инокам, теперь исполнял сам Прохор, удаляясь в пустынную кушу. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, а совершенное одиночество теснее соединяло с Ним молитвой в чувстве Божественного вездесутствия. По рассказу человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он совершал здесь правило, «еже даде ангел Господень великому Пахомию», учредителю иноческого общежития.

Это правило совершается в следующем порядке: «Трисвятое» по «Отче наш». «Господи помилуй» (12 раз). «Слава и ныне»: «Приидите, поклонимся» (трижды). Псалом 50: «Помилуй мя, Боже». «Верую во единого Бога...» Сто молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», и по сем: «Достойно есть» и отпуст. Все это составляло одно моление. Но таких молитв надлежало совершить, по числу суточных часов, двенадцать днем и двенадцать ночью. Это правило, принятое в обители, составленное по уставу преподобного Пахомия, Прохор исполнял по наставлению старца Иосифа с самого поступления в монастырь. Но в куще, среди природы, так сказать, наедине с Богом он сосредоточеннее и с большим умилением предавался молитвенному подвигу. С молитвой он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз. Кому не радостно было видеть такое подвижничество в послушнике, еще юном не только душой, но и возрастом? Видимо стало, что Прохор ставит себя твердо на пути иноческого жития. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику. Не единственным, впрочем, подвижником между новоначальными во всем Сарове был в то время Прохор: были и другие молодые люди, явившие высокие примеры ревности о благочестии. Таков, например, был двадцатилетний послушник Василий, вступивший в пустынь в 1787 году из мещан города Темникова. С первых шагов он показал полную преданность воле отца настоятеля Пахомия, с отвержением воли собственной: все, что было с ним приобретенного в

мире, он, вступая в монастырь, положил к ногам строителя, усердно отдавая с тем вместе и себя в совершенное послушание ему. Это удивило старца Пахомия, и он всегда относился к этому послушнику с особенным вниманием. В последние годы жизни отца Серафима этот послушник был, под именем Нифонта, строителем Саровской пустыни. Были и другие рабы Божии, но жизнь иноческая, как и вообще житие истинно-христианское, по слову Писания, сокрываются со Христом в Боге. Поэтому они тщательно укрывали свои благочестивые действия, втайне боролись со страстями своими, боясь и бегая славы человеческой. Но Прохор стоял на виду у старших братий монастыря, и подвиги его были так постоянны и разительны, что трудно было укрыть их. Поэтому, поставляя его предпочтительнее пред прочими, в пример не столь рачительным в иноческих делах, старцы Иосиф и Пахомий сверх любви к нему, как бы к своему чаду, являли и доверие. «Блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий и казначей Иосиф, мужи святые, любили меня, — говорил впоследствии отец Серафим, — как свои души, и ничего ими от меня не поταено, и о том, что им было для своей души и для меня полезно, пеклися»...

И как пеклись! В 1780 году послушник Прохор тяжело разболелся. Он слег на жесткое ложе; тело его распухло, больной лежал неподвижно. Неизвестно, какая была у него болезнь; врача при нем не было и некому было определить вид болезни. По внешним признакам думали, что Прохор страдал водянкой. Но никакому сомнению не подлежит то, что недуг был упорный и продолжительный, длившийся в течение

трех лет, половину из которых страдалец провел в постели. Больной всецело предал свое тело и душу Богу, молился, омывал слезами ложе свое; слово ропота никогда не сходило с уст его. Тут-то открылось, как все, и прежде других начальствующие в монастыре, уважали, любили и жалели Прохора. Во время болезни Прохору служил как послушник старец отец Иосиф, его наставник и руководитель в приготовительных иноческих трудах. Строитель Пахомий, старец отец Исаия также много пеклись о нем. Спустя много лет после этого (25 мая 1832 года) в беседе с одной особой отец Серафим с чувством глубокой благодарности вспоминал об этой заботливости старца Пахомия. «У меня, — говорил он, — в тот раз был друг здесь в обители, иеромонах Пахомий. Когда я был болен, полтора года лежал в постели, он ходил за мной, почти неотлучно находился при мне». После мы увидим, как отец Серафим на деле выразил благодарные чувства к старцу Пахомию. Теперь же не забудем, что Пахомий был настоятелем обители, а Прохор — послушником... И к нему-то ради недугов его относились с таким усердием и заботой и строитель, и следующие после него стар-

**Явление Пресвятой Богородицы
вместе с апостолами Петром и
Иоанном батюшке Серафиму**

цы! Это обстоятельство обнаруживало в старших братиях обители высокую степень внимательности и попечения о младших, как и должно быть во всяком благоустроенном, особенно церковном, обществе.

В последнем развитии недуга стали опасаться за жизнь больного. Тогда отец строитель с решительностью предлагал ему пригласить врача или по крайней мере открыть кровь. Весьма замечателен аскетический ответ больного: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством» (то есть причащением Святых Таин). Старец Иосиф по его просьбе и собственному усердию особо отслужил о здравии больного всенощное бдение и Литургию. К богослужению собрались братия из усердия помолиться о страждущем; Прохор был исповедан и причастился Святых Христовых Таин, которые были принесены в его келию, к его одру. Незадолго до кончины своей отец Серафим, всегда говоривший истину и ненавидевший ложь, многим особам рассказывал, что в этот раз по причащении Святых Таин ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Богослову лицом, перстом же указывая на Прохора, сказала: «Этот нашего рода»¹.

¹ Слова эти при подобном же случае сказаны были и другому недавно умершему подвижнику нашей Церкви. Это был архимандрит Паисий, старец восьмидесяти лет, известный благочестивым людям своей строгой иноческой жизнью. Во время пребывания своего на покое в Троице-Сергиевой лавре он сделался тяжело болен. Божия Матерь,

Потом Она возложила правую руку Свою на голову страдальца; тогда материя, которая наполняла тело больного, начала выходить отверстием, образовавшимся в правом боку. В скором времени тело совершенно освободилось от недуга. Признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на теле отца Серафима. Современники его удивлялись скорости выздоровления, последовавшего после общей молитвы о нем и по принятии им Святых Таин. Но они ничего не знали о чудесном посещении, которым только и можно объяснить быстрый исход столь продолжительного и упорного недуга.

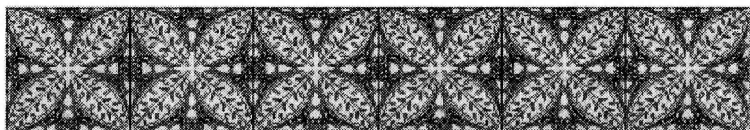
Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога. Между прочим, заботливость о нем монастырских чинов новым чувством благодарности привязала к ним его сердце. Прохор весьма часто и всегда с любовью вспоминал об уходе за ним отца Иосифа и прочих старцев и, как увидим, после смерти их оказывал к ним особенное благоговение.

В период послушничества Прохора, при настоятеле Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни многие нужные постройки. В числе их на месте келии, в которой болел Прохор, строилась боль-

явившись ему с Предтечей Христовым Иоанном, исцелила его от недуга и также сказала: «Этот нашего рода». Рассказ этот передан нам тем самым лицом, кому поведал его тайно отец Паисий. Выражение: нашего рода, очевидно, указывает на то, что отец Серафим и архимандрит Паисий были особенно усердными молитвенниками Божией Матери и потому сами стояли под особенным Ее покровом и заступлением. Внимательный читатель может усмотреть это из настоящей биографии отца Серафима.

ница для лечения недужных и упокоения престарелых, а при больнице — церковь в два этажа с престолами: в нижнем этаже — во имя святых Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем — во славу Преображения Господня. Молодой послушник послан был из Сарова для сбора денег на сооружение церкви в разные места. Послушания ради и в благодарность за свое исцеление, а также по сочувствию к недугам, для облегчения которых строилось здание, он с охотой понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске. Он не застал в живых благочестивую мать свою и, посещая могилу ее, с усердием и горькими слезами молился об упокоении ее души. Но у него был здесь родной брат, оставшийся после матери полным хозяином родительского достояния. Он оказал Прохору нескудное пособие для строительства церкви.

Совершив таким образом послушание сборщика, Прохор показал новое усердие к устройению церкви при больнице. Долговременное и усердное упражнение в столярной работе приучило его к производству изделий, более прочных и сложных, чем делание крестов. Он построил собственными руками для нижней больничной церкви — в честь преподобных Зосимы и Савватия — из кипарисового дерева престол, который и доныне стоит на своем месте. С того времени, как престол 17 августа 1786 года был освящен, отец Серафим до конца жизни своей причащался Святых Таин преимущественно в этом храме — для памятования всегда о явленном ему на этом месте великом благодеянии Божиим, о чем весьма часто и весьма многим сам говаривал.

3. От пострига до удаления в дальнюю пустынь

Время послушнического искуса Прохора. — Описание наружного его вида. — Его душевные дары. — Посвящение всего себя Богу. — Вступление в монашество. — Ревностнейшее прохождение подвигов. — Посвящение во иеродиакона. — Служение в этом сане. — Любовь к нему настоятеля и старцев. — Его всегдашнее воздержание. — Видение в храме во время Литургии в Великий Четверток. — Пустыннические подвиги отца Серафима. — Посвящение во иеромонаха. — Служение в этом сане. — Духовная зрелость отца Серафима для высших монашеских подвигов.

Прохор восемь лет провел в звании послушника. На языке иноков время это называется искусом, то есть испытанием: способен ли желающий иночества вступить на путь совершеннейшей жизни. Предварительный искус является необходимым условием для всякого, переходящего от мира к исключительному служению Богу, как приготовление для такого служения. Прохор теперь возмужал: ему было лет двадцать пять с лишним. Наружный вид его в это время имел заметные особенности. Он был роста высокого, около двух аршин и восьми вершков¹; несмотря на строгое воздержание и подвиги, лицо у него было полное, покрытое приятной белизной, нос прямой и острый, глаза светло-голу-

¹ Около 180 см.

бые, выразительные и проницательные, брови густые; волосы на голове светло-русые и тоже густые. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях уст соединялись длинные, густые усы. Сложение послушник Прохор имел мужественное и обладал большими физическими силами. Из душевных способностей у него была счастливая память, светлое, бойкое, отчетливое воображение и увлекательный дар слова.

Прохор, посвящая Господу все свои способности и силы, таким образом, прошел уже все степени монастырского искуса и в самой жизни выразил совершенную готовность и способность к принятию монашеских обетов. В тяжких телесных и душевных испытаниях, которые посылал ему Сам Господь, душа его очистилась и сердце окрепло в благочестии. Еще на степени послушника он ревновал о строго монашеском, даже аскетическом житии и, как мы видели, предначинал оное. Настоятель пустыни, твердо убедившись теперь в призвании Прохора, ходатайствовал перед духовной властью о разрешении на возведение его в сан инок. С соизволения Священного Синода 13 августа 1786 года было совершено пострижение его строителем иеромонахом Пахомием. Восприемными отцами его были достопочтенные старцы Иосиф и Исаия, занимавшие после настоятеля первые места в монастырской иерархии. При пострижении ему дано было новое имя — Серафим («пламенный»). На это имя, по обычаю прошлого века данное Прохору без его ведома и изволения, можно смотреть как на отражение мнения о нем монастырского начальства: они видели ревность Прохора к богоугодной жизни, предусматри-

вали еще больший пламень по Боге и потому называли Серафимом. В братских ведомостях за 1786 год сказано, что Серафим пострижен в монахи на вакантное место в Гороховский Николаевский монастырь, в котором и числился значительное время. Но он никогда не жил в этом монастыре и постоянное местопребывание свое имел в Саровской обители. Принятие иноческого сана, значение нового имени, напоминая отцу Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу ангелов, возвышали в нем желание с еще большей ревностью служить Господу. Не принимая на себя новых подвигов, инок Серафим совершал прежнее течение, которое давно уже сроднилось с его душой и жизнью. Только со стороны стало заметно всем, что он держал себя уединеннее, более погружался в свою душу, крепче предавался исполнению своих обетов и соединенных с ними обязанностей.

В том же 1786 году, в октябре, монах Серафим по ходатайству строителя Пахомия был рукоположен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Ставленная грамота его на сей сан доныне цела между бумагами монастыря. Теперь отцу Серафиму прибавились новые труды по званию иеродиакона. Но и сердце его теперь возгорелось еще большей любовью к Богу. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому, служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение шести лет и десяти месяцев почти непрерывно находился в служении. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой Литургии. По окончании же каждой Божественной служ-

бы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок священную утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь Бог, видя благую ревность и усердие к подвигам, даровал отцу Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал усталости, не нуждался в продолжительном отдыхе, был крепок здоровьем, часто забывал о пище, питье и, отходя с пути подвигов для отдыха, жалел, зачем человек, подобно ангелам, не может беспрерывно служить Богу. Строитель Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к отцу Серафиму. Без него старец не совершал почти ни одной службы: «Когда батюшка Пахомий служил, — сказывал впоследствии сам отец Серафим, — без меня, убогого Серафима, редко совершал службу».

Если куда выезжал из обители старец Пахомий, один или с другими старцами, по делам монастыря или только для служения, часто приглашал с собой отца Серафима. В одной из таких поездок отцу Серафиму случайно пришлось участвовать в погребении известнейшей инокини Александры, в миру Агафии Семеновны Мельгуновой, основательницы Дивеевской обители. Незадолго до ее блаженной кончины умер в селе Лемети помещик Соловцов, благодетель Саровской обители. На погребение его отправились старцы Пахомий и Исаия, взяв с собой отца Серафима как иеродиакона. Проезжая через Дивеево, они посетили Агафию Семеновну и, найдя ее в болезни и весьма слабой, совершили над ней Таинство Елеосвящения. Больная, предчувствуя кончину, со слезами просила старцев не оставить Дивеевских сирот ее.

Строитель Пахомий, утешая ее, говорил: «Ты, матушка, ни о чем не беспокойся: благодатью Божией ты напутствована всем по долгу христианскому. При жизни своей я не оставляю сирот твоих; после же меня, вот отец Серафим не оставит их».

Больная отвечала на это: «Отец мой! Я о себе не беспокоюсь: при помощи Божией я отхожу в вечность с надеждою. Но эти сироты останутся после меня в величайшей скорби по преданности их ко мне, убогой. Поэтому-то я и молю тебя, отец мой, не оставь их во всем, понеси их тяготу и немощи по заповеди Божией. Тебе известно, какая для них будет скорбь и потеря разлучиться со мною навечно».

Потом она вынула остаток своего достояния, состоящий из двух мешочков: один — с золотыми, другой — с серебряными монетами — и, вручая их отцу Пахомию, сказала: «Прими этот сиротский участок для употребления в их пользу: сами они не могут еще употребить его благоразумно и как бы следовало на пользу общую, а вы по опыту знаете, куда и на что употребить».

Возвращаясь из Лемети, старцы нашли монахиню Александру умершей и едва-едва успели к ее погребению. По обычаю, после погребения была трапеза. Отец Серафим не остался тогда в Дивееве даже покушать для подкрепления сил своих, но пешком возвратился один в Саровскую обитель, которая отстоит от Дивеева на расстоянии двенадцати верст. Так он постоянно отличался воздержанием не только в обители, но и за ее стенами.

До такого состояния духовной трезвенности, постнического воздержания, неусыпной молитвы и постоянных трудов можно было дойти не иначе, как

путем долговременного самоотвержения и непрестанным принуждением себя к иноческому доброделанию. Отец Серафим, можно сказать, с детства трудился над собой, воспитывал себя в этом духе, и вся прошлая жизнь его была лестницей к настоящей степени подвижничества. Но будущее готовило ему подвиги и труды гораздо большие. Обращаясь к прошлому, отец Серафим видел над своей головою особый покров Пресвятой Богородицы и попечение Божественного Провидения. Теперь искушения едва ли могли бы отвлечь сердце его, связанное к Богу, с пути строгого благочестия. Между тем Промысл Божий нашел нужным, в виду новых, труднейших подвигов, подкрепить ревность его духовными видениями. Чистота сердца, воздержание, постоянное возвышение души к Богу соделали его способным к созерцанию их. В записках, напечатанных в «Маяке» за 1844 год (книга 32), говорится, что отец Серафим, служа в сане иеродиакона, по временам видел при церковных служениях святых ангелов, сослужащих и поющих с братией. Они принимали образы молниеобразных юношей, облаченных в белые златотканые одежды, но пения их нельзя было уподобить никакой гармонии на земле. Дивное впечатление производили на его душу эти видения! «Бысть сердце мое, — говорит он, — яко воск тая от неизреченной радости. И не помнил я ничего от такой радости; помнил только, как входил в святую церковь да выходил из нее». Особенно поразительно было одно видение, которое мы расскажем здесь приблизительно к словам самого старца Серафима, как этот рассказ изложен в упомянутых записках саровского инокa того вре-

мени: «Еще поведаю тебе, радость моя, преславное видение, мне, убогому, бывшее. Только дай слово, что ты слышанное от меня никому не откроешь».

Собеседник же, вероятно сам автор записок, поклонившись старцу, дал обещание скрывать тайну. Но отец Серафим, предугадывая, что она может быть открыта после его (то есть Серафимовой) смерти, подтвердил: «Ты с тем и умри, никому не говори». Собеседник поклонился святому старцу, в знак согласия, в ноги, и умиленные слезы невольно потекли из очей его¹... Старец же продолжал: «Случилось мне служить с отцом Пахомием и казначеем Иосифом во святой Великий Четверток. Божественная литургия началась в два часа по полудни, и обыкновенно — вечернею. После Малого выхода и паремий возгласил я, убогий, у святого престола: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны», и, вошедши в царские врата, навел на предстоящих орарем и возгласил: «и во веки веков». Тут озарил меня свет, как луч солнечный. Обратив глаза на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого в славе, сияющего светлее солнца неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, Небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ, что близ цар-

¹ Рассказ этот, как заметно, против воли самого собеседника сделался известным после его смерти.

ских врат. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

От этого таинственного видения отец Серафим мгновенно изменился видом и не мог ни с места сойти, ни слова проговорить. Многие это заметили, и, конечно, никто не понимал настоящей причины явления. Тотчас два иеродиакона подошли, взяли отца Серафима под руки и ввели в алтарь. Около двух часов стоял после того отец Серафим на одном месте неподвижно. Только лицо его поминутно изменялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался на нем румянец. И долго он не мог ничего проговорить, созерцая в душе дивное посещение Божие и услаждаясь благодатными его утешениями.

Весьма примечательно, что видение это пало на такое время Литургии, в которое входом священнослужителей в алтарь изображается шествие их как бы в само Небо, когда в тайной молитве священник просит Господа: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти сослужащих нам и сославословящих Твою благодать»; когда поется и ангельская песнь: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас». Это видение показало, что не все мы веруем, что Силы Небесные с нами невидимо служат при Божественной литургии... И всякий, молящийся в храме Божием, должен думать, что он молится как бы на Небе вместе с ангелами. Нет сомнения, что ревность отца Серафима такими небесными утешениями сильнее укреплялась в трудных подвигах иноческого добродетельного. Они возбуждали в нем все большее и большее желание жития созерцательного.

Видѣніе иеродиакону Серафиму Господа в славе

Видение могло иметь и печальные последствия для нравственности отца Серафима. Подумай только он о себе, будто теперь уже свят, достиг высокого совершенства жизни и не имеет нужды в даль-

нейшем преуспейании, — тогда все его труды пред Богом превратились бы в тщету и ничтожество, рассыпались как прах, возметаемый ветром... Но отец Серафим имел хороших руководителей, к которым питал совершенное доверие и которые были его воспитателями в иноческой жизни. Совершавшие Литургию старцы Пахомий и Иосиф спрашивали, что такое случилось с ним, не почувствовал ли он неожиданно слабости сил, которая так естественно могла случиться в Великий Четверток после продолжительного поста, при том уважении, какое питал к нему издавна отец Серафим. Отец Серафим привык относиться к этим двум старцам с детской доверчивостью: он поведал им свое видение, как было. Опытные в духовной жизни старцы сложили рассказ этот в сердце своем, а отцу Серафиму внушили, чтобы он не возгордился, не дал в своей душе места пагубной мысли о каком-нибудь своем достоинстве перед Богом и утвердили его в духовном настроении самоуничижения и смиренномудрия.

Ограждаемый смирением, отец Серафим восходил в духовной жизни от силы в силу. Его смиренномудрие, иноческие труды, прежде сокровенные, теперь стали как будто заметнее, тверже. Мы уже видели, что еще послушником отец Серафим удалялся в Саровский лес и в сокровенной куше погружался в богомыслие. Теперь для него устроена была там уединенная келия. Как иеродиакон, обязанный служить в храме и исполнять послушания по монастырю, отец Серафим не мог еще, да и не созрел, может быть, настолько, чтобы совершенно сделаться пустынником. И так он дни, с утра до

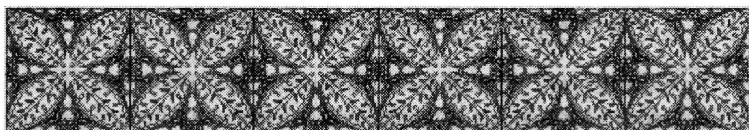
вечера, проводил в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания. Вечером же, когда мог принадлежать самому себе, удалялся в пустынную келию и там ночное время проводил в молитве, а рано утром опять являлся в монастырь для исполнения своих обязанностей. Иные, маломощные духом братья могли, пожалуй, позавидовать, но никто не имел основания оскорбиться его подвигами, ибо отец Серафим не заставлял других трудиться за себя, свято исполняя все свои и личные, и братские обязанности относительно обители.

В 1793 году, июля 19 дня, отцу Серафиму исполнилось тридцать четыре года. Саровская обитель, по новому расписанию, от Владимирского ведомства перешла в ведение Тамбовской епархии. Начальство обители, видя, что отец Серафим по своим подвигам стал выше других братий и заслуживал преимущество перед многими при возведении на высшие степени в обители, ходатайствовало о посвящении его в сан иеромонаха. По этому случаю, после почти семилетнего служения иеродиаконом, отец Серафим вызван был в Тамбов, и 2 сентября 1793 года епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. По наблюдению современников, все описатели жизни отца Серафима утверждают одно и то же — что с получением высшей благодати священства он стал подвизаться в духовной жизни с еще большей ревностью и удвоенной любовью. В сане иеромонаха он в течение долгого времени продолжал непрерывное священнослужение, приобщаясь ежедневно с горячей любовью, с верою и благоговением Святых Христовых Таин.

Теперь мы пришли к последним дням пребывания отца Серафима в обители. Скоро мы будем и свидетелями смерти достопочтенного старца Пахомия. Припомним о некоторых обстоятельствах обители, бывших в его настоятельство, оставшихся до смерти в памяти отца Серафима и имевших на него нравственное влияние. В то время, к которому относится жизнь отца Серафима до удаления в пустынь, не однажды в окрестных местах Сарова бывал голод. Но обитель не терпела недостатка в хлебе и с избытком наделяла нуждавшихся. В один год голод был очень продолжительный, но обитель и в то время в течение многих месяцев питала ежедневно человек по тысяче. В одно время случилось так, что и для иноков обители не осталось ни муки, ни жита. Вся братия собралась в церковь. Строитель Пахомий по случаю угрожавшего голода соборно служил молебен Божией Матери и всенощное бдение. Братия молилась, как бы перед смертью, не теряя однако же упования на Господа и Его Пречистую Матерь. Утром на другой день отец Серафим по особому доверию строителя Пахомия пошел в житницу и нашел, что все закрома наполнены разным хлебом и житом. С той поры во все продолжение голода по окрестностям в обители не было оскудения: сколько ни раздавали нуждавшимся, житницы снова наполнялись. Эти события имели большое влияние на укрепление одного из существенных душевных качеств отца Серафима. В то же время они способствовали утверждению сердца его в непоколебимом уповании на Промысл Божий и покровительство Пресвятой Богородицы.

Столько лет провел отец Серафим в монастыре! Так много он трудился над очищением своего сердца! Столько подвигов понес для спасения души! Мы уже видели, что эти труды не были для него бесплодны. Восходя по лестнице духовной жизни к христианскому совершенству, он достиг теперь значительной меры возраста мужа духовного. Дух его созрел для вселения в пустыню и для высших монашеских подвигов.

4. Уединение и подвиги в дальней пустыни

Добровольное удаление отца Серафима в пустыню. — Причины и внешний повод к удалению. — Благословение настоятеля. — Описание пустыни. — Время препровождение в ней и занятия.

Отец Серафим добровольно удалился в пустыню, но не без рассуждения и не без благословения настоятеля. Мы замечали в нем склонность к уединению, когда он носил еще имя Прохора. Наклонность эта была сильна, с ней трудно было бы жить в мире, и вот она нашла себе исход и удовлетворение с поступлением Прохора в Саровскую пустынь. Здесь он увидел, что многие иноки, не довольствуясь общежитием, живут в лесу в уединенных келиях. С начала жизни своей в обители он предался совершенно монастырским правилам, и стремление его к уединению еще более усилилось: ему дано было благословение в подражание старцам уходить в лес для иноческого сокровенного доброделания. Будучи иеродиакonom, он имел уже келию в пустыне и в ней проводил половину обыденной жизни своей.

Склонность его к уединению искала умерщвления греховных помыслов в пустынном житии. И вот отец Серафим, сделавшись иеромонахом, возымел намерение совсем поселиться в пустыне. Пустын-

ническая жизнь была призванием его, назначением свыше. Из прежней жизни отца Серафима мы заметили еще, что в нем сильно было стремление к удалению от мира для непосредственного единения со Христом. Пребывание в общежитии научило его самопознанию: здесь, как в горниле, молодой инок познал свои немощи и, окрепнув духом к совлечению их, сделался способным вести, с помощью Божией, уединенную жизнь. Скитский житель авва Иоанн наставляет пустытника иметь ум совлеченный всего земного и, сколько позволяет человеческая немощь, соединиться им со Христом (прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Беседа 19, гл. 8). Такая жизнь была вполне в духе отца Серафима в теперешнем его состоянии.

От причин пустынноческой жизни, из которых одна лежала в душе отца Серафима, другая составляла цель пустытника, мы отделяем внешний повод, который высказал он, прося благословения удалиться в лес. Инок-христианин, понимающий тайну сокровенной жизни, всегда прикрывает свои цели и намерения какой-нибудь внешней причиной, которая, впрочем, со своей стороны, бывает истинной и побуждением к цели. Так было и в настоящем случае. От непрестанного келейного бдения, от постоянного пребывания на служениях в церкви — словом, от стояния в течение многих лет на ногах, с небольшим отдыхом во время ночи, отец Серафим впал в недуг: ноги у него опухли, открылись на них раны; он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию пустынноческой жизни. В братских ведомостях еще за 1796

год стояла отметка, что он по болезни не несет никакого послушания в монастыре. Но по причине болезни отцу Серафиму надлежало бы просить себе отдыха от трудов иноческих и поселиться в больничных келиях, которые теперь были уже отстроены, а он просил у настоятеля, отца Пахомия благословения удалиться в пустыню, то есть хотел от меньших трудов перейти к большим и тягчайшим. Семидесятилетний старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное отцом Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца. Строитель Пахомий в это время был уже нездоров и, не видя средств возвратить здоровье, готовился к смерти. Отец Серафим, сохраняя в благодарной памяти, как наблюдал его в болезни старец Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз отец Серафим заметил, что к болезненным страданиям отца Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

«О чем, отче святой, так печалишься ты?» — спросил его отец Серафим.

Старец Пахомий отвечал: «Я скорблю о сестрах Дивеевской общины: кто их будет наблюдать после меня?»

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещал сам наблюдать их и поддерживать после смерти его так же, как было при нем. Обещание отца Серафима успокоило и обрадовало отходящего ко Господу отца Пахомия; он поцеловал его радостно последним целованием и вскоре после того почил мирным сном праведника. На его место в том же 1794 году строителем определен был достойный преемник — старец иеро-

монах Исаия, бывший восприемником отца Серафима при пострижении в монашество. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия, который любил его как возлюбленное чадо свое о Господе, под руководством которого он прошел все степени монастырского жития и достиг зрелости пустынножителя. Молитва его о своем отце, друге и благодетеле восходила к Богу, окрыляемая слезами и горячей верой. Утешением его в смертной разлуке с отцом Пахомием было назначение старца Исаии, которого так же глубоко любил и уважал отец Серафим.

Таким образом, после смерти старца Пахомия с благословения нового настоятеля Исаии, духовного отца своего, отец Серафим 1797 года 20 ноября, в день прихода в Саровскую пустынь, удалился в пустынную келию. Для беспрепятственного проживания в ней ему был выдан за подписью строителя Исаии билет, который еще доселе сохраняется в Саровской обители. Вот текст билета: «Объявитель сего, Саровской пустыни иеромонах Серафим уволен для пребывания в пустыни в своей (то есть монастырской) даче: по неспособности его в обществе, за болезнь и по усердию, после многолетнего искушения (то есть искуса) в той обители и в пустыне уволен, единственно для спокойствия духа, Бога ради, и с данным ему правилом, согласно святых отец положением, и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в оном месте и оное утверждаю. Строитель иеромонах Исаия. 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем».

Келия, в которой спасался старец, находилась в сосновом дремучем лесу, на берегу реки Саровки,

на высоком холме, верст за пять от монастыря, на восход зимнего солнца. Она была построена из дерева и состояла из одной комнаты с печкой; в комнату нужно было проходить через сенцы, к которым приделано было крылечко. Вокруг келии устроен был небольшой огород с грядками. Все это пространство обнесено было забором. Сверх того, у него со временем был заведен и пчельник, доставлявший самый вкусный мед. Холм, на котором стояла уединенная келия, находился в соседстве с другими возвышениями. Поблизости от отца Серафима, на расстоянии двух верст ближе к монастырю, жили в уединенных хижинах другие отшельники Саровские: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка немного напоминала собой Святую Афонскую Гору, состоящую из разных возвышений, усеянную лесом, монастырями и келиями пустынножителей. Старец Серафим поэтому и назвал свой пустынный холм Афонской Горой. К тому же этот холм по подобию Святой Горы с одной стороны круто опускался вниз. Другие самые уединенные места в лесу в духовном смысле у него назывались именами святых мест. Там были: святой град Иерусалим, Назарет, где Святая Дева Мария получила благовестие от Архангела; Вифлеем, где Христос родился; река Иордан, где принял Он Крещение от Иоанна; Фавор, на котором было чудное Преображение; поток Кедрский, через который проходил Спаситель; Голгофа, на которой Он был распят; Вертоград, в котором был погребен и воскрес; гора Елеонская, с которой Он вознесся на небо и сяде одесную Бога Отца. Такие названия приданы были разным местностям

Саровского леса для живейшего представления событий земной жизни Спасителя, Которому решил подражать старец Серафим и о Котором он хотел проповедовать всем приходящим к нему ради посещения и назидания.

Многие действительно стали посещать отца Серафима в пустынной келии. Приходили и женщины... Начиная строгую пустынножизнь старец посещение женского пола считал для себя неудобным в том смысле, что иным из братьев, а еще более из мирян оно могло служить камнем преткновения и соблазна. Но и отказать женщинам в назидании, ради которого они приходили к пустынножику, могло быть делом неугодным Богу. Итак, отец Серафим на том видимом и совершенно случайном основании, что женскому полу возбранен вход на

Дальняя пустынька батюшки Серафима

Святую Афонскую Гору, решился распространить это запрещение на свой холм, названный Афонским. Он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, чтобы его желание состоялось и чтобы Господь, если оно не противно Его воле, дал Свое знамение на то преклонением древесных ветвей по Его изволению. Сколько он просил о том Господа, как глубока была его молитва, сколь сильно и искренно было самое желание — то известно одному Богу да Пречистой Деве Марии. И еще самому старцу Серафиму. В преданиях же, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Рассказ этот мы приведем в том виде, как он дошел до нас.

Наступил праздник Рождества Христова, 25 декабря. Старец Серафим, пришедши к празднику в монастырь, стал у поздней Литургии в храме Живоносного Источника и причастился Святых Христовых Таин. А после обеда, приняв пищу в монастырской келии, благополучно отправился ночевать в пустынь. На 26-е число, на праздничный день Собора Пресвятой Богородицы, ночью он пошел в обитель к Литургии и, дойдя до места, где грунт земли круто спускается вниз долу, отчего гора и названа Афонской, увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и ходу нет, а с вечера ничего такого не было. Но Богу все возможно! Первая мысль родилась у него о благодарности: старец Серафим упал на колени и благодарил Бога за данное по молитве его знамение, уразумел отсюда, что Господу Богу угодно, чтоб женам на его гору не было входа. Кое-как перелез он через сучья, завалившие

тропу, пришел в обитель, поспел к самой Литургии и пошел в церковь Живоносного Источника.

Так рассказывает об этом летописец времен Серафима. В тот день в храме Живоносного Источника Литургию служил с собором иеромонахов строитель, старец отец Исаия. Пустынножитель Серафим стоял в алтаре. По перенесении Святых Даров на престол, когда была пропета вторая половина Херувимской песни, отец Серафим, приблизившись благоговейно к престолу, сказал отцу строителю Исаии:

— Батюшка, отец строитель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входу.

Строитель, намереваясь читать молитву предложения, по перенесении святых Даров на престол, отвечал на это с некоторым оттенком негодования:

— В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

— Теперь-то и благослови, батюшка, — просил отец Серафим.

— Да как я могу, — сказал строитель, — за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?

— Вы только благословите, батюшка, — сказал отец Серафим, — и уже никто из них не взойдет на мою гору.

Тогда подали образ Пресвятой Богородицы «Блаженное Чрево». Старец Исаия, благословляя отца Серафима святой иконою, сказал:

— Благословляю, чтоб не было женам входу на твою гору, а ты сам охраняй.

Приложившись к святой иконе, отец Серафим отошел спокойно на свое место и в обычное для

священнослужителей время причастился Святых Таин. После обеда, возблагодарив старца Исаию за данное благословение, на ночь опять возвратился в свою пустынную келию.

Рассказ об этом до настоящей поры сохраняется с небольшими изменениями в самой Саровской обители. Знавшие лично отца Серафима говорят, что разговор со старцем Исаией происходил не во второй день Рождества Христова, а на пятой неделе Великого поста, в субботу, в день Похвалы Пресвятой Богородицы; что уже через неделю после благословения отец Серафим, сходя со своей горы через овраг, нашел, будто бы кто нарочно сбил с деревьев сучья и завалил ими тропинку; что это обстоятельство он принял за изволение Божие на свою молитву.

Разница в двух этих сказаниях так маловажна, что не уничтожает существо самого события.

Устранив разноречия, мы должны оставить за несомненное то, что отец Серафим молил Бога и Пресвятую Богородицу о запрещении женщинам восходить на его гору; что было дано какое-то знамение на его молитву; что настоятель, со своей стороны, благословил образом Пресвятой Богородицы желание старца. Тогда отец Серафим сам завалил колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще сторонним людям вход к нему был совершенно закрыт.

В этот период подвижничества отец Серафим носил постоянно одну одежду, самую простую и, так сказать, убогую: на голове была поношенная камилавка, на плечах балахон из белого полотна, руки в кожаных рукавицах, ноги обуты были в ко-

жанные бахилы — вроде чулок, поверх которых надевались еще лапти. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его благочестивая мать, отпуская из дома, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно носил при себе Святое Евангелие. Не было ли это в мыслях отца Серафима видимым знамением и научением его в том, что он, как добрый подвижник Христов, всегда должен носить крест свой, отрекшись от мира, и что изображенное в Евангелии иго Христово — *благо и бремя* Его *легко есть* (Мф. 11, 30)? Изображая подвижническую жизнь отца Серафима, мы не сомневаемся, что ношение креста и Евангелия не имело другого смысла.

Какие подвиги нес отец Серафим в своей пустынной келии; сколь разнообразны и тяжки они были; в какой мере они высоки были и спасительны — вполне то известно Господу Богу; то осталось глубокой тайной сокровенного сердца подвижника. Мы изобразим здесь лишь те деяния и труды, которые усмотрены были современниками, так сказать, сквозь ограду его пустыни. Но и в этих подвигах усматривается связь и последовательность: отец Серафим от меньших духовных дел и легчайших переходил к большим и труднейшим, пока, наконец, не принял нового направления жизни, состоявшего в совершенном затворничестве.

Видимые подвиги отца Серафима в это время состояли из трудов телесных, чтения книг и молитвословий. Телесные труды, по различию времени теплого и холодного, были различны. В холодную пору нужно было отапливать келию; старец своими руками приготавливал дрова, носил в хижину и

согревал ее. Кроме труда телесного в этом случае он добровольно переносил холод и мороз, ибо одежда у него и на зимнее время оставалась та же самая, в которой мы уже видели его. Летом же он возделывал гряды на своем огороде. Чтобы удобрить землю, он ходил в жаркие дни на болотистые места, там собирал мох и носил на гряды. Так как в низменные места он ходил без одежды, препоясав лишь чресла свои, то насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, по местам синело и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, имея на то примеры в деяниях святых подвижников древнего времени. Каждое лето, удобряя землю мхом, отец Серафим возделывал без сторонней помощи гряды, сажал на них семена, поливал землю, очищал от худой, в пищу негодной травы и выращивал некоторые овощи, употребляя их для подкрепления сил своих. В жизни строгого подвижника эти занятия, упражняя тело, имели и нравственное значение; они послужили старцу к уврачеванию боли в ногах, которая была поводом к удалению в пустынь. От телесного упражнения сил старец входил в состояние благодушия, которое изливалось в пении священных песней. Всегда внимательный, владевший счастливой памятью, он знал наизусть множество церковных песней, которыми и освежал свой дух среди однообразия телесных занятий. В разные церковные праздники и воскресные дни, вспоминая священные события, он пел разные священные песни. Но близкие к отцу Серафиму замечали, что некоторые песнопения, имеющие наибольшее приложение к местности и уединенному его доброделанию, слы-

шались чаще других и были любимым его пением. Таковы, например:

— «Всемирную славу...» — песнь, которую отец Серафим певал в честь Пресвятой Богородицы, считая Ее покровительницей своей пустыни;

— «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме...» — чудный антифон, красочно представляющий пустынную жизнь и возводящий душу пустытника к небесным вещам;

— «Иже от не сущих вся приведый, Словом создаемая, совершаемая Духом...» — песнь, возносящая душу к великому делу любви Божией — творению мира и человека;

— «Водрузивый на ничесомже землю повелением Твоим...» и т. п.

Так самые простые занятия возвышали дух подвижника к нравственному настроению и церковно-библейскому мирозерцанию. В каждом предмете, в каждом делании он видел сокровенное отношение их к духовной жизни и поучался. Отсюда замечались явления такого рода. Отец Серафим, занимаясь какой-либо работой в огороде, или на пчельнике, или в лесу, незаметно для себя на некоторый срок прерывал ее; орудия работы падали из рук; руки опускались; глаза придавали лицу чудный вид; старец всей душой погружался в самого себя, умом уходил в Небо и витал в богосозерцании. Никто не смел в эти вдохновенные минуты нарушить его сладкой тишины; с благоговением каждый взирал на старца и тихо скрывался от очей его.

Какой же, стало быть, религиозно-целостный взгляд на природу выработал в душе своей старец

Серафим в своей иноческой жизни? И не был ли он, со всей точностью, в наше время представителем древле-православного иночества, которое значительную часть своего духовного дела поставляло в духовных умосозерцаниях, так много способствующих очищению ума и сердца?

Чтобы постоянно держать себя на степени пустынноческого созерцания, чтобы простирались все выше и выше в духовном совершенствовании, отец Серафим сверх телесных трудов предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг. Самой первой книгой для него было теперь Священное Писание и в нем Святое Евангелие, которое он и носил всегда при себе. Постоянная подвижническая жизнь, чтение многих отеческих писаний, изучение содержания богослужебных книг, молитвенное собеседование с Богом озарили ум его таким светом, что он ясно понимал смысл слова Божия. Постоянным правилом его в пустыне было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по несколько зачал из Евангелия и Апостола. Любил он также, для живейшего представления событий, читать Святое Евангелие на тех местах, которые, как мы видели, носили в пустыне его название святых мест. Так, в Вифлеемском своем вертограде, созерцая умом Богомладенца, повитого в яслях нас ради, он пел, подражая Силам Небесным: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Остановившись на берегу Саровки, как бы при водах Иордана в Вифаваре, отец Серафим читал об Иоанне Крестителе, внимал проповеди его о покаянии и приближении Царства Христова и вспоминал Крещение Спасителя в Иордане. Нагор-

ную проповедь Христа Господа о девяти сладчайших обетованиях блаженства он слушал на одной горе, лежащей у Саровской реки, а там, на другой возвышенности, названной горой Преображения, он созерцал в мысленном соприсутствии со святыми апостолами славу преобразившегося Господа. Забравшись в чащу дремучего Саровского леса, он вспоминал по Евангелию моление Господа о чаше и, тронутый до глубины души внутренними Его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. В одном месте, при значительном разливе Саровки, как бы на берегу Тивериадского озера, он читал Евангелие о явлении Господа по Воскресении Своим ученикам, беседе с ними и о чудной ловитве рыб (Ин. 21, 1—14). На горе, названной Елеонской, он созерцал славу Вознесения Христова на небо и Его седение одесную Отца. Так и естественное откровение Божие, или природа, вместе с богооткровенным глаголом Святой Троицы, служило благочестивому подвижнику в своей мере путем к духовному восхождению и совершенству. Тот не подивится ни мало настоящему сказанию, кто знает, что природа со всеми ее явлениями получила бытие свое от Бога и что в числе ее назначений лежит мысль Божия способствовать восхождению людей к Господу. Кроме Священного Писания отец Серафим искал себе мудрости в творениях святых отцов Православной Церкви, и на этот раз душа его ограничивалась писаниями собственно подвижнического содержания, такими, как творения преподобных Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого, Ефрема и Исаака Сириных, Маргарит и другие. Чтение слова Божия и писаний духовных отец

Серафим считал делом весьма важным в духовном совершенствовании христианина, в его восхождении к Небу и соединении с Богом. Это он называл «снабдением души» и свои мысли об этом изложил в особом трактате под названием: «Чем должно снабждать душу».

Таким образом, в пустынном уединении отец Серафим прочитал все Священное Писание с разумением. Теперь он искал в нем не одной истины, но и теплоты духа: слезы умиления нередко орошали его ланиты. Мир душевный и дар глубокого видения слова Божия были наградой от Бога за этот труд. «Очень полезно, — говорил он, — заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разумения».

Третьим занятием отца Серафима в пустыни были молитвословия. С ним находилась Псалтирь с последованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых, строгих пустынножителей. Так, около полуночи, встав от сна, он совершал правило Пахомия Великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. При наступлении девятого часа он читал часы третий, шестой, девятый и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением спер-

ва по уставу святого Пахомия Великого, а потом, применительно к этому уставу, составил свое чинопоследование, которое известно под именем келейного правила. Эти молитвословия старец Серафим уходил совершать также на места, которые в духовном смысле носили названия святых мест. Так, часы третий, шестой и девятый с чином изобразительных, в которых сосредоточено воспоминание страданий и смерти Христовой, он любил совершать уединенно на своей Голгофе. Здесь он очами веры видел, как Господь наш Иисус Христос пригвожден был ко кресту, как Он, пострадав, умер на кресте и был погребен. Старец по собственному духовному опыту знал все препятствия, какие испытывает человек на пути молитвенного восхождения, и впоследствии в беседах с другими указывал верные средства к устранению их; ведал все образы и степени молитвы и сам восходил не только до подвига так называемой *умной* молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, в которой человек, подобно святым Стефану архидиакону, Григорию Паламе и другим, сподобляется небесных видений и откровений. «Когда ум и сердце, — говорил он, — соединены будут в молитве и помыслы не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека».

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, отец Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. Поначалу он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собой по воскресеньям на целую

неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приручены старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород этот, чтобы ему ничем не обременять обители и по примеру великого подвижника апостола Павла питаться, *делаяще своими руками* (1 Кор. 4, 12). Впоследствии он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и *хлеба насущного*, а по благословению настоятеля Исаии питался одними овощами со своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая «снить». В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Святых Таин в субботу. Еще через несколько времени воздержание и постничество отца Серафима дошли до невероятной степени. Совсем перестав брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух с половиной лет. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимой. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Но перед смертью, в разговоре 20 мая 1832 года с одной доверенной особой, которая тогда же и записала свою беседу, отец Серафим открыл это, начав так: «Ты знаешь снитку? Я рвал ее, да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку — славное выходило кушанье».

Я спросила его о снитке, что это значит? За притчу ли это принять или что действительное? Он отвечал: «Экая ты какая! Разве не знаешь травы

снить? Я это тебе говорю о самом себе. Я сам это себе готовил кушанье из снитки».

Я спросила его, как зиму он ее кушал и где брал?

Он отвечал: «Экая ты какая! На зиму я снитку сушил, и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал».

Я спросила, а долгое ли время он кушал ее?

Он дал мне точный ответ на это. Но я забыла, без скольких именно дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более двух с половиной лет он питался одной этой травой».

По будням спасаясь в пустыни, отец Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за ранней Литургией в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем до вечерни он принимал в монастырской келии приходивших к нему по нуждам духовным из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляли его, он, взяв с собой хлеба на неделю, удалялся в свою пустынь. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедовался и причащался Святых Таин. Духовником его с давнего времени был строитель старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыни! Другие пустынножители, имена которых мы упоминали уже, имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Отец Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из саровской братии пытались сожителем с отцом Серафимом в пустыни и были приняты им, но ни один из них не

**Внутренний вид келии батюшки Серафима
в дальней пустыньке**

мог вынести трудностей пустынноческого жития; ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов отца Серафима. Благочестивые по-

пытки их, принося пользу душе, не увенчивались полным успехом, и те, которые поселялись было с отцом Серафимом, возвращались опять в обитель.

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустынь. Одни просто хотели посетить его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужду в нем не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустройству жизни. Из постоянных посетителей отца Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшийся в пустыне. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний — однажды. Отец Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах. В сердцах их с особенной глубиной запечатлелась беседа его о непрестанной внутренней, или умной, молитве, ее силе и значении — учение, которое известно стало отцу Серафиму не из книг, а из собственного опыта жизни. Краткий образчик этой беседы мы находим в следующем наставлении отца Серафима о молитве.

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя, грешного»; или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: «Пресвятая Богородице, спаси нас»; или говорить поздравление ангель-

ское: «Богородице Дево, радуйся!» Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, без непрестанной молитвы мы приблизиться к Богу не можем (Сл. 69, л. 142).

Виды молитвы весьма хорошо изъяснил святой Симеон Новый Богослов (Сл. 68).

Достоинство же молитвы ясно определил святой Златоуст: «Велие, — говорит он, — есть оружие молитва, сокровище неоскудное, богатство никогда же иждиваемое, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благих дел корень, источник и мати есть» (Маргарит. Сл. 5. О непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищении мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами».

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей, ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит святой Макарий: «Все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить» (Сл. 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце со-

гревается теплотою духовною, в которой возсиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению».

Несмотря на редкость посещений, пустынниками Марку и Александру случалось заставлять отца Серафима совершенно погруженным в богомыслие. В таком случае, не решаясь нарушить его духовные занятия, они ожидали, неведомо для старца, окончания их. Случалось и так, что, пождав около часа, они не получали свидания с ним, уходили в свои места и, получив такой живой урок подвижничества, сами с усердием предавались духовным подвигам.

Из посторонних посетителей отца Серафима в это время особенно известен один Нижегородской губернии диакон, впоследствии иеромонах и подвижник Тимон. Он происходил из духовного звания, окончил полный курс учения в Нижегородской семинарии и был человек образованный. Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и против его желания. Потом он хиротонисан был во диакона. Но в скором времени Господь разрешил его от уз брачных: немного пожив, супруга его скончалась. Оставшись свободным, этот отец диакон часто ходил в Саровскую пустынь. Здесь он сблизился с пустынниками отцами Серафимом и Марком. Старцы, видя его

искреннее усердие к богоугодному житию, охотно приняли его в свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова их падали на добрую землю. Отец диакон поступил в монашество и в сане иеродиакона был экономом при архиерейском доме. Нижегородский Преосвященный желал посвятить его в иеромонаха. «Но аз, — говорил о себе Тимон, — никак не соглашался, потому что все желание мое было в пустыне жить одному, с единым Богом». Спустя много лет Преосвященный послал его в городской монастырь строителем. Однажды, приехав в монастырь для служения, архиерей сказал, что неприлично быть иеродиакону строителем, и хиротонисал его во иеромонаха, хотя он и не искал того. «Аз же, — говорил отец Тимон, — пожелал на покой в Костромскую епархию, в Кривозерский монастырь, который и прежде знал». Святейший Синод его уволил от монастыря, а игумен Кривозерский благословил ему поселиться во внутренней пустыни, где он прожил один почти двадцать лет. Близ того места, где была внутренняя пустынь отца Тимона, стоял монастырский хутор и небольшая старая церковь. С хутора доставляли пустыннику пищу. Потом, «грех моих ради великих, — повествовал отец Тимон, — повелел Господь мне из пустыни выйти на хутор, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустынью и противился Господу своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезши мне пищи, нашли меня без памяти и без языка и всего разбитого и взяли меня и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня ис-

целил в скором времени, яко николиже был болен. И аз благодарил Господа Бога моего и более противиться воле Божией не стал и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие. И аз, с помощью Божиею, в скором времени устроил сию обитель. Обитель эта называется ныне Надеевскою пустынью и состоит в Костромской епархии»¹.

Если же вне пустынной келии своей старец неожиданно встречал кого-либо в саровском лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением

¹ Об этом старце Тимоне иеромонах Парфений, бывший строитель Гуслицкого монастыря, в известном сказании о своих странствиях (Москва, 1855. В 4-х частях) рассказывает следующее: «Однажды, избрав удобное время, я отпросился к старцу Тимону и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300-пудового колокола звону не мог слышать, а разговаривал манием или на письме. Но когда начал подъезжать к Надеевской пустыни, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Егда же, приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премного возрадовался душа моя и вострепета сердце мое. Он же меня благословил, ввел в келию свою, разверз медоточивые свои уста и начал мене поить от изобильных своих источников живою водою, и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что яко бы никогда я не бывал раскольников и в то же время перекрестил я лицо свое в три перста во имя Святой Троицы, и более уже не творил крестного знамения двумя перстами, даже до сего дня. Воистину дан сему старцу от Господа Бога такой дар премудрости, что ему никто не мог противиться, и во всем моем многолетнем странствии подобного ему в словесном даре не видал. Потом аз много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во Святую Его Церковь» (Ч. 1. С. 193—195).

кланялся ему и удалялся прочь. «От молчания никто никогда не раскаивался», — говорил он впоследствии в своих наставлениях. На людей, лично не знавших отца Серафима, такая внезапная встреча с ним в пустынной местности, при его костюме, производила чудное неизгладимое впечатление, и нередко научала их добродетели не менее самой его беседы. Строгости его жизни и отношений к другим соответствовали и первые опыты его учения в духе подвижническом, отличающиеся верностью мысли, краткостью и силой выражения:

«Совершенная любовь к Богу, — учил он, — соединяет любящих с Богом и между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовью не мыслит.

Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на Небо.

Истошай тело свое постом и бдением — и отразишь мучительный помысл сладострастия.

Как дело Божие — править миром, так дело души — управлять телом.

Похоть истребляется страданием и скорбью, или произвольной, или посылаемой Промыслом.

Какою мерою меришь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ.

Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего.

Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях.

Хорошо бесстрашие: Сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых.

Не будь нерадив в деятельной жизни — и просветится ум твой; Сам Бог обещает это: *Сокровища... сокровенная, невидимая отверзу тебе* (Ис. 45, 3).

Уединение и молитва — великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым.

Подвижничество требует терпения и великодушия, ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием.

Кто переносит с молитвой удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным.

Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен.

Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укореняясь, рождает терпение — навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам; опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ.

Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца отца Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные страхования. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской

пустыни, однажды во время молитвы отец Серафим услышал вдруг за стенами келии вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь келии, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (обрубок) дерева, который восемью человеками с трудом вынесли из келии. В другие разы, и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве ему видимо вдруг представлялось, что келия его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божью попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такой силой ударял об пол, что, если бы не ангел хранитель, и кости его от таких ударов могли сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в Горний мир, видел злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо, в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам... По крайней мере заметно, что старец точно видел злых духов. Ибо один мирянин в простоте сердца спрашивал его: «Батюшка! Видали ли вы злых духов?» Старец с улыбкой отвечал: «Они гнусны... Как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силой крестного знамения и молитвами. После них долгое время он пребывал мирно

в своей пустыни, благодаря Господа за сей мир и спокойствие.

Духовное начальство знало отца Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввой, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось в 1796 году место архимандрита в городе Алатыре. Отца Серафима предназначили было туда настоятелем, с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Одно это обстоятельство не довольно ли доказывает, что отец Серафим искал в монашестве спасения души и точно хотел быть подвижником в истинном и подлинном смысле этого слова? Строителю Исаии и братии саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха, из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат единственно из повиновения принял на себя это звание.

Видя смиренномудрие старца Серафима, диавол воздвиг на него большое гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силой, от которых пал некогда великий во отцах Феофил, эконоом Аданской церкви (см. Четьи-Минеи, 23 июля). В тяжком душевном обстоянии старец Серафим обратился к Господу, Подвигоположнику нашего спасения Иисусу Хрис-

ту и Пречистой Его Матери, а сам решился усилить свои иноческие труды, чтобы при помощи свыше разрушить страшные козни диавола, повергавшие его в уныние. Благословясь, он принял на себя новый, высший молитвенный подвиг.

В глухом лесу, на половине пути от келии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге святых столпников, отец Серафим решился принять участие в подвижничестве этого рода. Для этого он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он обыкновенно или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно святому Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: «Боже, милостив буди ми, грешному» (см. Лк. 18, 13). Чтобы уравнивать ночные подвиги дневными, отец Серафим и в келии имел камень. На нем он молился во время дня с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищей. Такого рода молитвенный подвиг он нес по временам в течение тысячи суток.

В наставлениях своих отец Серафим всегда говорил, что хотя все старание надо иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа, но если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурися и дух, то такое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели. Так светло смотрел отец Серафим на подвижническую жизнь! Так он и действовал! От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его

Моление на камне

очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изну-

рению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги эти он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об отце Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился черновой отзыв игумена Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни он в назидание слушателям рассказал и об этом подвиге некоторым из братьев.

Один из слушателей этого рассказа, будучи подвигнут удивлением к подвигам моления на камнях, заметил, что это выше сил человеческих. Подвижник в объяснение совершенной возможности дела, заметил со смирением: «Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе; а мои труды похожи ли на его подвиг?»

Собеседник же со своей стороны прибавил: «В этом подвиге, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрепляющей!»

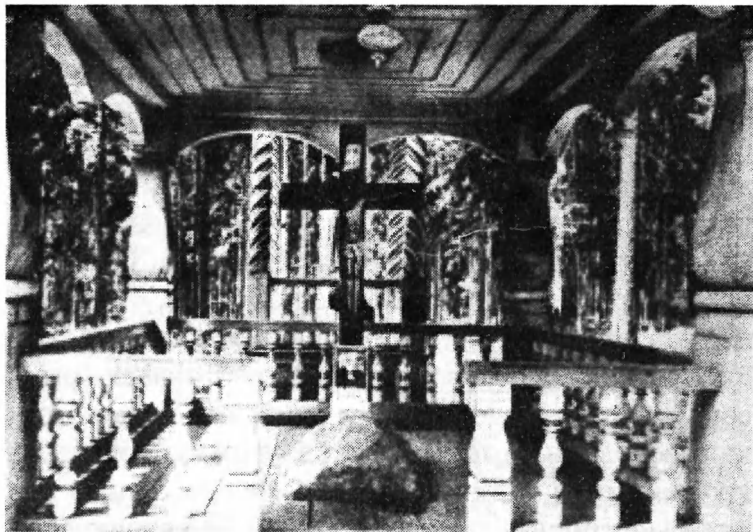
«Да, — отвечал старец, — иначе сил человеческих не достало бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца светов...» Потом, немного помолчав, прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

В последних словах против воли старца высказался дух его моления. Он молился с умилением, и

молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства.

Камни, на которых подвизался отец Серафим, доселе сохраняются, как увидим ниже, и некоторое время после смерти его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили смотреть их, так что в пустынь Серафимову вместо прежней тропинки впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частички его камней. В некоторых благочестивых домах встречаются эти частицы с изображением на них отца Серафима, стоящего на коленях в молитвенном положении.

Во всех искушениях и нападениях на отца Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспеш-

Часовня, воздвигнутая над камнем

ными: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12 сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. Отец Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при этом слова Спасителя: *Вси приемшии нож, ножом погибнут* (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложив крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно Господа ради. Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил отца Серафима по голове, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сениям келии по дороге, яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками свя-

зали ему руки и ноги и, положив в сени, сами бросились в келию, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали — и ничего для себя не нашли: видели только у него святую икону да попало несколько картофелин. Тогда совесть сильно заговорила в злодеях, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы для себя избили благочестивого человека, какой-то страх напал на них, и они в ужасе бежали вон. Между тем отец Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц и, проведя ночь в келии в страданиях, на другой день с большим трудом, но сам пришел в обитель во время Литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; выбито несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулись и спрашивали: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, отец Серафим просил пригласить к себе настоятеля отца Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель, и братия были глубоко опечалены страданиями старца. Отец Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что

навсегда изгнал его из пустыни. Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель, старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельст-

вовав старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но по настоятельному убеждению консилиума врачей решился предложить это отцу Серафиму. Консилиум опять собрался в келии отца Серафима; он состоял из трех врачей; с ними были три подлекаря. В ожидании настоятеля они снова осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собой и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. Отец Серафим с глубокой признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе. Когда все это происходило, вдруг оповестили: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту отец Серафим уснул: сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение. Подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окруженная славою. За нею следовали святые апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановившись у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратясь лицом к старцу,

сказала: «Сей от рода нашего», — и кончилось видение, которого присутствовавшие не подозревали. Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовал облегчение от болезни, сила и крепость стали возвращаться к нему; он встал с постели, начал немного ходить по келии и вечером в девятом часу подкрепился пищей — вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время отец Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубке дерева был придавлен им и из-за этого потерял свою естественную прямоту и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников, от побоев, ран и болезни согбенность эта еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгой или палкой. Так эта согбенность, это уязвление в пяту служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя снова крепким для пустынножизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братий, и сам, искренно жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая святым мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Он боялся только душевных разбойников, твердо помня слово Спасителя: *Не убийтесь от убивающих тело, души же не могущих убить, убийтесь же паче могущего и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, отец Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келию. Неизвестно, каково было состояние его духа в первые минуты вторичного поселения в пустыни, но, зная его безграничную любовь к уединению, мы не ошибемся, если представим его в следующих словах святого Василия Великого:

«О, уединенное житие! Дом учения небесного и божественного разумения училище, в котором Бог есть все, чему учимся. Пустыня — рай сладости, где и благоуханные цветы любви то пламенеют огненным цветом, то блестят снеговидною чистотою, с ними же мир и тишина. Живя в низменных местах,

они пребывают недвижимы от ветра. Тамо фимиам совершенного умерщвления не только плоти, но, что славнее, и самой воли; и кадило всегдашней молитвы, сладко сгорая, непрестанно вскипает огнем любви божественной. Там различные цветы добродетели, блистая различными украшениями, процветают благодатию неувядаемой красоты. О, пустыня, услаждение святых душ, рай неисчерпаемой сладости! Ты — пещь, в которой силу горящего пламени святые отроцы устужают молитвою, и горением веры уташают горящий вокруг себя пламень, в котором горят и стрелы и оковы, но окованные не сгорают. Только узы греха разрешаются, и душа возводится к пению божественных хвалений, взывая: «Разширил еси уста моя! Тебе пожру жертву хвалы».

Таким образом, диавол и в этой борьбе со старцем, с новым поселением его в пустынь, претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены. Это были крепостные люди помещика Татищева, Ардатовского уезда из села Кременки. Что же? Отец Серафим и сам простил их, и настоятеля упрощал не делать с них никакого взыскания. Также и помещику он писал, чтобы не наказывать их. «В противном случае, — говорил отец Серафим, — я оставляю Саровскую обитель и удаляюсь ни для кого неведомо в другие святые места». Также и с настоятелем говоря, он соглашался лучше, чтобы его удалили из обители, нежели им нанесли какое-либо наказание. Так отец Серафим был незлобив! Такие обиды мог прощать врагам своим! Какое лучше этого посрамление можно было нанести врагу, воевавшему против

старца? Отец Серафим по заповеди Господа простил врагов своих, предоставив отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно возгорелся над ними: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Вразумление Божие в этом несчастье было так очевидно, по крайней мере для самих разбойников, что они пришли и со слезами раскаяния снова просили у отца Серафима прощения и святых его молитв.

Из всей продолжительной и разнообразной борьбы с диаволом старец Серафим вынес основательный и верный взгляд на жизнь и труды пустынножителя, который приносил большую пользу другим во спасение души. Так, один инок, намереваясь поселиться в совершенном уединении, пришел к отцу Серафиму в пустынь и, волнуемый разными мыслями на счет пустынножительства, спросил его:

— Отче! Говорят некоторые, что удаление от общежительства в пустыню есть фарисейство; что переменой оказывается пренебрежение братии, или еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?

Старец отвечал:

— Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому неуместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братий. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и вели-

кому Арсению сказано было: «Бегай людей и спасешься» (Четви-Минеи, 8 мая).

Другому иноку, после тщательного испытания, было дано настоятелем благословение начать пустынножизнь. Настоятель писал и письмо к отцу Серафиму, прося его принять к себе этого инока и наставить на путь пустынной жизни. Отец Серафим весьма ласково принял его и благословил ему построить себе пустынную келию неподалеку от своей. Когда инок стал еще прежде сего просить у него наставлений касательно пустынножительства, то старец, по глубочайшему смирению, а еще скорее по великому благоразумию и опытности в этом деле отвечал: «Я сам ничего не знаю». Потом, как бы желая удовлетворить любознанию инока, присовокупил: «Спаситель сказал: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). По разуму святого Иоанна Лествичника, не от ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научиться».

Вообще, он неохотно советовал другим поселяться в пустыне и в предостережение объяснил, что живущий в пустыне должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне — как со львами и леопардами. А потому, если и склонялся на сторону пустынножительства, то никому не благословлял уединяться одному, а советовал отходить на пустынные подвиги двум или даже трем единомышленникам. В доказательство он приводил всегда следующие слова из Писания: *Блази два паче единого, имже есть мзда блага в труде их: яко аще падется един от них, воздвигнет другой при-*

частника своего: и горе тому единому, егда падет и не будет второго воздвигнути его... и вервь треплетена... не скоро расторгнется (Еккл. 4, 9–12). *Брат от брата помагаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основаное царство* (Притч. 18, 19).

Лучшим свидетельством верности и основательности взглядов отца Серафима на жизнь иноческую и пустынную служат его аскетические статьи, текст которых приведен ниже, каковы, например, статьи о подвигах, о помыслах и плотских движениях, о хранении сердца, о мире душевном, о хранении мира душевного и т. п.

Господь Бог в награду за подвиги и победу над диаволом украсил отца Серафима даром прозорливости, действия которого обнаружились в первый раз именно здесь, в дальней пустыни. Один боголюбивый посетитель Саровской обители, пленившись ее священным благолепием, положил в душе своей решительное намерение вступить в нее для спасения себя в звании иноческом. Но, возвратившись домой, он увлекся мирской жизнью, потом вступил в брак и имел двоих детей. Совесть однако же напоминала ему обеты сердца, и он, прибыв снова в Саров, как грешник, кланялся в ноги саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев присоветовал ему обратиться к отцу Серафиму, который в то время спасался здесь, в дальней пустыни. Придя сюда и увидев отца Серафима, вышедшего из келии с заступом в руках, боголюбивый посетитель бросился к нему в ноги, умоляя дать ему благой совет в его душевном расстройстве и помолиться Госпо-

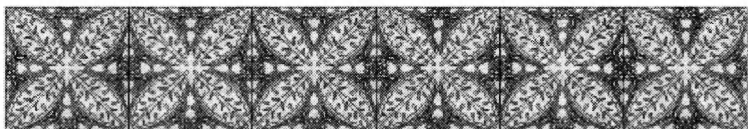
ду, чтобы Он принял его на желанный путь иноческий. Выслушав его безмолвно, отец Серафим спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Когда же он, забыв на этот раз о жене и детях, клялся быть даже до смерти верным исполнителем монастырских правил, изъявляя, сверх того, готовность и усердие понести какую-нибудь епитимию, то старец Серафим, провидя возможность исполнения его обещаний, сказал: «Если ты точно по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой!» С этими словами он благословил пришельца и отпустил от себя. Это был один из первых опытов прозорливости старца. Вскоре после беседы умерла жена, а за нею последовали и дети человека, желавшего иноческой жизни. И он, не связанный с миром никакими житейскими узами, пришел в Саровскую пустынь, в ней пострижен был в монашество и умер истинным иноком.

Весьма понятно, что отец Серафим, по своим подвигам, по духовной опытности, пользовался всеобщим уважением в Саровской обители. Преемник строителя Пахомия, старец Исаия, духовный отец и восприемник отца Серафима, очень почитал его, любил и дорожил его беседами. Для этого он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к отцу Серафиму. В 1806 году Исаия, по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и по собственному прошению уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители по общему желанию братий пал на отца Серафима. Вот снова старец

избирается на начальственные должности, но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыне, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея. Поступив в число братий, бывший настоятель Исаия еще год прожил на этой земле и все это время находился в болезни. По причине недугов своих он не мог ходить за шесть верст в пустынь к отцу Серафиму. Не желая и его отвлекать от сладкого пустынножителства, старец Исаия никак не хотел однако же лишиться утешения беседовать с ним. Братия возили в тележке бывшего своего настоятеля, больного старца, в пустынь, и отец Серафим своей беседой успокаивал восприемника и духовного отца своего и услаждал последние минуты его жизни. 4 декабря 1807 года, на 67-м году от рождения, доблестный старец опочил сном праведника, оставив по себе во всех добрую память. Потеря такого собеседника, духовного отца и начальника глубокой скорбью поразила любвеобильное, нежное сердце отца Серафима. Мысли о тленности настоящей жизни, о неизбежности и нечаянности смертного часа, о Страшном Суде Божиим в образе почившего старца и духовного друга живее представлялись сердцу отца Серафима. Теперь уже не было в живых самых близких и лучших друзей и руководителей старца. Кости Иосифа, который учил его отеческому пути, давно почивали в могиле. Праведная душа старца Пахомия, которого отец Серафим считал не только благодетелем, но и духовным другом своим, тоже витала в загробном мире. Умер и старец Исаия, любивший отца Сера-

фима, как свое духовное чадо, и почитавший в нем высокого подвижника и мудрого собеседника. Во всю жизнь свою отец Серафим с искренним усердием молился Богу об упокоении этих трех достопочтенных отцов. Всякий раз, проходя мимо кладбища, он считал обязанностью зайти на могилы их, преклонить колени у священного праха и вознести молитву о них Господу живых и мертвых. В беседе с начальницей Ардатовской общины Евдокией он дал следующее наставление: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, что бы Он упокоил души рабов своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих и потом припади ко гробу, говоря про себя: “Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне”». Так он внушал и другим молиться о своих духовных руководителях и вообще о саровских подвижниках, называя их — по высоте и горячности молитв — огненными столпами от земли до небес; так молился и сам. В смерти строителя Исаии отец Серафим много утешался мыслью, что его место занял старец Нифонт, человек редких свойств, ценивший и любивший его. Тем не менее со смертью Исаии последующая жизнь отца Серафима приняла новое, в аскетическом смысле высшее духовное направление.

5. Молчальничество. Возвращение в обитель и затвор

Новый подвиг отца Серафима. — Молчальничество. — Его различные проявления. — Сущность молчальничества по понятиям самого старца. — Ответ на вопросы братии об этом. — Молчание, переход к затвору. — Обстоятельство затвора. — Саровский собор старцев. — Приход отца Серафима в обитель и затвор. — Убранство затворнической келии. — Ношение большого креста. — Одежда и пища в затворе. — Молитвенные труды. — Чтение и толкование Священного Писания. — Восхищение в Небесные обители. — Причащение Святых Таин. — Дубовый гроб в сенях. — Один из сокровенных подвигов старца. — Ослабление затвора. — Посещение старца епископом Ионой и Тамбовским губернатором. — Хождение к старцу братии и его наставления им. — Открытие дверей келии для посторонних. — Описание приема посетителей. — Наставление и краткое молитвенное правило его. — Обращение со знатными лицами. — Приход к старцу простых людей. — Замечательные случаи прозрения, исцелений и других деяний старца, относящиеся к настоящему времени. — Выход из затвора.

Старец Серафим после смерти строителя Исаии, оставаясь жить в пустыни, принял на себя иноческий труд молчания. «Паче всего должно украшать себя молчанием, — говорил он, — ибо, говорит святой Амвросий Медиоланский, молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же — ни единого. И паки некто из отцов говорит: “Молчание есть таинство будущего века, слова же орудия суть мира сего”». С этих пор жизнь

его становится еще безмолвнее прежнего, ибо не одна уже пустынь, но собственные уста старца закрывают ее от нас.

В каких же видах является теперь наблюдателю жизнь отца Серафима? Теперь он принял за руководство себе деяния двух древних подвижников — Арсения Великого и Иоанна, молчальника и пустынника. В частности, если к нему приходили в пустынь посетители, он к ним не являлся. Случалось ли ему самому неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он сохранял свое безмолвие около трех лет. За некоторое время до истечения этого срока он перестал посещать и обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у отца Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному брату совершать это послушание в зимнее время! Дороги в пустынь отца Серафима не было. Бредет он, бывало, во время вьюги по снегу, утопая в нем по колено, с недельным запасом в руках для старца-молчальника!.. Войдя в сени, брат обыкновенно произносил молитву. Старец, сказав про себя: *аминь*, отворял дверь из келии в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу: сам не благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись по обычаю и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны отец Серафим клал на лоточек же малую части-

цу хлеба или немного капусты. Пришедший брат внимательно примечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принеший пищу брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, испросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от отца Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Существо же подвига состояло не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу. Такое молчальничество, по описанию самого старца, имело многие плоды. Оно решительно обезоруживало диавола для борьбы с пустынножителем. «Когда мы в молчании пребываем, — говорил отец Серафим, — тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку; сие же должно разуместь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания, — говорил он, — рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *Воды Силоамли текущая тисе* (тихо) (Ис. 8, 6). В соединении с другими занятиями духа молчальничество возводит человека к благочестию. Пребывание в келии в молчании, в упражнении, в молитве и поучении день и ночь Закону Божию делает человека благочестивым, ибо, по словам святых отцов, келия инока есть пещь вавилонская, в которой три отрока Сына Божия обретоша. Молчание прибли-

жает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келии своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом. На кого бо, — говорит Он, — *воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец приобретшего сие ожидает мирное состояние». Вот как старец Серафим проходил подвиг молчальничества! Вот чего хотел он достигнуть путем этим, возложив всю печаль свою на Господа (см. 1 Пет. 5, 7).

Многие из братии очень жалели об удалении старца от общежития с ними. С возложением на себя молчания он лишал их своих советов и руководства. Ближайшие к нему даже спрашивали его: зачем он уединяется, когда, пребывая в близком общении с братией, мог бы назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей? Старец отвечал, говоря словами святых отцов: «“Возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире”, — сказал святой Исаак Сирин. И святитель Григорий Богослов рек: “Прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога”».

Молчальничество не было, однако же, таким подвигом, на котором старец Серафим решил окончить жизнь свою. Через него, как бы по лестнице, получив большее совершенство, он перешел к выс-

шему подвижничеству, называемому затвором. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство. В описываемое время настоятелем был, как уже известно, отец Нифонт, муж богобоязненный, добродетельный, отечески любивший братию, входивший во все потребности и нужды каждого брата, ревнитель устава и порядков церковных. Отец же Серафим со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Святых Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Святых Таин, хотя мы ни на минуту не сомневаемся, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Не подавало ли это обстоятельство кому-нибудь и соблазна, к которому люди так склонны?.. Вот строитель и созвал монастырский собор из старших иеромонахов и предложил на рассмотрение вопрос о причащении отца Серафима. Решили же дело так: предложить отцу Серафиму, чтобы он или ходил, когда здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Святых Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келию. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет отец Серафим. Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но отец Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, как обычно, не сказав ни слова. Брат настоятелю рассказал, а тот

велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принеся пищу в следующий раз, брат повторил предложение... Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был по болезни ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной, 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские врата, после 15-летнего пребывания в пустыни, отец Серафим, не заходя в свою келию, отправился прямо в больницу. Это было днем до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, отец Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Столько лет уже не бывал старец в обители! Братия удивились, когда мгновенно разнесся слух, что отец Серафим решил жительствовать в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства. На другой день, 9 мая, в день святителя и чудотворца Николая, отец Серафим пришел по обычаю в больничную церковь к ранней Литургии и причастился Святых Христовых Таин. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келию отца Нифонта и, приняв от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келии; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый, труднейший подвиг затворничества. Молчание отца Серафима, видимо, было переходом к затвору. И совершенно уединенная жизнь его, проводимая в молчании пустынном, не была ли уже началом затвора или даже самим затворничеством?

В келии монастырской отец Серафим, очевидно, продолжал то, что уже было начато года три тому назад в пустыни, с которой, быть может, он и затвор соединил бы, если бы не повстречались описанные обстоятельства.

О подвигах отца Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келии своей он не хотел иметь — для отсечения своеволия — ничего, даже самых необходимых вещей. Икона, перед которой горела лампада, и обрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня. В это время для умерщвления плоти, *да дух спасется* (1 Кор. 5, 5), он носил на плечах своих под рубашкой на веревках большой пятивершковый железный крест, который, вероятно, и назван веригами в прежних его жизнеописаниях. Но собственно вериг и власяницы отец Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди. Правда, многие из святых отцов носили и власяницу, и железные вериги, но они были мужи мудрые и совершенные, и все это делали из любви Божией для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу. Таковы были из наших русских православных святых преподобные Феодосий Печерский, Феодосий Тотемский, Василий Блаженный и другие. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и Закону Божию. Так что же будет в том, что мы наденем и вериги, и власяницу, а будем спать,

пить и есть столько, сколько душе хочется? Мы не можем и самого малейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь уходим мысленно, и с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Как, стало быть, мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни! И все это оттого, что мы мало о ней рассуждаем и ей внимаем. Можно ли же в таком состоянии духа и жизни покушаться на подвиг, свойственный мудрым и совершенным отцам, носить вериги и власяницу?»

Одежда отца Серафима теперь была та же самая, что и в пустыни. Питием его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему брат, отец Павел, вблизи живший. Подойдя к келии, брат, сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном и, взяв блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих и уносил ее в келию. Там, подкрепившись пищей, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном. Покров, набрасываемый на лицо, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые кукулем скрывали вид свой, «во еже не видети суеты». Случалось и так, что старец вовсе не являлся брату и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Молитвенные труды его в затворе были велики и разнообразны. Как и в пустыни, он совершал теперь свое правило и все ежедневные службы, кроме Божественной литургии. Сверх того, он предался подвигу умной молитвы, читая в сердце попеременно то молитву Иисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитве, старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял перед святой иконой, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом в сердце созерцая Господа... Высока и глубока эта безмолвная затворническая молитва!

В течение недели он прочитывал весь Новый Завет по порядку: в понедельник — Евангелие от Матфея, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна, в остальные дни — Деяния и Послания святых апостолов. В сенях, сквозь дверь иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя Евангелие и Деяния святых апостолов. Деяния святых апостолов он толковал вслух довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слово в сладость, утешение и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой возвышенной мысли Святого Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет.

Совершенное самоуглубление отца Серафима в истины евангельские, конечно, не осталось не благодатствованным свыше. Важнейшим свидетельством этого служит то, что он удостоился непостижимого восхищения в Небесные обители, подобно апостолу Павлу и святому Андрею, Христа ради

юродивому, которые вознесены были до третьего неба, и подобно Варсонофию преподобному.

Об этом непонятном для простого человеческого смысла видении, или откровении, послушник Иоанн Тихонов (позднее иеромонах Иоасаф) рассказывает так: «Однажды, уже по выходе отца Серафима из затвора, посетил меня один боголюбивый брат, с которым мы обыкновенно делились всякой радостью и утешительным словом, слышанным от отца Серафима, в общее наше назидание. Между прочими разговорами вдруг он спросил меня: открыл ли мне отец Серафим о той великой тайне, как он сподобился быть восхищенным в Небесные обители? Я отвечал ему, что ничего не слыхал об этой великой милости Божией, а сам между тем скорбел сердечно, отчего и мне Старец не открыл об этой великой тайне. Сколько я ни расспрашивал брата о том, чтобы он рассказал мне что-нибудь из слышанного от отца Серафима, но при всем его желании он ничего не мог сообщить вразумительно моему понятию.

И так, проводив брата и с нетерпением дождавшись вечернего времени, я отправился по обыкновению, часу в шестом, к отцу Серафиму, с намерением умолить его о том, чтобы он сам усладил мою душу рассказом о полученной им великой милости Божией. Старец при моем приходе встретил меня, как отец чадолубивый, и вслед за мною запер на крючок двери.

Когда мы сели друг против друга, и я уже хотел молить его о том, чтобы он поведал мне свою великую тайну, как он в ту же минуту заградил мои уста своею рукою, и первое его слово было: «Огради себя молчанием».

И тут же он начал раскрывать предо мною историю пророков, апостолов, святых отцов и мучеников со свойственной простотою. Он говорил, что все святые, которых прославляет Церковь Христова, оставили нам, по своему усению, жизнь свою как пример для подражания и что все они были нам подобострастны, но исполнением в точности от всей души заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать, сподобились разнообразных даров Духа Святого и наследовали Царство Небесное, а пред ним вся слава мира сего, как ничто, все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в Небесных обителях; там вечная радость и торжество.

Для того же, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвой и памятованием Господа.

«Вот, я, убогий Серафим, для сего прохожу Евангелие ежедневно. В понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания апостольские и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочесть Евангелия и Апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется, оттого что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его, день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Икупителя моего за все Его милости, изливаемые роду человеческому и мне, недостойному».

После этого старец снова сказал мне: «Радость моя! Молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя». И это повторил еще два раза.

Вслед за тем в неизобразимой радости, с усилением голоса, старец сказал: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме», и потом, понизив свой голос, продолжал: «Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорил: *В дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. 14, 2), то есть для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое имя. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные Небесные обители, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости, Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти Небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно». И с этими словами отец Серафим замолчал. В это время он склонился несколько вперед, голова его с закрытыми глазами поникла долу и простертою дланью правой руки он совершенно тихо и одинаково водил против сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него; на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным ангелом и Небесным человеком. Во все время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением и слушал что-то с изумлением. Но чем именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знает один Бог.

Праведник Божий, по немощи человеческого языка, не мог словами объяснить дивного восхищения своего в Небесные обители, зато показал мне чудным светом своего лица и таинственным своим молчанием. А я хотя и был самовидцем этого дивного события, но всегда скажу одно и то же — что Бог весть, как все это совершилось.

После довольно продолжительного молчания, около получаса, отец Серафим снова заговорил и в самых радостных чувствах, вздохнув, с умилением голоса сказал: «Ах, если бы ты знал, возлюбленный мой отец Иоанн, какая радость, какая сладость ожидают душу праведного на Небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением, и если бы самая эта келия наша (при этом он указал на свою келию) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам батюшка святой апостол Павел (2 Кор. 12, 4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются праведных души?» Помолчав еще немного, начал он говорить о вечных мучениях грешников.

Страшно читать слова Спасителя, где Он творит праведный суд Свой нераскаянным грешникам: *Идут сии в муку вечную* (Мф. 25, 46), *идеже червь их*

не умирает и огонь не угасает (Мк. 9, 46, 48), *ту будет плачь и скрежет зубом* (Мф. 8, 12). Если этих мучений боится и трепещет сам сатана, то в каком состоянии, в каком ужасе будут нераскаянные грешники? *И еще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится?* (1 Пет. 4, 18).

Тем, которые заглушали свою совесть и ходили в похотях сердец своих, там, в ожидающем их аде, нет никакого помилования. Нет там милости не сотворшим здесь милости. Они услышат тогда евангельские слова: *Чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём* (Лк. 16, 25). В здешней, временной жизни еще может виновник как-нибудь отговориться от наказаний через случай или друзей, а там одно из двух: или — придите, или — отидите! Уста Божии, как меч обоюдоострый, в тот страшный миг решат все, и уже не будет возврата. Праведники наследуют обители Небесные, а грешники идут в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его.

При конце беседы старец как бы совсем забыл о том невыразимо сладком состоянии своего духа, когда он говорил о восхищении в Небесные обители. Он сознавал теперь только слабость естества своего и называл себя первым грешником. Наконец, давши мне отеческое благословение, он отпустил меня в мою келию с миром» (Сказания о подвигах и событиях жизни старца Серафима. Изд. 3. СПб., 1887. С. 47—54).

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Святых Тела и Крови Христовых. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчаливчества Пренебесные Таи-

ны, по благословению строителя Нифонта, приносили ему из больничной церкви в келию после ранней Литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его перед собой, отец Серафим упросил сделать для себя гроб и поставить его в сенях затворнической келии. По его желанию гроб был приготовлен; его выдолбили, а также и крышку к нему из цельного дуба, и он, некрашенный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу из настоящей жизни. Отец Серафим в беседах с Саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Из сокровенных подвигов этого времени нечаянно сделался известен один, в котором с духовным деланием старец соединял телесный труд, освежая грудь свою чистым воздухом. Это открыл случайно брат, исполнявший в монастыре послушание будильщика. Однажды утром, встав ранее обыкновенного, послушник Иоанн Тихонов (впоследствии иеромонах Иоасаф, игумен Павло-Обнорского монастыря), отправился на кладбище близ соборного храма, где почивают достоблаженные и приснопамятные пустыnnики. Находясь среди памятников, брат заметил у келии отца Серафима человека, который быстро двигался взад и вперед. Воображение инока встрепелось. Он оградил себя крестным знаменем и с молитвой стал всматриваться в ночное видение. Оказалось, это был сам подвижник, старец Серафим. Читая чуть слышно молитву Иисусову, он переносил тихонько небольшую по-

ленницу дров с одного на другое, ближайшее к келии место. Обрадованный видением затворника, который давно никому не являлся, будильщик бросился к нему в ноги и, целуя их, просил его благословения. Старец, благословив его, сказал: «Оградись молчанием и внимай себе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта, всякий мог прийти к нему, видеть его: старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келию, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, приняв на себя обет молчания перед Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

Тамбовские архиереи, любя Саровскую пустынь, с усердием посещали ее, обычно через год, в августе месяце, на храмовый праздник Успения Пресвятой Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть отца Серафима, пришел было к его келии, но старец, твердо исполняя свои обеты перед Богом и опасаясь человекоугодничества, не нарушил своего молчания и затвора. Отец Серафим в этих обстоятельствах мог руководствоваться еще примером Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Феофил, архиепископ Александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему». Так и отцу Серафиму еще не наступило время — хотя и недалеко уже оно было — ос-

тавить затвор. Игумен Нифонт предлагал было снять двери с крюков, думая, вероятно, не отошел ли старец уже ко Господу; но Преосвященный Иона не согласился на это, говоря: «Как бы не погрешить нам!» Оставив старца, он удалился из обители. Через неделю после этого случая прибыл в Саров тогдашний Тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов; с ним была жена его, и оба они пожелали принять благословение отца Серафима. В это время, видно, окончился срок строгого затворничества и молчания, положенный на сердце отцом Серафимом. Когда губернатор с женою подошли к келии, старец сам отворил им двери своего затвора и благословил их. Это было осенью 1815 года. С этого времени начали приходить к нему многие из братии, с которыми он стал уже вступать в беседу.

Так, из братии нередко бывал у о. Серафима инок Гавриил. Вступив в обитель, он два года не видал о. Серафима и после очень жалел об этом, но когда пришел к отцу Серафиму, старец с первого же раза привлек к себе его сердце. Со своей стороны и Гавриил полюбился старцу, ибо он имел сердце чистое, прямое, со всеми обращался как перед Богом, удаляясь всякой скрытности. После этого Гавриил пять лет находился под руководством чудного старца, пережив в обители и его кончину. Если что смущало молодого инокa, располагало к искушениям, он шел к старцу Серафиму, тревожимый страхом, но после беседы с ним возвращался в свою келию в мире и восхищении духовном. И во всем простосердечный Гавриил поступал так, как руководствовал его батюшка Серафим. Много сказано

было ему на пользу вперед. Не скрыл батюшка Серафим и того, как много горестного предстоит молодому иноку на пути жизни. По переселении отца Серафима в вечность Гавриил с восхищением вспоминал о его жизни и своих беседах с ним и с глубокой горестью говорил о важности этой потери для него. В отраду же сердца и жизни он взял и всегда имел при себе портрет старца Серафима.

Здесь можно представить в общих чертах те наставления, какие делал старец приходящим к нему инокам Саровской обители. Все было направлено к утверждению их в соблюдении правил иночества. Он внушал братии совершать церковное богослужение неопустительно по Церковному Уставу и, присутствуя в храме, сам следил за этим делом; советовал всем ходить на церковные службы; на молитве в церкви стоять с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же разве тогда, как почувствуешь уныние или сон отягощать станет; обращать в таком случае глаза на образ или на горящую свечу! Развивая эту мысль подробнее, о. Серафим учил так: «На жизнь нашу смотреть надобно как на свечу, делаемую обыкновенно из воска и светильни и горящую огнем. Воск — это наша вера, светильня — надежда, а огонь — любовь, которая все соединяет вместе — и веру, и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при горении своем и угасая — так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме, да вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни, ибо как тает свеча, зажжен-

ная перед ликом Божиим, так с каждой минутой умалается и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтобы жизнь наша перед Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающего смрада».

Обращаясь далее к общему перечню предметов, заметим, что отец Серафим внушал непрестанно заниматься умной молитвой, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушание, невкушение пищи до времени, определенного уставом; на трапезу непременно ходить, хотя бы и не хотел кто кушать, чтобы отсутствием не соблазнять братии; за трапезой сидеть с благоговением и страхом Божиим, с благодарностью вкушая предлагаемое; без уважительной причины и благословения не выходить за ворота монастыря, а тем более не покидать совсем иноческого пути; удерживаться от своеволия, губительные последствия которого неисчислимы; терпеливо сносить все искушения для спасения души (см. Мф. 10, 22); хранить взаимный мир. Бог обитает только в жилище мира, как сказано: *В мире место Его* (Пс. 75, 3).

Настоятель Саровской обители игумен Серафим в 1824—1826 годах исполнял в больничной церкви пономарскую должность. На его послушании лежало ежедневно, после каждой Литургии, носить отцу Серафиму часть святого антидора, для него отделяемую. Затворник иногда сам принимал этот дар, а иногда не являлся к принесшему брату. Последний полагал в таком случае часть антидора в чистую сумочку, для этого повешенную у двери, и, сотворив молитву, как обычно, удалялся восвояси. Из

больничной же церкви по воскресным и праздничным дням ему носили в келию Святые Дары для причащения.

Вскоре после того, как старец открыл братии дверь своей келии, некоторые посетители убедительно просили его принимать к себе и мирян. Тогда, по его изволению, к нему стали ходить уже и посторонние. Теперь жизнь старца приняла новое христианское общественное направление. До сих пор он видимо заботился об одном себе и о спасении души своей. Забота его о ближних исключительно состояла в молении о всем мире, о живых и усопших православных христианах. По свойству пустынножительства и затвора практическая польза и руководство ближних еще не входили в разряд его действий. До сих пор, духовно работая над собой, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого отец Серафим, став в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигам веры и душеспасительного назидания и руководства ближних.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Двери его келии открыты были для всех от ранней Литургии до восьми часов вечера. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе при приеме посетителей не всегда, а в те лишь дни, когда причащался Святых Таин, то

есть по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние в грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собой следующую покаянную молитву: «Согрешил я, Господи, согрешил душею и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит ти, чадо (имя его), вся согрешения твоя: и аз, недостойный иеромонах Серафим, властью Его мне данную, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих, во имя

Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». При последних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, то есть имеющими степень священства, аввами. Получившие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали несродное земным благам духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от святой иконы, и если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушение из чаши великой агиасмы, то есть святой богоявленской воды, благословлял частицей антидора либо святого хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: «Христос воскрес!», и давал прикладываться к образу Божией Матери или к кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатым особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией перед святой иконой Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для того непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». «В этом да будет, — говорил он, — все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием, таким об-

разом, имени Божия, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святой Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святые, во всяком благочестии и чистоте».

Другое из частых наставлений отца Серафима было такое: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ю в свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, — вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к отцу Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотности, другие — по недосугу. Отец Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило:

«Встав от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню: “Отче наш” трижды, в честь Пресвятой Троицы; потом песнь Богородице: “Богородице Дево, радуйся” — также трижды, и, наконец, Символ веры: “Верую во единого Бога” — единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного” или “грешную”, а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только “Господи, помилуй” и продолжает так до обеда.

Перед самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: “Пресвятая Богородице, спаси мя, грешного”, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею помилуй мя, грешного” или “грешную”.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышеуказанное утреннее правило, то есть трижды “Отче наш”, трижды “Богородице Дево” и один раз Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила отец Серафим толковал, что, держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы — основание христианства: первая — как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая — принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры.

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и при ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: Всякий, кто только призывает *имя Господне, спасется* (Иоил. 2, 32; Рим. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило и, вдобавок, он человек грамотный, тот пусть к этому присоединит и другие ду-

шеполезные молитвословия и чтения, как то: чтение нескольких зачал из Святого Евангелия и Апостола, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься на верх христианских добродетелей.

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. Отец Серафим оказывал им должные почести и относился к ним с христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их быть верными Святой Православной Церкви, своему Государю и Отечеству. Указывая на знаки отличия, украшавшие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на Кресте, и говорил, что знаки эти должны служить им живой проповедью об их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самой жизнью, для блага Родины и Церкви. Более же всего, по нуждам того времени, он умолял их охранять Святую Православную Кафолическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрованиями века. «Это, — говорил он, — ждет от вас народ русский, к тому должна побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил Государь, к этому обязывает Святая Церковь и Сам Господь Бог, ее основатель и хранитель». Великий князь Михаил Павлович, посетив (инкогнито) Саровскую обитель, проездом через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Еще больше являлось к нему простых людей, которые требовали не одних советов, но подчас и помощи. Так, однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкой в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок: «Батюшка! Ты, что ли, отец Серафим?» Ему указали, где искать отца Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь». Отец Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в такое-то (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома; там ты увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верой и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в указанном месте.

Другой, подобный сему, случай рассказывал отец Павел, инок Саровский:

— Однажды привел я к отцу Серафиму молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их одних. Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну, что? Отыскал ли ты своих лошадей?»

— Как же, батюшка, отыскал, — отвечал крестьянин.

— Где и как? — спросил я его.

А он отвечал:

— Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидал и взял к себе моих лошадок.

Жена управляющего селом Елизарьевым, находящимся в Ардатовском уезде, Нижегородской губернии, А. И. Моляева рассказывала следующий случай прозорливости отца Серафима, принадлежащий настоящему времени.

«Муж мой Николай Кириллович Моляев, лишившись места управляющего в селе Елизарьеве, вскоре получил такое же место в селе Череватове Ардатовского же уезда и здесь жестоко занемог; это было в 1822 году. Зная мою преданность отцу Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня к нему попросить его святых молитв и благословения и спросить: может ли он надеяться на выздоровление или нет?

Я отправилась в Саров и по прибытии моем туда нашла, что отец Серафим затворился и никого к себе не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода отца Серафима, к его келии; и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей келии и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне и сказал: «Дочь Агрипина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне святой воды, антидора, красного вина, несколько сухарей и сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: «Вот, дочь моя, сперва мне

было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спешите же теперь и помните мою тяжесть. Прощай». С этими словами он благословил меня и ушел опять в свою келию, где снова затворился и никого к себе не принимал.

По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни; у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о кресте старца и поняла, что он предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по приказанию отца Серафима, больному красного вина с антидотом и потом святой воды — больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, святой отец, в последний раз получаю от тебя благословение». После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мною и сказал: «Велики дела отца Серафима!», лег снова и мирно отошел к Господу».

В это же время снискал доверие отца Серафима помещик села Нуч, стоящего в шести верстах от города Ардатова, Михаил Васильевич Мантуров, с именем которого связаны обстоятельства происхождения Серафимо-Дивеевской общины. Находясь в Лифляндии по обязанности военной службы, он впал в болезнь, свойства которой затруднялись определить лучшие врачи, а потому отступились и от ее лечения. Такие скорбные обстоятельства вынудили его оставить службу и поселиться в имении. Село Нуч находилось от Сарова на расстоянии сорока верст. Отец Серафим в то время уже проявлял в себе присутствие дара исцелений; слух об этом ходил по всем окрестностям Сарова. Стали советовать и Михаилу Васильевичу побывать у Саровского подвижника. Мантуров решился просить молитв старца о своем исцелении, и был при-

несен к нему на руках своими людьми. Увидев его в таком положении, старец Серафим сперва трижды спросил: «Веруешь ли ты несомненно в Бога?» На каждый вопрос Михаил Васильевич отвечал утвердительно: «Несомненно верую». Потом отец Серафим, взявши елей из лампы, висевшей пред образом Божией Матери «Умиление», которую он называл иконой Божией Матери «Радость всех радостей», помазал больные места. Все струпья, покрывавшие тело, тут же мгновенно отпали. Михаил Васильевич, получив здоровье, без помощи других вышел из келии отца Серафима. Памятуя всегда об этом благодеянии, Михаил Васильевич Мантуров весьма часто бывал в Сарове для посещения отца Серафима, к которому привязан был всей душой. Заметим — это было в 1823 году.

Княгиня А. Колончакова рассказывала о прозорливости отца Серафима следующее: «1824 года, 14 сентября, я удостоилась быть у отца Серафима и получить от него благословение. И пришла к нему с той мыслью, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около четырех лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: «Ты много не огорчайся: во всяком роде бывает траур». Когда же начала я говорить ему о своем брате, он отвечал мне: «Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой». Прозорливость его действительно оправдалась: через три месяца после нашего разговора я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете».

Икона Божией Матери «Умиление»

Другой случай прозорливости поведала некая госпожа Н. Н.

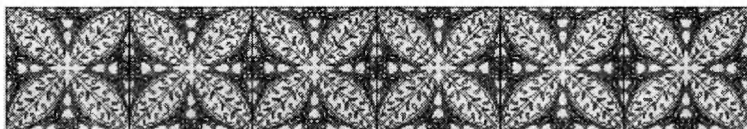
«В 1823 году в первый раз посетила я с сестрой Саровскую пустынь с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Сестра моя первая удостоилась видеть его

после утрени и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с нею, потому что не была у заутрени по причине сильной головной боли. По окончании же обедни отправились мы обе к благочестивому старцу в келию. Дорогой я заметила, что служитель сестры моей нес за нами две бутылки и полюбопытствовала спросить у сестры: что такое несет он? Сестра отвечала, что она пожелала, по примеру других посетителей Сарова, принести в дар отцу Серафиму немного церковного вина и масла. Я же, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что бы могла и со своей стороны принести также в дар отцу Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению, и так мы пришли в келию отца Серафима. Когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келии. Я не могла отвести глаз от его лица, в котором дышали доброта, смирение и святость. Он принял нас, как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: "Вперед, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси", и заметив, в какое я пришла смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: "Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то, верно, там есть пчелы;

так ты велела бы из воску насучить свеч, — тогда бы это и было твое”. После того он начал беседовать с нами о пользе душ наших, много говорил о спасительном пути христианском, и каждое слово его запечатлевалось в сердце моем».

Принимая к себе всех посетителей, сам отец Серафим, однако же, никуда не выходил из келии и, сняв с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет. Но наконец с благословения Божия отец Серафим решился выйти из затвора и, не покидая монастыря, посещать пустынь и о Господе трудиться в ней для спасения себя и ближних.

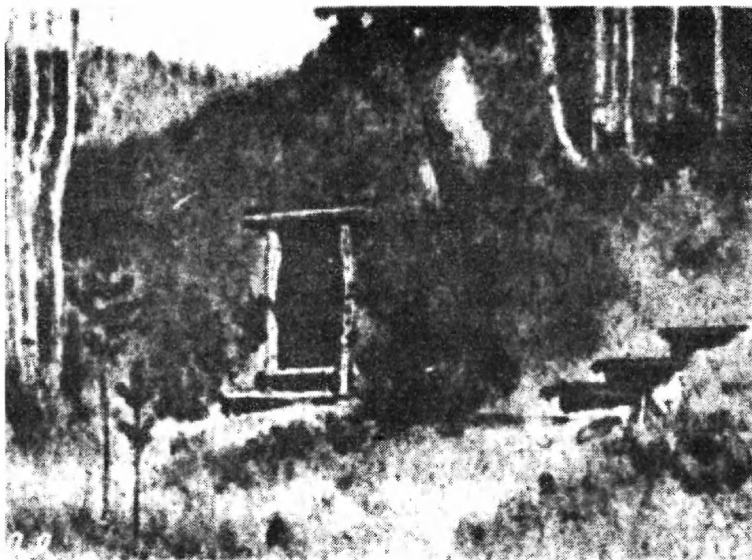

6. Ближняя пустынь и пребывание в ней отца Серафима

О происхождении, внешнем виде и названии Саровского родника. — Келия отца Дорофея и смерть его. — Изнеможение отца Серафима и совет близких людей. — Сокровенный выход из келии и значение этого случая. — Явление во сне Пресвятой Богородицы. — Благословение игумена. — Выход из затвора в лес. — Посещение прежней пустыни. — Телесные труды старца. — Временное убежище для него. — Устройство новой постоянной келии. — Название всей этой местности. — Переименование родника. — Времяпровождение отца Серафима. — Распоряжение Тамбовского архиерея, чтобы он причащался в церкви Святых Таин. — Увеличение его посетителей. — Отзыв отца Нифонта об этом. — Характеристика отца Серафима за это время, написанная его современником. — Прибавление к ней. — Переход к следующей главе.

Верстах в двух от монастыря находился родник. В Саровской обители не знают, кем первоначально вырыт он; существовал же он с давнего времени, еще до поступления отца Серафима в монастырь. В 1825 году он имел следующий вид: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землей; вода вытекала из него только через одну трубу; вблизи родника, на столбике, по-видимому, нарочно устроенном, стояла икона святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. По этому обстоятельству родник называли Богословским. Когда отец Серафим жил еще в дальней пустыни, то хаживал к этому месту и упражнялся близ источника

Пещерка батюшки Серафима

в телесных трудах. Местность вокруг родника очень нравилась старцу.

На расстоянии четверти версты от Богословского родника, на горке, стояла келия, в которой спасался инок Саровской обители иеромонах Дорофей. В половине сентября 1825 года благочестивый отшельник переселился в мир иной, лучший, в небесный мир, к которому всю жизнь стремилась душа его. Между тем старец Серафим от долговременных подвигов пришел в крайнее изнеможение: со времени стояния на камнях у него не переставали болеть ноги, а к боли в ногах присоединилась еще сильная боль в голове. Ему советовали для поддержания здоровья больше двигаться и пользоваться свежим воздухом. Чувствуя справедливость этого совета, отец Серафим стал выходить из келии. За-

мечателен самый первый выход: он относится к числу сокровенных его подвигов и дел, о которых упомянуто было прежде. Наступила весна 1825 года. Уже был Великий пост — время особых подвигов для саровских иноков. Раз один из братьев обители по имени Филарет, встав очень рано утром и совершив свое домашнее правило, вышел из келии в ограду монастыря. Неожиданно он видит вдали человека, окруженного мраком и совершенной тишиной, который нес на руках какую-то тяжесть.

— Кто тут? — вскричал Филарет, сотворив молитву.

— Убогий Серафим, Серафим убогий, — было ответом. — Умолчи, радость моя!

Тогда Филарет подошел к старцу и по обычаю принял от него благословение. Он увидел, что отец Серафим нес на руках своих значительной величины камень. Он взял его вне монастыря, из-под горы, у того места, где стояла церковь святого Иоанна Предтечи. Филарет проследил, куда несет этот камень старец, и заметил, что отец Серафим положил его возле алтаря соборного храма. В то же время было сообщено об этом казначею отцу Исаии. Последствия объяснили дело. Теперь на том месте покоятся блаженные останки отца Серафима, где был положен камень. Так старец из затвора стремился в могилу: от созерцания Бога, *якоже зеркалом в гадании* (1 Кор. 13, 12), — к откровенному познанию славы Его. Этот случай был также первым намеком старца на обстоятельства его смерти, о которой он впоследствии предсказывал яснее.

Затем он начал в молитвенном обращении к Богу просить изволения на открытое окончание затвора, ибо никогда ничего не начинал без благо-

словения свыше. 25 ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, епископа Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении Матерь Божия, в сопровождении святых дня явившись отцу Серафиму, разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. В этот же день, встав от сна и сотворив обычное правило, отец Серафим просил у игумена Нифонта, и получил совершенно беспрепятственно, благословение выходить, по болезни ног и особенно головы, на день в пустынную келию иеромонаха Дорофея. Этот же день был первым, в который старец после затвора открыто вышел в лес. С тех пор отец Серафим начал днем ходить к Богословскому источнику и в пустынную келию отца Дорофея.

Во время отсутствия в обители старец посещал иногда прежнюю свою келию в так называемой дальней пустыни и молился в ней. Один из важнейших случаев этого посещения был следующий. 9-го декабря 1825 года пришли к нему бывшие на гостинице две дивеевские сестры: Параскева Степановна и Мария Симеоновна. Как только ударили к заутрене, отец Серафим пошел с ними в лес, а в благовест к поздней Литургии они прибыли к Богословскому источнику. Сестры заметили, что отец Серафим взял с собою свечи, елей и сухари. Дорогой старец говорил им, что он вот уже много лет не ходил этими местами, с того времени, как вошел в затвор. Подойдя к источнику, отец Серафим заметил, что ему предстоят некоторые поделки на этом месте. Наконец пришли они в прежнюю пустынь отца Серафима. Здесь старец, став перед Распятием, которое было у него на стене, сестер поставил:

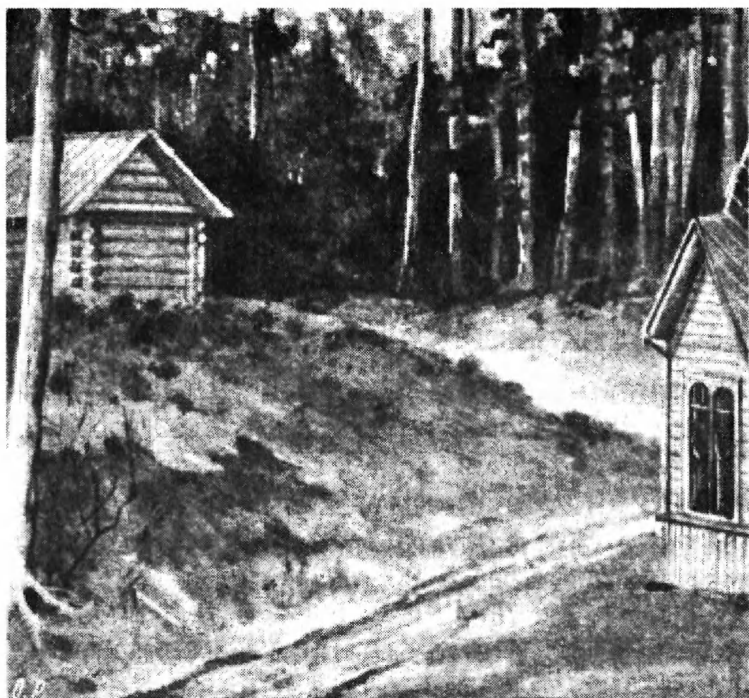
Марию Симеоновну — по правую, а Параскеву Степановну — по левую сторону, подал в руки им по зажженной свече и около часа молился. Потом он приложился к Распятию и сестрам велел приложиться. Погасили свечи, вышли из келии и целый день занимались чисткой погреба, который находился около пустыни. К вечеру они возвратились в пустынь. Позволительно догадываться, что в этот первый выход в дальнюю пустынь отец Серафим молился о Дивеевской общине и здесь получил первую мысль об устройстве для нее мельницы, ибо после этого, как увидим ниже, он начал деятельно готовить для мельницы материалы.

Летом следующего, 1826 года по желанию старца Богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, был снят, сделан новый сруб с трубой для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроив здесь для себя гряды, удобрял их мхом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место потому, что по болезни не мог ходить в прежнюю свою келию за пять верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему посещать для отдохновения в полуденное время келию отца Дорофея, которая отстояла от родника всего на четверть версты.

Для отца Серафима устроен был на горке подле родника новый небольшой сруб вышиной в три аршина, длиной в три и шириной в два. Сверху его накрывал скат в одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец открыт был земляной, со стороны горы, под стенкой. Подлезши под

стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. В 1827 году здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келию с дверями, но без окон; внутри ее была печь, сновне сколочены сенцы из досок.

В течение 1825—1826 годов старец не ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келию, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыни, а вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом ветхом холщевом балахоне, в убогой камилавке без крепа, с топором или мотыгою в руках, он носил за

Ближняя пустынька

плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и Святое Евангелие. Некоторые спрашивали, для чего он это делает? Он отвечал словами святого Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем ближней пустыни отца Серафима, а Богословский родник стали называть колодцем отца Серафима.

Со времени построения новой келии в 1827 году деятельность и труды отца Серафима постоянно разделены были между двумя местностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщем.

В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за ранней Литургией в больничной церкви Святых Таин. В будни же он почти ежедневно ходил в лес, ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. На день же с четырех, даже с двух часов ночи удалялся в ближнюю пустынь, проводя в ней время до семи или восьми часов пополудни. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, желая увидеть его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келию. Старцу, ослабевшему в силах, было тяжело простираť деятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посетителей, чтобы очень не развлекаться, чтобы не истаивать от трудов собеседования, отец Серафим в начале поселения в ближней пустыни причащался Святых Таин, как и во время затвора, в своей келии. Некоторых стало соблазнять это обстоятельство. Как, в самом деле, старец ходит в пустынь

за две с лишком версты от монастыря, а Святых Таин причащается в келии? Но соблазняться нечем было... Старец продолжал причащаться в келии потому собственно, чтобы избежать многочисленных посетителей, которых уже не в силах был при-

нимать к себе. Однако, во избежание соблазна немощных в совести, которую вера православная хранит, как святыню, от епископа Тамбовского последовало предложение, чтобы старец Серафим сам приходил в церковь для причащения Святых Таин. Услышав о таком распоряжении, он сказал, что не оставит причащения Святых Таин, хотя бы пришлось для этого ходить на коленях, и распоряжение архиерея принял со смирением. Но, кажется, это было распоряжением свыше земной власти — с целью короче сблизить старца с нуждами верующих. Ибо когда отец Серафим стал ходить в больничную церковь к ранней Литургии, то число усердствующих к нему возросло до огромной цифры. Старец почти не имел покоя ни в пустыни, ни по дороге, ни в монастыре. Строитель Нифонт, любивший старца Серафима, насчет множества посетителей говаривал, бывало, так: «Когда отец Серафим жил в пустыни (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил, а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских».

Умилительно было видеть, как старец после причастия Святых Таин возвращался из церкви в свою келию. Он шел в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленным от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя: взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил

своей душой в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям Таинством Святого Причащения. И благоговей к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Придя в свою келию, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Не менее умирительно было видеть этого смиренного, седовласого, сгорбленного старца, опиравшегося на мотыгу, или топор, в пустыни за рубкой дров, возделыванием гряд, в убогой камилавке, в белом балахоне, с известной уже нам сумой за плечами. Иногда же видали его покрытым выделанной кожей, как бы в подражание тем, о которых писал святой апостол Павел: *Проидоша в милотех (и) в козих кожах... в пустынях скитающиеся* (Евр. 11, 37, 38).

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у отца Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный, любовь к труду неослабевающая. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от него душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердца других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божиим, подтверждая их чаще всего местами Нового Завета или пи-

саниями святых отцов и примерами святых, Богу благоугодивших. Все это потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости: иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Впрочем, старец, украшенный высокой духовной опытностью, соблюдал известные правила в раскрытии перед другими своих благодатных дарований. Правила эти изложены им в наставлении «О хранении познанных истин».

«Не должно, — говорил он, — без нужды другому открывать сердца своего: из тысячи найти можно только одного, который сохранил бы твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другим?»

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волею Божиею, и потому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению святого Дионисия Ареопагита (О небесной иерархии, гл. 2): “Соделавшись сам божествен, божественных вещей познанием в тайне ума сокрыв святая от неосвященного народа, яко единообразная храни: не бо праведна есте, якоже Писание глаголет, повергну-

ти в свиния умных маргаритов чистое, световидное и драгоценное благоукрашение”. Надобно содержать в памяти слово Господне: *Ни пометайте бисер ваших пред свинями, да не поперут их ногами своими и вращеся расторгнут вы* (Мф. 7, 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований, в противном случае потеряете и не найдете. Ибо, по опытному изучению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел (Сл. 89).

Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно, по глаголу: *Аз прославляющая Мя прослаблю* (см. 1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся».

Таковыми-то правилами духовного рассуждения руководствовался отец Серафим в своем обхождении с другими.

Особенную любовь и почтение отец Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями православной веры Христовой, как-то: Клименту, папе Римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами Церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной Церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о Православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в

себе истину Христовой веры в целостности и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной Церкви — Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьях-Минеях, творения многих отцов Церкви так твердо знал, что на память пересказывал из них целые разделы, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения, и часто так, что слушатель его в первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осоленная благодатью, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины: для всех было довольно живой во-

ды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в келии около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда изливались из глаз у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце. Мы не можем забыть одного весьма поразительного случая.

Приехал в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. Итак, осмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара. Только, против ожидания, встретил он здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина, разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал, надменный собою, отрицался и только после длительных уговоров уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келию, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило генерала. Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келии, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из келии старца плач: то плакал гене-

рал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и отец Серафим вывел генерала под руки: он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у отца Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились с него во время беседы сами собой. Отец Серафим вынес все это генералу и самнадел на него фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда и не слышал о такой прозорливости, с которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились с него, отец Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру: на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами своими. Впрочем, несмотря на любовь ко всем отца Серафима, для некоторых было тяжело видеть: *яко неподобно было иным житие его, и отменны были стези его* (Прем. 2, 15). Но и с не любящими его он был мирен, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но, всегда благословляя Господа Бога, говорил: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался этим, как бы плодом своего дела. «И мы, — говорил он, — должны всякую радость земную от себя удалять, следуя уче-

нию Иисуса Христа, Который сказал: *О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20)».

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года, и она имела двух детей. 6 апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после Литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с ней сделалось дурно: муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. Началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы придя в себя, она начала скрежать зубами, грызть все, что попадалось, и наконец уснула. Спустя месяц эти болезненные припадки стали повторяться с ней ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им меры не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы: там был иностранный доктор. Он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу, на чугунные заводы. В Выксе же, по описанию мужа больной, доктор был иностранец и с большой привилегией. По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксинский доктор истощил все

свое внимание, познание и искусство и наконец дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не может». Такой конец лечения очень опечалил всех и больную поверг в отчаяние.

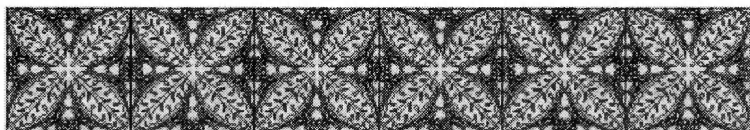
В ночь на 11 июня 1827 года больная увидела сон. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: «Что ты страдешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положив на себя крестное знамение, начала читать молитву Святому Кресту: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Явившаяся отвечала ей: «Не убойся меня: я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к отцу Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты такая и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти быстро: беспрестанно делались с ней обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней Литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал, но больная, приблизившись к его келии, едва успела сотворить молитву, как отец Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келию. Там он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную святой Богоявленской водой, дал ей частицу святого антидо-

ра да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со святою водою да еще: сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сем месте сколько можешь поклонов: она (Агафия) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: “Отче Серафим! Помяни меня на молитве и помолись обо мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия”». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно, с великим шумом: она была здорова во все последующее время и невредима. После этого недуга она родила еще четверых сыновей и пять дочерей. Собственноручная запись об этом мужа исцеленной заканчивается следующим послесловием: «Имя отца Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

В числе бывших тогда в Сарове являлись к отцу Серафиму и такие лица, которым нужно было не одно духовное утешение или врачевство, но и участие в их сиротстве и безнравственности. Из числа таких посетителей, дев и вдовиц еще с 1820 года он посылал в Дивеевскую общину, где начальница принимала их на постоянное жительство для совершения духовных подвигов во спасение души. В течение пяти лет таким образом устроено было несколько человек, имена которых встретятся далее в нашем повествовании. В особенности к отцу Серафиму стремились теперь, как пчелы к матке, такие люди, которые, посвятив жизнь свою Господу, искали путей к духовному единению с Ним. Сестры Дивеевской обители имели для этого на своей

стороне, так сказать, особое право. Первоначальница этой обители, умирая, поручила будущую участь их отцу Серафиму, бывшему в то время еще иеродиаконом. Старец Пахомий, оставляя мир сей, на него же возложил попечение о Дивеевской общине. Наконец и сам отец Серафим определил туда несколько лиц. Нужно было теперь исполнить заветания и просьбы: принять в общине живое участие. И отец Серафим очень многое сделал для Дивеевской общины. Труд его для нее, как особенный подвиг жизни, относящийся ко благу ближних, требует особого рассмотрения.

7. Отношение старца Серафима к Дивеевской обители

Об основании Дивеевской общины. — Краткие сведения об основательнице ее и первоначальнице. — Труды ее и построение новой каменной церкви в Дивееве. — Основание Дивеевской общины. — Судьба ее и умножение членов после смерти первоначальницы. — Влияние Саровских старцев. — Посещение отца Серафима сестрами и священником Дивеевской общины. — Участие в ней старца Серафима. — Причины разделения общины. — Обстоятельства этого события. — Указание нового места для нее. — Устройство мельницы. — Переселение некоторых сестер и первоначальная жизнь их на новом месте. — Приобретение земли в собственность. — Малодушие некоторых сестер. — Рассказ о кормлении медведя. — Число сестер при кончине старца. — Труды и подвиги сестер. — Новое молитвенное правило отца Серафима для них. — Построение и освящение новых церквей для общины. — Исправление сестрами пономарских обязанностей в церкви. — Правила, заповеданные отцом Серафимом относительно служений в общинной церкви и занятий сестер. — Обстоятельства, доказавшие необходимость их исполнения. — Об участии старца в будущем построении собора в общине. — Слияние двух общин в одну после смерти старца. — Взгляд отца Серафима на новоучрежденную общину.

Основание Дивеевской общины положила около 1780 года помещица Владимирской губернии, Переяславского уезда, вдова полковника Агафия Симеоновна Мельгунова. Еще в молодых годах, лишившись мужа, имея при себе одну трехлетнюю дочь, она, в намерении посвятить себя Богу, обошла многие святые места и в Киевском Флоровском монастыре приняла монашество под именем

Александры. Странствуя из Киева в Саровскую обитель, она остановилась для отдохновения в двенадцати верстах от нее, в селе Дивееве, и, по простоте, села на бревнах неподалеку от тогдашней Дивеевской деревянной церкви в честь святителя и чудотворца Николая. Здесь в немногие минуты сладкой страннической дремоты она увидела Божию Матерь, Которая, внушая ей остаться на этом месте, поручала воздвигнуть храм в честь Казанской чудотворной иконы Ее. Воспрянув от дремоты и обозрев местность, она отправилась в Саровскую пустынь. Обитель так пришлась ей по сердцу, что она непременно осталась бы спасаться в ней, если бы то был женский монастырь. Возвратившись отсюда в село Дивеево, она познакомилась с тамошним достойным священником отцом Василием Дертевым, который впоследствии, под именем Варлаама, умер иеромонахом в Саровской пустыни, а на постоянное жительство поселилась в приходском к Дивееву сельце Осиновке, в небольшом домике, построенном на небольшом участке земли, приобретенном ею от владельцев Осиновских. Когда же умерла девятилетняя дочь Агафии Симеоновны и последняя связь ее с миром разорвалась, тогда она, продав свое имение, переселилась на жительство к дивеевскому отцу Василию, построила себе на его дворе отдельную келию и подвизалась в ней двадцать лет. Келейные подвиги она проходила в тайне пред Отцом Небесным, и в настоящее время они остаются для нас почти в неизвестности. По благословению Саровских старцев она прочитывала ежедневно из Евангелия зачало дневное и святому. Много также посвящала она време-

ни чтению Четий-Миней и духовно-подвижнических сочинений, например Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина. Молитва Иисусова никогда не сходила с ее уст. По смирению своему, забыв о своем происхождении, звании и богатстве, она исправляла в доме отца Василия добровольно всякие домашние работы. У кого из крестьян одиноких, но многодетных хлеб долго оставался на корню, она тихонько хаживала в поле, сжинала и связывала в снопы. Бедным девицам, вступавшим в брак, своими руками вышивала головные уборы (так называемые «сороки») и дарила их, сверх того, полотенцами. В воскресные и праздничные дни, по выходе из храма, останавливаясь с крестьянами, делала им разные наставления. Во время же пребывания своего у отца Василия она в течение пяти лет, начиная с 1774 или 1775 года, построила на свои средства вместо бывшей деревянной Никольской церкви каменный храм в честь Казанской иконы Божией Матери с двумя приделами: один — во имя святителя Николая Чудотворца, а другой — во имя первомученика архидиакона Стефана. По освящении всех трех престолов Агафия Симеоновна незадолго до своей кончины решила устроить близ Казанской церкви общину.

По совету Саровских старцев, настоятели которой — Пахомий и Исаия — были ее духовными отцами, и с разрешения епархиального Владимирского начальства, испрося у господ Ждановых по близости Казанской церкви часть земли в 1300 квадратных сажень, Агафия Симеоновна построила на ней дом с надворным строением и пригласила к сожитию с собой девицу Евдокию Марты-

нову Ардатовского уезда деревни Вертьяновой, скончавшуюся уже около 1836 года; крестьянскую вдову Анастасию Кириллову вотчины господина Баташева; села Сарминского-Майдана крестьянскую девицу Ульяну Григорьеву и деревни Осиновки крестьянскую же вдову Феклу Кондратьеву. В этом доме она жила с ними до своей кончины, ведя жизнь духовную, по духу и правилам Саровской обители, управляя помянутыми, как они назывались, сестрами с кротостью, питая как себя, так и живущих с ней на свои средства, при помощи благотворительной руки Саровского строителя отца Пахомия. Так положено было начало Дивеевской обители, с которой неразрывно связано имя Саровской пустыни и, в частности, — старца Серафима!

По кончине Агафии Симеоновны, преемницей ее в управлении была Анастасия Кириллова. При ней собралось для общежития из разных мест до двадцати мещанских и крестьянских девиц, которыми она управляла по правилам первой начальницы, получая содержание от саровлян за шитье им свиток, вязание чулков и прядение ниток. По смерти Кирилловой на место начальницы заступила мастера Тульского оружейного завода Прокофия Кочеулова вдова Ксения Михайловна, старица строгой духовной жизни, которую Саровский игумен Нифонт называл «терпугом духовным». При ней по 1826 год число сестер, о Бозе живущих, умножилось до сорока. Некоторые из них присланы были в последние пять лет старцем Серафимом. Саровские старцы Пахомий и Исаия, выезжая из обители, всегда бывали в Дивееве и, доставляя сестрам общины пособие на пропитание, укрепляли их своими

беседами, своим нравственным влиянием в прохождении избранной ими духовной жизни. Отец Серафим, после смерти строителей Пахомия и Исаии, по обещанию, сделанному в последние минуты их жизни, принимал близкое участие в Дивеевской общине, наблюдая и руководствуя сестер ко спасению. В последние же годы своей жизни он принял в жизни общины самое деятельное участие.

С 1825 года к отцу Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины Ксения Михайловна. Бывал у него и Дивеевский священник отец Василий, которого старец Серафим любил и уважал. На прошение отца Василия не оставить общину старец отвечал: «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафия Симеоновна? Ведь она была великая жена, святая; служение ее было неисповедимо, источник слез беспрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная; одежду носила самую простую, и то многошвенную; опоясывалась кушаком с узелком. А как идет, бывало, то госпожи великие ведут ее под руки. Столь за жизнь свою была уважаема! Так как же нам презреть ее прошение? Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих она просила о неоставлении заведенной ею общины. Так-то и я прошу тебя, батюшко: что от тебя зависит — не оставь их».

В том году отец Серафим принял решительное участие в общине. Он разделил ее на две части, говоря, что на это есть изволение Господа и Божией Матери. Дело было так. Населенность Дивеевской общины требовала, чтобы распространить ее, но

место, ею занимаемое, было столь тесно, что не было никакой возможности распространить ее ни в ту, ни в другую сторону, да и правило, принятое от саровлян, он находил не для всех лиц слабого женского пола легкоисполнимым. Предлагал он начальнице Ксении Михайловне правило это заменить новым, но она не согласилась. Сверх того, он не сочувствовал и тому началу, чтобы девицы жили в одном общении с бывшими в замужестве сестрами. Женщина, проведшая несколько лет приятной жизни в замужестве, могла передавать о том девицам, действуя разрушительно на мирное состояние духа, столь необходимое для точного соблюдения духовных обетов. Другая могла быть в замужестве несчастной и своими рассказами о бедствиях бросала бы несправедливо мрачную тень на богоучрежденное в человеческом роде состояние брачное. Старец замечал еще, что в супружеской жизни женщина часто приобретает такую настойчивость в характере (упрямство), которую трудно после исцелить. Это могло бы, естественно, при взаимном общении передаваться и девицам, поставляя их на пути, противоположном отречению собственной воли, требуемому в Дивееве. «В общежительной обители, — говорил он, — легче справиться с семьей девами, чем с одной вдовой». По всем этим причинам он считал полезнее для обители разделить ее на две половины, так, чтобы в одной спасались бывшие в замужестве, а в другой — чистые девы, хотя бы начальство и руководство у обеих было одно и общее. При этом в воображении его носился пример Суздальского женского Богородицкого монастыря, устроенного в XII веке. В нем было два отде-

ления, из которых в одном жили посвятившие себя Богу девы, в другом, отделенном от них оградой, — вдовы. Тем и другим воспрещено было входить между собой в разговоры. «И нигде же не бысть, — замечает писатель жития преподобной Евфросинии, — такого монастыря по всей великой России по устройению благочиния и покоя от труда черноризцам, ниже таких изрядных и трудополезных, иже в посте просиявших черноризиц, не обретал никаможе, якоже сии трудоположницы, то бо основание жития постнического и образ хотящим чернечествовать». Имея такие основания, отец Серафим так и оставил существовавшую Дивеевскую обитель на прежнем месте и в прежнем виде. Сам же начал прилежно молить Господа и Пречистую Матерь указать для устройства обители другое место, более просторное, и Царица Небесная, вняв его молитве, Сама избрала для него место саженьях в ста от прежней обители и Казанской церкви. В 1823 году Михаил Васильевич Мантуров, после исцеления от болезни, по молитвам отца Серафима и при участии его собственной веры полученного, прибыл во второй раз в Саровскую обитель. Старец, благословив его и сделав духовное назидание, дал ему, отпуская от себя, дубовый вытесанный колышек с таким приказанием: «Когда ты поедешь домой, остановись в Дивееве, подойди к среднему окну алтаря Казанской церкви и посмотри в поле: ты увидишь межевик и ступай по направлению его до поляны, которая находится в конце его. Взошедши же на поляну, ты найди средину ее и вбей тут вот этот колышек, заметив для памяти его признаки». Когда Мантуров был и на следующий год в Сарове,

отец Серафим дал ему уже четыре обтесанных колышка и велел их поставить на той же поляне, так чтобы прежний кол приходился в середине. Михаил Васильевич исполнил, как приказывал отец Серафим, не понимая, что из этого должно выйти. Но теперь понятно, что старец еще за два года до решительного участия в общине имел мысль устроить мельницу и при ней образовать особое отделение Дивеевской общины.

Земля, на которой отец Серафим наметил новое размещение общины, принадлежала наследникам господина Баташева. Господь устроил так, что около того времени одна из наследствующих особ, Вера Андреевна Постникова, урожденная Баташева, посетив Саров, была у отца Серафима. Старец просил у нее эту землю, и Вера Андреевна с любовью уступила ее, обещая взять на свою долю этот участок. Только она забыла заявить об этом в главной конторе, от ведения которой земля зависела.

Приобретя таким образом и землю, отец Серафим, после известной нам молитвы, совершенной с сестрами в дальней пустыни, 9 декабря 1825 года, в день зачатия Праведной Анны, укрепился духом приступить к делу. В остальные дни 1825-го и во весь почти 1826 год он сам готовил столбы и лес для мельницы, которую по примеру Алексеевской общины он хотел устроить и для общины Дивеевской. От настоятеля Сарова отца Нифонта было позволено воспользоваться для этого Саровским лесом. В заготовке леса помогали отцу Серафиму сестры Дивеевской общины. Отец Серафим устроил в келии дальней своей пустыни печь, чтобы здесь зимой было тепло отдыхать после трудов. В день за-

чатия Праведной Анны, 9 декабря 1826 года, ровно через год после молитвенного начала дела, были привезены на Саровских лошадях первые столбы и бревна к месту, предъизбранному для нового поселения сестер Дивеевских. После того и самим сестрам дано было благословение вывозить саровский лес для мельницы.

Ближайший помещик А. Н. Прокудин, имевший веру и уважение к отцу Серафиму, прислал мельничного мастера и двенадцать плотников, которые мельницу построили в скорое время: весной 1827 года начали строить, а летом, 7 июля, накануне праздника Казанской иконы Божией Матери, она замолла. Так как мельница строилась на земле, формально еще не отошедшей от владельцев, то старец для ободрения рабочих внушал никого не бояться, говоря, что Сама Царица Небесная пожаловала обители все это место. Приставленные от господ Баташевых распорядители земель, естественно, привязывались к рабочим, мешали им, но рабочие терпеливо сносили все оскорбления и продолжали свое дело, ссылаясь на приказание отца Серафима. Когда мельница, устроенная с двумя поставами, была готова, отец Серафим перевел для жительства при ней из Дивеевской общины, что при Казанской церкви, шесть сестер, а именно: Параскеву Степановну, Параскеву Ивановну, Евдокию Ефремовну, Анну Алексеевну, Дарью Зиновьевну и Ксению Ильиничну. Параскеве Степановне назначил быть между ними старшей. Для духовного же руководства поручил всех новому Дивеевскому священнику отцу Василию Садовскому, которого назначил быть и духовником для них, говоря, что на это есть

воля Божия, Царицы Небесной и его благословение. Избранные сестры были из числа тех дев, которые в прежнее время самим старцем определены были в общину Агафии Симеоновны Мельгуновой. Не имея еще келии, сестры до глубокой осени жили на самой мельнице и занимались работами. В конце же октября построили свою келию, в которой и поместились все. Через непродолжительное время отец Серафим приобрел для них житницу и поставил ее против келии. После этого он благословил им строить и другие келии для вновь приходящих сестер. Строения отец Серафим распорядился вести в две линии, так чтобы мельница приходилась в середине или против промежутка. Около года по заведении мельничной общины сестры ходили на трапезу в прежнюю обитель, и немало было им скорби от таких странствований. Потом отец Серафим благословил им печь хлеб и варить квас у себя, отдельно от дивеевских, и сам пробовал их стол, который изредка приносили ему по его желанию. Раз сестра Параскева Ивановна после трудов в лесу вкушала вместе с отцом Серафимом в обеденное время сухой хлеб с водой. Старец заметил: «Это еще, матушка, хлеб насущный, а когда я был в затворе, то питался зелием: траву снить обливал горячей водою, так и вкушал. Это пустынная пища, и вы ее вкушайте». С тех пор по благословению старца в общине стали готовить снить, отваривая ее в воде с солью. Сверх того, когда сестры бывали у него, он после духовного утешения отпускал их обратно не иначе, как с ношей сухарей или толокна. Одна из сестер — имя ей Мария Ивановна — назначена была для приготовления трапезы. Во вре-

мя заведения общины сестры не раз, по наставлению отца Серафима, ходили на Илевский завод к приказчику господ Баташевых хлопотать об отдаче в их собственность земли, которая занята была мельницей, но успеха никакого не было в течение почти трех лет. Приказчик не доносил о том наследникам. А когда донесли, то генеральша Постникова, вспомнив словесное обещание, сказала: «Да, у меня просил отец Серафим земли в Дивееве, и я обещала ему дать. Беру этот участок на себя, когда последует раздел имения». Распоряжение ее о пожертвовании земли было доставлено в общину на бумаге. Когда уведомили о том отца Серафима, он пришел в такое восхищение и радость, которых на словах нельзя передать. Случился в то время в Сарове господин Мантуров... Отец Серафим послал через него к сестрам в Дивеево кадочку меда, и сестры, обозначив вместе с посланным от конторы приказчиком межу от своих владений, вкушали этот мед с мягким хлебом вместе с начальницей Ксенией Михайловной и дивеевским священником. Сестра Елена Васильевна Мантурова написала генеральше Постниковой в искренних выражениях благодарное письмо от имени дивеевских сестер и отца Серафима, причем старец в благословение послал ей своих сухариков. Это было в 1830 году.

Трапезная сестра Мария Ивановна по своему послушанию пошла однажды весной того же года в погреб рано утром. Прочие сестры спали еще. Идя к погребу, вдруг увидела горящую свечу, которая воткнута была в землю позади келии. В испуге сестра прибежала в келию, разбудила спавших... Все бросились с замиранием сердца к тому месту, где

горел таинственный огонь. В неописанной радости все вскочили, чтобы бежать туда, но его уже не было. И это явление было ни что иное, как видение. Поутру, когда рассвело, сестры нашли, что земля у того места была вскопана. Это случилось перед днем Святой Троицы. С того времени старец благословил сестрам рыть в три аршина канавку около того места, где было видение, и они, занимаясь этим ровно три года, оградили себя со всех сторон окопом и внутри его валом, на котором по его благословению насадили крыжовник.

По неудобству жизни в общине некоторые из сестер впали в малодушие и хотели переселиться куда-нибудь в другое место. Одна из них, Ксения Ильинична, имея это на уме, пришла к отцу Серафиму попросить благословения. Старец, не дав ей высказать своих намерений, отечески уговаривал ее в течение восьми часов, и сестра, успокоившись от искусительных помыслов, осталась навсегда в обители. Другая сестра, Параскева Ивановна, решившись отправиться в мир, не хотела и говорить об этом отцу Серафиму. Неожиданно старец сам присылает за ней. Сестра пришла к нему в смущении. Отец Серафим начал рассказывать ей о своей монастырской жизни и несколько раз повторял следующую мысль: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда, даже мыслью, не выходил из монастыря». Этой беседой, мудро направленной к сердцу сестры, он уврачевал душевный недуг, тяжко ее мучивший, так что по окончании беседы она чувствовала, точно больной член отняли у нее — и успокоилась.

Старица Дивеевской обители Матрона Плещеева рассказывала о следующем чудесном обстоя-

тельстве. «Поступив в Дивеевскую общину, я проходила, по благословению отца Серафима, послушание в том, что готовила сестрам пищу. Однажды по слабости здоровья и вражескому искушению я пришла в такое смущение и уныние, что решила совершенно уйти из обители тихим образом, без благословения: до такой степени трудным и невыносимым показалось мне это послушание. Без сомнения, отец Серафим провидел мое искушение, потому что вдруг прислал мне сказать, чтобы я пришла к нему. Исполняя его приказание, я отправилась к нему на третий день Петрова дня, по окончании трапезы, и всю дорогу проплакала. Пришедши к Саровской его келии, я сотворила по обычаю молитву, а старец, сказав: “Аминь”, встретил меня, как отец чадолюбивый, и, взяв за обе руки, ввел в келию. Потом сказал: “Вот, радость моя, я тебя ожидал целый день”. Я отвечала ему со слезами: “Батюшка, тебе известно, какое мое послушание, раньше нельзя было: только что я покормила сестер, как в ту же минуту и отправилась к тебе и всю дорогу проплакала”. Тогда отец Серафим утер мои слезы своим платком, говоря: “Матушка, слезы твои не даром капают на пол”. И потом, подведя к образу Царицы Небесной «Умиление», сказал: “Приложись матушка, Царица Небесная утешит тебя”. Я приложилась к образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась. После того отец Серафим сказал: “Ну, матушка, теперь ты поди на гостинную, а завтра приди в дальнюю пустыньку”. Но я возразила ему: “Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустыньку”. Отец же Серафим на это сказал: “Ты, матушка, иди

до пустыньки и сама все на голос читай: “Господи, помилуй”, и сам пропел при этом несколько раз: “Господи, помилуй”. А к утренето не ходи, но как встанешь, то положи 50 поклонов и поди”. Я так и сделала, как благословил отец Серафим. Встав, положила 50 поклонов и пошла и во всю дорогу на голос говорила: “Господи, помилуй”. От этого я не только не ощущала никакого страха, но еще чувствовала в сердце величайшую радость, по молитвам отца Серафима.

Подходя к дальней пустыньке, вдруг увидела, что отец Серафим сидит близ своей келии, на колоде, и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха и закричала во весь голос: “Батюшка, смерть моя!”, и упала. Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукою. Тогда медведь, как разумный, тот-

час пошел в ту сторону, куда махнул ему отец Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса и даже, когда подошел ко мне отец Серафим со словами: “Не ужасайся и не пугайся”, я продолжала по прежнему кричать: “Ой, смерть моя!” На это старец ответил мне: “Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это радость”. И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел. Не успели мы сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его. Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собой в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верой. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого отца моего: оно было светло, как у ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остатальной кусок и велел самой покормить медведя. Но я отвечала: “Боюсь, батюшка, он и руку мне отъест”. Отец же Серафим, посмотрев на меня, улыбнулся и сказал: “Нет, матушка, веруй, что он не отъест твоей руки”. Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне, грешной, за молитвы отца Серафима.

Видя меня спокойной, отец Серафим сказал мне: “Помнишь ли, матушка, у преподобного Ге-

расима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь, а о чем нам унывать? Вот, если бы я взял с собою ножницы, то и остриг бы его”.

Тогда я в простоте сказала: “Батюшка! Что, если этого медведя увидят сестры? Они умрут от страха”. Но он отвечал: “Нет, матушка, сестры его не увидят”. “А если кто-нибудь заколет его? — спросила я. — Мне жаль его”. Старец отвечал: “Нет, и не заколют, кроме тебя никто его не увидит”. Я еще думала, как рассказать мне сестрам об этом страшном чуде. А отец Серафим на мои мысли отвечал: “Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать”».

Впоследствии старица Матрона пришла по какой-то необходимости в келию, где занимался живописью, по благословению отца Серафима, крестьянин Ефим Васильев, известный своей верой и любовью к старцу, и увидя, что он рисовал отца Серафима, вдруг сказала ему: «Тут бы по всему прилично написать отца-то Серафима с медведем». Ефим Васильев спросил, отчего она так думает. И она рассказала ему первому об этом дивном событии. Тогда исполнилось ровно одиннадцать лет, заповеданных старцем.

Хотя и многие посторонние также видали отца Серафима с медведем, но за неизвестностью этих лиц невозможно передать их свидетельств, кроме одного, переданного саровским иноком Петром.

Удерживая малодушных сестер, отец Серафим увеличивал население мельничной общины новы-

ми членами. На другой же год, после построения мельницы, он начал присылать для жительства в эту общину многих новых девиц, а вдовых женщин отсылал в прежнюю общину, к начальнице Ксении Михайловне.

Одна госпожа Е. М. З. еще при жизни мужа, служившего на златоустовских заводах, просила у отца Серафима благословения поступить в Дивеевскую общину для спасения души. Старец отвечал ей: «Нет, матушка, погоди, сперва поживи с мужем, а когда он умрет, тогда еще лет десяток потрудишься для своих церквей просфирнею — и мужа-то тогда избавишь ты от муки». Но она возразила: «Еще неизвестно, батюшка, кто из нас прежде умрет, муж мой или я!» «Нет, матушка, — отвечал старец, — муж твой годика через три умрет». Умерший через три года муж оставил после себя большой долг, который она весь выплатила и тем, можно полагать, избавила его от муки. После того она была просфирнею для двух церквей и наконец решилась вторично просить у отца Серафима благословения на вступление в Дивеевскую общину. Старец и на этот раз не благословил ее, а велел пожить в миру. Когда же она сказала, что ей приходится жить в кругу молодых людей, то отец Серафим, коснувшись ее своей рукой, сказал: «Господь милостив! Хотя молодые люди и будут тебя прельщать, но тебе и на мысль не придет ничего дурного». Таким образом, она оставалась просфирнею около десяти лет, проходила послушание это с усердием, а по окончании десятилетнего срока действительно вступила в Дивеевскую общину.

Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской общине из благодарности за исцеление, по-

лученное через отца Серафима. Нижегородской губернии деревни Погиблово одиннадцатилетняя девочка, сирота В. К. во время свадьбы родного своего брата совершенно неожиданно и без всякой видимой причины упала в воротах двора и лежала в бесчувственном состоянии. Одна посторонняя женщина той же деревни из жалости взяла больную к себе в дом. В девочке открылась сильная внутренняя боль с онемением и окаменением живота. В течение двух лет припадки болезни усиливались и повторялись часто. Раз к светлому празднику Пасхи больную В. К. взяли в Саров к батюшке отцу Серафиму. Когда старец, находясь у своей келии, благословлял народ, подошла и она в толпе. Отец Серафим взял ее за руку, ввел к себе в келию, положил свои руки на ее голову, потом помазал ее елеем из лампы — и больная с тех пор получила исцеление. Когда исполнилось ей семнадцать лет, она поступила в Дивеевскую обитель.

Еще одна особа, Е. Н., страдала два года, не владея ни руками, ни ногами, и наконец была привезена в Саров к отцу Серафиму на излечение. Старец в то время трудился на сенокосе вместе с сестрами Прасковьей Ивановой и Ириной Васильевой, на пользу общины. Завидев издали больную, которую с трудом вели другие, отец Серафим стал манить ее к себе, чтобы шла скорее, а когда она приблизилась, старец, ни слова не говоря, дал ей в руки грабли и заставил сено убирать. Больная тут же почувствовала укрепление в ногах и руках и потому стала работать, как здоровая. Бывшие тут сестры, не зная еще о возвращении к ней здоровья, скорбели в душе, выговаривали ей, зачем она, такая

больная, притащилась к ним на работу. Но старец, уразумев духом мысли их, сказал: «Вы примите ее в Дивеево к себе, она будет вам прясть и ткать». Затем отец Серафим, покормив ее обедом за труды, отправил домой. Увидев себя дома совершенно здоровой, Е. Н. вступила в Дивеевскую общину.

Некоторых же отец Серафим по своей прозорливости с малолетства их предназначал и, в духе этого предназначения, руководствовал к поступлению в Дивеевскую обитель. Из числа таких была сестра Анастасия Протасова. «В первый раз была я, — рассказывала она впоследствии, — у старца Серафима еще малолетней, вместе с моими родителями и начальницей Дивеевской общины Ксенией Михайловной. Мать моя давно уже желала видеть отца Серафима, и мы все шли к нему с полной верой. Когда подошли к его келии, народа еще не было, мы сотворили по обыкновению молитву Иисусову. Батюшка тотчас отворил нам дверь. Он одет был в белый балахончик, и лицо его казалось необыкновенно светлым. Он сказал нам: «Пожалуйте сюда!» — и велел приложиться к образу Божией Матери, стоявшему на столе. Потом мы все поклонились ему в ноги, и он, благословив нас и дав приложиться к Распятию, которое висело на груди его, сказал нам: “Господь наш, Иже везде сый и вся исполняй, и вас милостию Своею не оставит. Пророк сказал: *“Не видех праведника оставлена, ниже семени его просяща хлебы”* (Пс. 36, 25). После того дал нам сам по частице антидора с церковным вином и положил матушке в платок несколько сухариков. Наконец, еще раз благословил и сказал: “Грядите с миром”.

Во второй раз я была у него семи лет от роду, с матерью и дивеевской начальницей Ириной Прокопьевной.

Он также благословил нас всех и приказал приложиться к образу Божией Матери, а так как я не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной, а затем взял мою руку, вложил ее в руку Ирины Прокопьевны и начал матери говорить о пророке Самуиле и другие притчи и спросил ее: “Понимаете ли вы, матушка?” Она отвечала: “Не могу, батюшка, понять”. Тогда он благословил нас всех и отпустил домой. Мать моя, возвратясь в квартиру, подумала, что все это клонится к близкой моей смерти и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной к отцу Серафиму, не решаясь уехать, не простившись с ним. Едва только он отворил нам дверь и мы поклонились ему, как, еще не благословляя нас, он положил на уста матери моей свою ручку и сказал: “Не к тому, не к тому, матушка, не унывай”. И тут же дал ей приложиться к кресту, бывшему на нем. После того мать моя совершенно успокоилась.

Когда же мне наступил двенадцатый год и мы пришли опять к отцу Серафиму, он спросил мать мою, указывая на меня: “Много ли ей лет?” Та отвечала: “Двенадцатый год, батюшка”. Тогда он сказал ей: “Пора нам, матушка, обручить ее жениху”. Мать возразила на это, что я еще молода, а Серафим отвечал ей: “Ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына, она ее и возьмет”. Маменька улыбнулась и подумала, что он действительно прямо говорит ей про будущего мо-

его жениха. А он продолжал: “По двенадесатым-то праздниками шей ей, матушка, обновки: белое платице и красненькие башмачки, а в полуночный-то час вставай сама молиться и мужа-то буди, а ее не буди. Когда она возмужает и укрепитя силою и духом, тогда будет и сама мужественна к подвигу”. И с тех пор всегда, когда бы мы ни приходили к нему, он все вспоминал о вдове.

Когда же исполнилось мне шестнадцать лет от роду, тогда он прямо сказал родителям моим обо мне, что «ей дорога в Дивеево, в мою обитель, к сиротам», и два года сряду после того посылал за мной из обители сестру Анну Петровну, и каждый раз, как мы бывали у него (что случалось раза три в год), он все говорил мне: “Успение тебя ждет, и тебе нет дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божия Матерь семи лет избрала, а они держат тебя у себя”. Это говорил он о родителях моих. Отца моего также просил, чтобы мы непременно поставили себе келию на каменном фундаменте и чтобы нам жить в ней только четверым человекам, не более. “А крышу-то, — говорил он, обращаясь ко мне, — ты сама, матушка, накрой и крепко приколоты гвоздями”. Раз я сказала ему, что мне жалко расстаться с сестрой, а он отвечал: “Так мы и ее возьмем сюда”. Тогда я начала жалеть родителей, что им без нас обеих еще больше будет печали. И вот, когда я была у него в другой раз, он между прочим сказал: “А про сестру-то, что мы говорили, мнится мне, лучше оставим ее покуда у родителей: пусть поживет в утешение их”. И, подавая мне просфору для передачи ей, прибавил: “Скажи ей, матушка, что это тебе прислал убогий Серафим”. С тех пор мы не так уже стали

жалеть друг друга, как это бывало прежде. Когда же принесли к нему трехлетнего брата моего, Ивана, он взял его из рук няньки и, подавая мне, спросил: “У вас есть сад?” Я отвечала ему: “Есть”. Тогда он сказал: “Ты, матушка, носи его по саду и говори все: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй!» Он возмужает и будет сокровище наше вожделенное, а корми-то его сама, из своих рук”.

Однажды, когда я была у него в пустыньке, он послал меня к источнику, с тем, чтобы я напилась и умылась из него, говоря, что этот источник исцеляет болезни; потом, показывая на окрестную землю, в ту сторону, где Дивеево, сказал: “Это место выбрала вам Сама Царица Небесная, и никто не может отнять его у вас. Вот я вам сделаю шалашик, а вы будете ходить около него, да сено убирать, да тут и отдыхать. И хлеба-то и картофеля-то будет у вас много, и церкви-то свои будут, и Устав-то Церковный будет так, как и в Сарове, как передали его нам святые отцы. Царица Небесная вам во всем поможет, и я, убогий Серафим, всегда за вас колени преклоняю, и за родителей и сродников ваших”.

Наконец, когда он стал решительно просить мать мою, чтобы скорее поставили мне келию и отпустили меня в Дивеево, мать заплакала и сказала: “Теперь мы ее отпустим, батюшка, с надеждой на вас; а если вас не будет, то, может быть, они все разойдутся”. На это он отвечал ей: “Нет, матушка, и до меня были отец Пахомий и отец Исаия, которые пеклись о них; теперь я, убогий, пекусь, а после меня Царица Небесная о них попечется”.

Посылая меня в обитель, он рассказал мне, между прочим, житие преподобной Макрины и приба-

вил: “Вот, матушка, она сама пошла в монастырь, и брата своего, Василия, увещевала. Он был столп Церкви, а когда был в учении и возгордился против сестры Макрины, она своим целомудрием привела его в смирение”».

Сестры, поступившие в общину, вели жизнь строгую, занимались физическими трудами и духовными подвигами. Для трудов, превышающих женские силы, при мельнице находился еще старец-работник. В первой обители со времен первоначальницы сестры держали правило саровских иноков. Отец Серафим, найдя это правило для женского пола трудным, дал им свое повседневное правило, которое имеет следующий порядок:

«Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь». «Царю Небесный»: «Святой Боже» (трижды). «Слава, и ныне». «Пресвятая Троице»: «Господи, помилуй» (трижды). «Слава, и ныне». «Отче наш». «Господи, помилуй» (12 раз). «Слава, и ныне». «Приидите, поклонимся» (трижды). Псалом 50-й. «Помилуй мя Боже»: «Верую во единого Бога»: тоже 12 псалмов избранных, начиная: «Господь просвещение мое». Помянник: «Помяни, Господи Иисусе Христе, Боже наш»: потом поучение из Пролога, краткое повседневное поучение; Великим постом читать Ефрема Сирина. На Страстной седмице — о страданиях Господа нашего Иисуса Христа, из разных книг. Сто поклонов поясных с молитвою: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Сто поклонов с молитвой: «Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас грешных».

«Достойно есть»: «Отче наш» (трижды). «Богородице Дево» (трижды). «Верую во единого Бога» (один

раз). «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную» (дважды). «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных» (один раз). «Господи Иисусе Христе, Госпожею Девкою Мариею Богородицею помилуй мя, грешную» (дважды). «Господи Иисусе Христе, Госпожею Девкою Мариею Богородицею помилуй нас, грешных» и 12 поклонов. «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и 12 поклонов. «Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас, грешных» (12 раз). Потом молятся и поминают о здравии и о упокоении благотворителей общины и всех православных христиан.

Во всех прочих случаях сестры Дивеевской общины также находились в послушании у отца Серафима; без его благословения ничего не начинали, и если которая из них хотела на время отлучиться из обители, то перед выходом и по возвращении в обитель являлась на благословение к старцу. Известен по этому случаю следующий рассказ о прозорливости старца, поведенный сестрой Евдокией глухенькой.

«У меня была замужняя сестра, которая жила в селе Аламасове. Однажды, заболев, она пожелала, чтобы я навестила ее в болезни. Я тотчас же и отправилась к начальнице Ксении Михайловне попросить у нее благословения на дорогу. Но начальница сказала мне, чтобы я предварительно сходила к отцу Серафиму и сделала бы так, как он благословит.

Я отправилась, но дорогой смутилась и долго рассуждала сама с собой: идти ли мне к отцу Серафиму или нет? Ну, если он не благословит? И наконец решила лучше не заходить к нему, а прямо отправиться к сестре. А чтобы хоть несколько успокоить

мучившую меня совесть, я упала на землю, мысленно поцеловала руки и ноги отца Серафима и приложилась к медному его Распятию, которое он всегда носил на груди своей. Я вообразила себе при этом, что он, по обыкновению, благословил меня и дал мне на дорогу сухариков. Успокоив таким образом себя, я отправилась к сестре в село Аламасово.

Пробыв у нее довольно долгое время и оставив ее в лучшем состоянии, я возвращалась в свою обитель в самом тревожном состоянии духа, потому что ушла без благословения, самовольно. Но лишь только вступила в ворота обительские, как встретила меня одна из наших сестер Екатерина Егоровна и сообщила мне, что она во время моего отсутствия дважды была у отца Серафима и что каждый раз он говорил ей обо мне. В первый раз он сказал: “У меня вот пред тобою была Евдокия глухенькая; она просилась в село Аламасово, к больной своей сестре, кланяясь мне до земли, целовала у меня руки и ноги и прикладывалась к медному кресту моему; я благословил ее идти и дал ей на дорогу сухариков”. Во второй раз он только наперед спросил: “Что, матушка, Евдокия глухенькая возвратилась ли из Аламасова?” — и потом продолжал то же самое, что говорил в первый раз: “Она была у меня в такой-то день и час и пр., и я благословил ее идти”. При этом рассказе я не могла не заплакать, как от сознания вины своей, так и от радости, что нашла в отце Серафиме такое благорасположение ко мне, грешной, и такой дар прозорливости».

До 1829 года живущие на мельнице сестры ходили к богослужению в храм Казанской иконы Божией Матери, построенный инокиней Александрой. Материалы же на сооружение особого храма

для сестер, живших на мельнице, по благословению отца Серафима заготавливались еще с 1827 года. Строителем нового храма были Михаил Васильевич Мантуров и его сестра, Елена Васильевна, по благословению отца Серафима бывшая начальницей новозаведенной общины при мельнице. Господин Мантуров, как сказано выше, был исцелен молитвами отца Серафима от неизлечимой болезни, и в знак признательности решился продать все свое небольшое имение в селе Нуче, в двадцати пяти верстах от Дивеева, чтобы построить на вырученные деньги церковь для общины. Побуждением к устройению новой церкви были два обстоятельства: увеличение общества сестер и теснота в Казанской церкви, которая была приходской в Дивееве. По благословению преосвященного Афанасия, епископа Нижегородского, испрошенному отцом Серафимом через посредство других, в 1828 году начали строить, а в следующем году окончили строительство нового храма по плану, предварительно одобренному в строительном комитете. Храм этот был поставлен в связи с колокольной Казанской церкви с западной стороны, строением каменный, имел два этажа. 6 августа 1829 года освящен был престол в верхней церкви в честь Рождества Христова, а 8 сентября 1830 года освящен престол в нижней церкви — в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Нижегородского Благовещенского монастыря архимандрит Иоаким, освящавший обе церкви, в последнем случае завернул в Саров и был в пустынной келии у отца Серафима. К этому времени в переднем углу келии вырос из-под пола малиновый куст, на котором созрели три ягоды. Ими отец Серафим

угостил архимандрита Иоакима, благодаря его за труды по освящении церкви. Храм этот доселе существует; в нем отправляются ранние Литургии и совершается денно-нощное чтение Псалтири. Пред местной иконой Христа Спасителя горит неугасимая свеча, а пред иконою Рождества Богородицы теплится неугасимая лампада — по завещанию отца Серафима. За колоколами для этой церкви отец Серафим посылал нарочно на Нижегородскую ярмарку, за священными сосудами — в Москву, дав на них свои деньги. Другой прибор он дал церковнице Ксении Васильевне из своих рук, третий прислала из Москвы княгиня Голицына еще до освящения церкви. Некоторые вещи, к священническому облачению принадлежащие, отец Серафим передал в общинную церковь через священника отца Василия Садовского. Таким образом устроив храм, отец Серафим снабдил его и вещами, при священнослужении необходимыми. Кроме того, в разное время присланы были от него в благословение обители следующие иконы:

- 1) небольшой Казанский образ Божией Матери,
- 2) средней величины образ преподобного Сергия, Радонежского чудотворца,
- 3) образ преподобных Кирилла и Марии,
- 4) складни в серебряной ризе с изображением Спасителя, Божией Матери, святого Иоанна Предтечи и некоторых других угодников Божиих. Все эти иконы сохраняются в обители даже до сего дня.

По освящении Христорождественской церкви отец Серафим благословил служить в ней каждый день в течение шести недель приходским священникам отцу Василию Садовскому и отцу Иоанну Дер-

теву по очереди. Так как сестры общины были девицами, посвятившими себя на служение Богу, и правило держали монастырское, то по монастырскому уставу и клиросную службу они правили сами, не приглашая причетников Казанской церкви, как наставлял их отец Серафим. Благочестивая храмоздательница Елена Васильевна Мантурова и ее послушницы Ксения Васильевна и Параскева Ивановна исполняли пономарскую должность в алтаре. Клиросные сестры, умевшие читать и петь, сначала пели понаслышке, потом научены были священником отцом Василием Садовским простому обиходному пению; наконец, саровские отцы Назарий и Корнилий научили их петь на гласы по саровскому напеву. По нотам же пели они параклисис Пресвятой Богородице.

Отец Серафим завещал — через отца Василия Садовского — для мельничной общины следующие правила:

1) в приделах во имя Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы служить неопустительно во все воскресные дни и двенадцатые праздники. Иногда же в субботы и прочие дни, смотря по нужде, по желанию благотворителей, по случаю поминовения умерших из сестер;

2) по воскресным дням перед Литургией петь непременно параклисис Богородице и канон, весь нараспев. «За это, — прибавил он, — вас никакие беды не постигнут, а если оставите исполнять это, без беды беду наживете»;

3) ежедневно читать Псалтирь в церкви двенадцати сестрам, переменяясь через каждые два часа, и читать вслух непременно, как сказано: *Слуху моему даси радость и веселие* (Пс, 50, 10). «Сами ан-

гелы радуются, — прибавлял он, — слыша чтение Псалтири»; чтение Псалтири совершать во весь год, кроме Пасхи; при деннонощном чтении Псалтири завещал поминать о здравии Царствующий Дом и благодетелей и за упокой усопших православных царей и благодетелей;

4) сестрам дивеевским всем неопустительно говеть, исповедоваться и причащаться Святых Таин во все четыре поста, некоторым же, по желанию, во все двенадесятые праздники;

5) на клиросах петь и читать сестрам;

6) ризницу хранить и сберегать все вообще церковное имущество, а равно пономарскую должность править церковницам, то есть избранным благоговейным сестрам;

7) перед святой иконой Спасителя гореть неугасаемой свече, а пред образом Матери Божией — лампаде.

В указании занятий кроме работ мельничных старец завещал труды и рукоделия, наиболее свойственные простому классу людей. А рисование, золотошвейные и другие работы, требующие углубления ума и относящиеся к искусствам, он не хотел допускать. Всегда верный своему началу, он основывал такое завещание на правилах святых Василия Великого и Григория Богослова, которые внушали в монастыре заниматься лишь такими предметами, которые удовлетворяют монастырским потребам. Но при всяких занятиях отец Серафим советовал строго держаться правила: дело — в руках, а молитва — в устах.

Все эти уставы и завещания отца Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивеевской

общины. Уклонения же от них влекли за собой весьма неприятные последствия для обители. Так, мы знаем уже завещание отца Серафима, чтобы в созданном им храме Рождества Христова читалась всегда Псалтирь по обычаю Обители неусыпаемых, перед иконой Спасителя горела неугасимая свеча, а пред образом Матери Божией — лампада, и что если это будет в точности исполняться, община не потерпит ни нужды, ни беды, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. И точно, Ангел мира охранял обитель, пока соблюдалось это завещание, с особенной силой и условием данное. Но в один день церковница Ксения Васильевна, бывшая в послушании у Елены Васильевны Мантуровой, вылила, сколько было, последнее масло в лампаду, и откуда-то получить его более не предвиделось. Это было во время богослужения. Когда все вышли из храма, она, приблизившись к иконе, увидела, что масло все выгорело и лампада потухла. С горестным чувством она отошла от лампы и, вспомнив невольно завещание отца Серафима, подумала: «Если такими несправедливыми оказались слова отца Серафима, потому что для лампы нет теперь ни масла, ни денег, то, может быть, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания, исполнение которых мы несомненно ожидали». Тысячи сомнений волновали душу сестры, и вера в прозорливость старца начала оставлять ее. В столь неприятном расположении духа Ксения Васильевна, закрыв лицо руками, на несколько шагов отступила от иконы Спасителя. Вдруг слышит треск... Восклонив голову, она увидела, что лампада загорелась; подошла ближе к ней и заметила, что стакан лампы

полон масла и в нем плавали две мелкие ассигнации. В смятении духа она заперла церковь и поспешила поведать дивное видение старице своей Елене Васильевне. На пути ее застигла одна сестра, с которой был крестьянин, искавший церковницу и что-то желавший передать ей. Крестьянин этот, увидев Ксению Васильевну, спросил:

— Вы, матушка, здесь церковница?

— Я, — отвечала сестра Ксения. — А что тебе нужно?

— Да вот, батюшка отец Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес тебе 300 рублей ассигнациями на масло для лампы, чтобы она горела за упокой родителей моих.

При этом он назвал имена усопших родителей своих и подал деньги.

Сомнения сестры в прозорливости старца и в истинности его завещания тотчас рассеялись: она устыдилась их и поскорбела о своем неверии.

Впоследствии, когда в Дивееве выстроен был новый деревянный храм, церковь отца Серафима заперли, Псалтирь вынесли из нее, свеча и лампада не горели. Обитель после этого потерпела много искушений, и между ее подвижницами существует убеждение, что Господь попустил это за несохранение уставов отца Серафима. Отступление это было следствием вмешательства в управление Дивеевской обителью стороннего лица.

В настоящее время помощью Божией и по молитвам отца Серафима уставы его опять приведены в действие: в церкви по-прежнему горят неугасимо свеча и лампада.

Не ограничиваясь данными завещаниями и простирая взгляд гораздо далее, отец Серафим при жиз-

ни своей приготовил место для построения собора. Он предсказал сестрам построение его и разные другие обстоятельства обители. Раз пришла к нему Дивеевская старица Матрона, посещавшая Серафимовскую пустынь едва ли не чаще других сестер. Она, вместо своего одеяния, какое носили насельницы обители, оделась в убогое рубище странницы, во избежание осуждений и упреков, что сестры часто беспокоят старца. Отец Серафим, как бы не узнавая ее, прежде всего спросил: «Кто ты такая, матушка, и откуда?» Когда же она называла себя дивеевской Матроной, старец отрицался от нее, будто никогда не видал ее и в первый раз слышит, что она из Дивеева. Огорченная тем, что пришла не в своем платье, старица упала отцу Серафиму в ноги и горько зарыдала как от раскаяния, так и от мысли, что незачем ей и жить теперь, когда отец Серафим отказывается от нее. Старец же, как самый нежный отец, поднял ее, говоря: «Встань, радость моя, встань: я знаю, кто пришел ко мне». Потом, помолчав, спросил: «Что из трех лучше: утешение, молитва или беседа?» Не переставая плакать, старица ответствовала: «Молитва, батюшка, полезнее всего». А он на это сказал: «Ты, матушка, благоразумно отвечаешь». Затем он начал говорить ей в утешение, чтобы ни в каком случае она не оставляла обители, даже и тогда, когда его на свете не будет. «Нам, матушка, Сама Царица Небесная пожаловала землю, на которой живете вы. Матерь Божия исходатайствовала ее у Господа, а я, убогий Серафим, выпросил ее у Царицы Небесной — так никто ее у нас не отнимет. У нас, матушка, и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волна.

Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять; а ты, как полная хозяйка, отрежь хлеба, сколько тебе угодно, посоли, да и кушай себе на здоровье. К нам придут и вдовицы, и отроковиц приведут с собой. Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они совсем противно судят о нас. Девица услаждается только Сладчайшим Иисусом, Его созерцает в страданиях и, вся свободная духом, предается служению Богу; а у вдовицы — все воспоминание мирское: “Как хорош был покойник-то наш! — говорят они. — Какой он был добрый человек!”» Старица Матрона, утешенная, получив благословение, воротилась домой.

Между тем отец Серафим, помышляя о построении собора, удобным для этого нашел место недалеко от Казанской церкви, посредине между старой и новой обителями. Место это принадлежало помещику Е. И. Жданову. Этот господин после смерти родителей оставался тогда старшим в своем семействе, один полновластно заведовал всеми делами, а дела его были в очень расстроенном состоянии. По глубокому уважению к отцу Серафиму он душевно желал принадлежащий ему с прочим семейством участок земли пожертвовать безвозмездно для построения собора. Но отец Серафим не соглашался на это. Он дал Дивеевской сестре Елене Васильевне Мантуровой денег для покупки этого участка и, отправляя ее вместе со старицей Ульяной Григорьевной к Е. И. Жданову, сказал: «Святой царь и пророк Давид, когда восхотел созидать храм Господу на горе Мориа, гумно Орны туне не принял, а заплатил цену. Так и здесь Царице Небесной угодно, чтобы место под храмом было при-

обретено покупкой, а не туне оное получить. Мне даром отдавали землю, но это Ей не угодно». По совершении купчей крепости старец велел сестре Елене Мантуровой списать с нее копию полуустановом и принести к нему. А когда эта сестра отошла ко Господу, отец Серафим потребовал к себе и подлинную купчую крепость. Вручая ее брату усопшей Михаилу Васильвичу Мантурову, отлучавшемуся в Симбирскую губернию и только что приехавшему в Саров, он, умоляя, просил его, чтобы как можно тщательнее сберегал ее и, когда придет время постройки собора, чтобы его поставили на этой именно, а не на другой земле. В июне 1848 года преосвященный Иаков Нижегородский, по указанию господина Мантурова, в руках которого была и купчая крепость, на этом именно месте положил своими руками первый камень на сооружение соборного храма. Но враг человечества, преследовавший блаженного старца Серафима при жизни, и после его успения воздвиг препятствия к выполнению уже начатого святого дела, так что храм этот был освящен только через 27 лет, в 1875 году. Между тем, господин Жданов, по получении от отца Серафима денег за землю под собор, сам не понимая как, начал разживаться и дела свои привел в отличный порядок. Впоследствии он был предводителем дворянства в уезде, имел десять человек детей и наслаждался довольством.

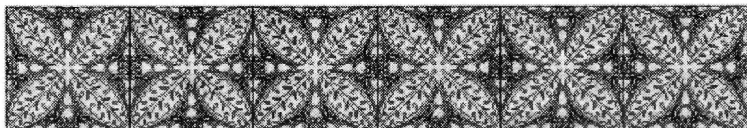
Таким образом, отец Серафим образовал особую, Серафимо-Дивеевскую общину, отделенную от обители Агафии Симеоновны Мельгуновой.

Дальнейшая после смерти отца Серафима судьба обеих этих общин не относится уже к жизни отца

Серафима. Мы заметим только, что они в порядке, устроенном отцом Серафимом, находились до 1842 года. В этом же году оба отделения соединены были в одну обитель, которая названа была Серафимо-Дивеевской общиной и была принята под покровительство власти духовной и гражданской. В 1861 году община обращена была в третьеклассный женский монастырь, и ныне ее населяют около 900 спасающихся сестер.

Объясним теперь, для полноты дела, как отец Серафим смотрел на свою общину и как относился к ее членам. По духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру; сам питал к ней уважение и сестрам внушал то же. Так, беседуя однажды с сестрой Иустинией Ивановной, он говорил: «Если бы ты знала, матушка, какая раба Божия заводила место это и покоится у вас в обители! Одежда была у ней многошвейная, плат ветхий, а зеницы ее не высыхали от слез. Я и сам доныне стопы ее лобызаю. Ходи каждый день, матушка, ходи на ее гроб. На гробе же, поклонившись, говори вот какие слова: “Госпожа наша и мать, прости меня, и благослови, и помолися о мне, чтобы как ты прощена от Господа, так бы и меня простил Он, и помяни меня у Престола Божия”». Эти мысли и уважение, которым сам первый следовал, отец Серафим внушал всем сестрам общины. На себя же он смотрел как на духовного родоначальника новой общины. «Скажу тебе, радость моя, — говорил он сестре Евдокии Ефремовне, — я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставляю. Вас я теперь избираю в сестры себе, а которые придут

после меня, те будут дщери (дочери) мои». Он считал новозаведенную общину угодной Богу и покровительницей ее признавал Божию Матерь. «Вот, матушка, знайте, — говорил он сестре Параскеве Степановне, — знайте, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени Своего, Она вам будет стена и защита». Всматриваясь в будущее, отец Серафим скорбел, что некому после смерти его поручить обитель и нередко говорил так: «Кроме меня, убогого Серафима, вам отца не будет. Вот отец Иларион — старец (иеромонах Саровской пустыни), но за вас взяться не может, также и батюшка Исаия не возьмется, а мог бы за вас взяться и быть вам отцом после меня отец Савватий, но не хочет (также инок Саровский; он после принял схиму под именем Стефана). Итак, скажу вам, что после меня у вас отца не будет». Вследствие этого он поручал всегда сестер Господу и Божией Матери. За неделю до своей кончины он говорил сестре Параскеве Степановне: «Теперь ты и все вы не имеете нужды ни в чем, а после меня много вам будет скорби... Ну, что ж делать? Потерпите, такой уж путь вам! Теперь только начало... Не я избрал вас, а Сама Царица Небесная избрала и дала мне вас, простых девушек, а потом к вам придут всякого рода и звания, и по мне, убогом Серафиме, вас вызнут большие лица... Станут спрашивать — все тогда говорите, что слышали от меня, не бойтесь, а теперь, пока время не пришло, молчите». Эти слова отца Серафима вполне оправдались историей общины. Завещанию же его — ничего не скрывать после его смерти — мы обязаны тем, что могли подробно, со слов собеседниц, изобразить его отношение к общине.

8. Влияние старца Серафима на Ардатовскую обитель и Зеленогорскую общину

Поручение трех общин отцу Серафиму. — О первом основании Ардатовской общины. — Переселение общины на новое место и внутренний порядок. — Влияние саровских старцев. — Споры и избрание новой начальницы после смерти основательницы общины. — Голод в общине. — Обращение к отцу Серафиму. — Неожиданное спасение. — Предостережение сестер общины от нового голода. — Нравственное влияние отца Серафима на них. — Назначение помощника себе в этом деле. — Забота о безопасности обители. — Определение будущего. Общий взгляд на отношение отца Серафима к общине. — Последние его распоряжения о ней. — Несколько слов об отношении его к обители Зеленогорской.

В беседе с начальницей Ардатовской обители Е. А. отец Серафим говорил однажды, что во дни пустынножизненной жизни явилась ему Божия Матерь с двенадцатью апостолами, облистаяемая неизреченным светом и славою, и поручила ему, для устроения и руководства, три обители: Дивеевскую, Ардатовскую и Зеленогорскую. Обстоятельства оправдали это сказание как в отношении Дивеевской (что уже видели мы), так и по отношению к Ардатовской обители и к общине Зеленогорской.

Основательницей и первой начальницей Ардатовской общины была девица из мещан Васса Дмитриевна Полюхова. По любви к ближним она дала в хижине родителей своих, стоявшей за горо-

дом Ардатовым, не в ряду прочих строений, на правом берегу реки Лемети, приют немногим бесприютным девам. Четыре года они проводили здесь время в телесных трудах и благочестивых подвигах, особенно же в молитве. Не имея возможности, за отдаленностью от города, всегда, когда хотелось бы, бывать в церкви, ардатовские девы около 1810 года на общий счет купили себе в Темниковской улице города, недалеко от собора, небольшой дом и земли 243 квадратные сажени. Переселившись сюда, они приняли черное одеяние и ввели определенный порядок относительно трудов, келейной и церковной молитвы. Здесь их дом слыл под именем богадельни. Число дев с течением времени увеличилось. Они пристроили себе новую храмину, которая служила у них трапезной и местом утренних и вечерних собраний для молитвы. Желая образовать общину, это учреждение усвоило себе наконец форму и правила монастырского общежития и свою основательницу Вассу Дмитриевну, за строгость и чистоту жизни, признало настоятельницей. Когда умерла эта настоятельница (умерла же она 21 ноября 1823 года), в Ардатовской общине было уже около сорока сестер. Еще до смерти ее, со введения общежития, сестры находились уже под нравственным влиянием саровских старцев, особенно отца Серафима и отца Илариона.

По кончине Вассы Дмитриевны Полюховой сестры пришли в крайнее недоумение: они предлагали начальство друг другу, но ни одна из старших сестер не отваживалась принять на себя тяготу этого звания в то трудное еще для общины время. Желая решить споры, старшие сестры пошли к отцу Се-

рафиму, ожидая, что он по своей прозорливости укажет им настоятельницу. Они объяснили старцу свое горестное положение, прося у него совета и участия. Отец Серафим, не отвечая им прямо, обратился к одной из пришедших — имя ей Евдокия Андреевна — и стал давать ей правила касательно обязанностей настоятельницы. Всем ясно стало, что Божия Матерь ей вверяет хранение обители, но Евдокия Андреевна старалась отклонить от себя эту честь, уверяя, что для звания настоятельницы у нее нет решительного характера; что в случае недостатков, которые нередко терпит община, она не сумеет обеспечить сестер. Но старец заградил уста ее словами: «Ты проси Божию Матерь, сиди дома — и Бог пошлет со всех сторон». Эти довольно нерешительные речи приняты были всеми в таком смысле, что он временное только правление поручает Евдокии Андреевне, а потому год прошел, а начальницы у Ардатовских сестер не было; сестра же Евдокия почиталась между ними только старшей и попечительницей. Наконец пришел старец Иларион и окончательно утвердил ее в звании настоятельницы общины.

Между тем надежда отца Серафима на Промысл Божий об общине Ардатовской неоднократно оправдывалась. Во время всеобщего голода община, устройством Божиим и молитвами Пресвятой Богородицы, не терпела недостатка в хлебе. Случилось однажды так, что в общине осталось хлеба и муки только на два дня и неоткуда было взять более. Собрав сестер, начальница с сердечной скорбью объявила им о крайнем оскудении обители. В таких обстоятельствах сестрам оставалось избрать одно: или

голод терпеть, или разойтись. Горестное положение чрезвычайно опечалило всех. Сестры, от всей души помолившись Богу, послали одну от себя к отцу Серафиму просить старца, чтобы он сказал слово в утешение скорбящим и своими молитвами походатайствовал бы за них у Бога. Посланная застала его в трудах недалеко от пустыни; с горькими слезами упала она в ноги к старцу и поведала свои нужды. На этот раз старец, изменив правилам обычного своего человеколюбия, не слушал слов сестры, с видимым неудовольствием запрещал ей унывать и жаловаться, даже гнал ее прочь от себя, приговаривая: «Без нужды кланяетесь, без нужды кланяетесь!» Сестра с большой скорбью возвратилась в обитель, рассказала слова старца, не скрыв и того, как неласково она была принята им. Но на третий день утром, когда у сестер ничего не осталось, кроме надежды на Бога, они получили от неизвестного благодетеля вспоможение мукой, от которой и подкрепили себя в тот же день пищей, прославляя Господа.

Были и другие случаи, в которых отец Серафим иносказательно предвещал настоятельнице о предстоящем голоде, падеже скота и подобных бедствиях. Так, раз, подавая ей серебряный рубль, он сказал: «Это вам на чистый хлеб, а это, — промолвил, развертывая и подавая тогдашнюю синюю ассигнацию, — на привар» (то есть на кашу). Думая, что эти слова следует отнести к предстоящим событиям, Евдокия Андреевна, наклонив голову, немного призадумалась и не обратила внимания на ассигнацию. Старец, взяв бумажку из ее рук с таким чувством, как отец берет вещь из рук ребенка, который

не знает ей цены, развернул ее и завязал ей в платок, говоря, что теперь не должно сестрам пренебрегать деньгами; что скоро откроется нужда и деньги понадобятся. После этого объяснения следовал разговор о спасении души и добродетелях, необходимых для инокинь. Утешенная беседой и напутствованная благословениями, начальница и сестры благополучно возвратились в обитель; об ассигнации же и таинственном ее значении забыли было. Но в скором времени они слышали, что повсюду наступает голод и что бедные люди для сохранения малых запасов своих на более продолжительное время к хлебу примешивали лебеду. «Мы же, — говорили ардатовские сестры, — во все это голодное время милостью Божией и молитвами отца Серафима продовольствовались чистым (без примеси лебеды) хлебом».

Руководствовал старец Серафим сестер Ардатовской общины также и во всех других случаях. Одна из них, ревнуя о высших подвигах, просила отца Серафима благословения носить власяницу и наложить на себя пост сверх известных в Православной Церкви дней. Старец весьма премудро не одобрил ее намерений и сказал: «Ни власяницы, ни поста не надо; живи с сестрами, как сестры, так и ты; только досыта ничего не вкушай; оставляй место Святому Духу». Потом, как бы желая совершенно успокоить ее, он прибавил, что место, на котором стоит обитель (а обитель занимала место неподалеку от храма Божия), исполнено благодати, и потому можно спасти в ней душу, следуя только предписаниям монастырского устава и не принимая на себя излишних подвигов, превышающих силы.

Отец Серафим заботился, чтобы сестры не оставались без советов и руководства и в тех случаях, когда он сам, по занятиям своим, не был в состоянии уделить для них времени. «Когда я занят, — говорил он, — то идите к отцу Илариону: все равно, что я, что он». Вообще он советовал им искать себе заступления и молитв у подвижников Саровской пустыни, прозревая духовными очами своими, как сильна молитва их у Бога. Настоятельнице Евдокии Андреевне он часто говаривал: «Ограда-то у вас не каменная, но понадежнее каменной; соседи-то у вас все как свои». Несмотря на то, приказывал, чтобы сестры для порядка и приличия, а также ради большей безопасности, никогда не оставляли повсенощного караула. Отец Серафим далеко предвидел будущее и за несколько лет определил обстоятельства построения церкви для Ардатовской общины. Тогда сестры ходили к общественному богослужению в приходской храм святого пророка Илии, стоявший от келий в полуверсте. Некто просил у отца Серафима благословения перевести сестер в тот приход, но он не благословил и сказал: «Ты припаси канат; я сам приду, размерю место для церкви; трапеза будет внизу». Последствия объяснили, что трапезу он разумел духовную, то есть алтарь, который действительно оказался внизу, потому что монастырский храм наполовину стоит в земле. В другой раз он посылал в общину позолотчиков, говоря им: «Грядите к Евдокии, грядите к Евдокии; она даст вам работы: ей надобно иконостас золотить». В общине же в то время не было и церкви. Сестры очень удивились странному посольству, полагая, что слова эти относятся не к ним.

Незадолго до кончины отца Серафима его посетили сестры Ардаатовской общины вместе с начальницей Евдокией Андреевной. Старец сделал начальнице разные наставления касательно ее обязанностей, руководства сестер и, наконец, совершенно неожиданно стал говорить:

— Нет, надо учить.

Сестры в то время сами уже пели, и начальница, не понимая, к чему клонится разговор, сказала:

— Ведь у нас поют.

Старец на это отвечал:

— Поют-то поют, да тону-то не знают: церковь скоро будет.

Исполненная радости и недоумения, начальница спросила:

— Разве к Илии Пророку перейдем?

— Там голод будет, — отвечал отец Серафим.

— Ну, знать, в Полевую церковь? (А Полевой в Ардатове называется кладбищенская церковь Скорбящей Божией Матери и Всех святых.)

— Снегом западете, — отвечал отец Серафим. — А свыше сойдет воля Божия, и взойдут большие люди в ваше положение. Если тебе начать — препятствия будут со стороны, а когда большие люди войдут — все умолчат.

Все эти предсказания отца Серафима о построении храма, о позолоте иконостаса в настоящее время совершенно оправдались: в Ардаатовской общине теперь есть свой храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами, устроенный иждивением благотворителей. Главный иконостас в храме горит золотом. Стены расписаны священными изображениями. Церковь с избытком

снабжена священными сосудами, ризами и всем необходимым.

Вообще отец Серафим был поистине добрым пастырем душ Ардатовской общины. Сестры искренне любили его и с покорностью следовали его опытному руководству в делах духовной жизни. Он наставлял их на путь спасения. Старших увещевал смирять себя, быть образом кротости и незлобия, снисходить к слабости и недостаткам ближних, внимать наиболее себе и заботиться о своем спасении. Начальнице советовал чаще прочитывать и глубже вдумываться в житие святого Саввы Освященного. Попечение об Ардатовской общине отец Серафим сохранил до конца своей жизни. Последним его распоряжением было назначением в Ардатовскую общину новой начальницы. За несколько дней до кончины отца Серафима приехала в Дивеево за тысячу верст одна барышня, по имени Евпраксия. Сестры Ардатовской общины, осведомившись о ее свойствах и настроении, усердно просили у отца Серафима благословения принять ее к себе в начальницы, но старец и слышать не хотел об этом и ее на глаза к себе не пускал. Евпраксия настоятельно просила допустить ее к себе, позволить ей пасть пред ним на колени, принять благословение и попросить его молитв о себе, а отец Серафим как будто гневался на это и просительницу посылал из-за двери своей келии прочь от себя. Но когда она, потеряв надежду и терпение видеть старца, оставила его и скрылась из виду, он подозвал к себе приходивших с нею сестер Ардатовской общины и, указывая рукою на ушедшую, сказал: «Вот вам Богом данная Евпраксия. Любите ее, во всем ей

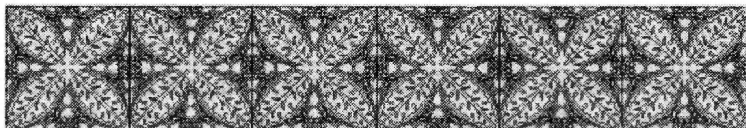
повинуйтесь и подражайте ей». Об этом обстоятельстве писала к затворнику Георгию Мария К., в то время бывшая в Сарове. В объяснение этого обстоятельства в ее письме прибавлено: «И не иначе я мыслю, как отец Серафим, по своей прозорливости, знал ее заочно и ждал в Ардатовскую общину». Помощником отцу Серафиму в делах Ардатовской общины постоянно был другой почтенный старец Саровской пустыни — отец Иларион. В 1861 году Ардатовская община была преобразована в женский общежительный монастырь.

Касательно участия отца Серафима в Зеленогорской обители мы не имеем, к сожалению, таких полных и подробнейших сведений, какие посчастливилось собрать о его влиянии на обитель Дивеевскую и Ардатовскую. Известно только, что Зеленогорская обитель от основания своего составляла предмет отеческих попечений отца Серафима до его смерти.

Будучи еще в молодых летах и в начальных монастырских послушаниях, отец Серафим почти каждый год по послушанию ходил на зеленогорскую ярмарку для приобретения нужных монастырю вещей. В этих случаях он всегда обходил кругом то место, где стоял прежде мужской монастырь и со скорбью размышлял о его уничтожении. Однажды во время такой прогулки он заметил, что в уголке полуразрушенной монастырской ограды появилась маленькая келия, в которой поселился какой-то человек для спасения души своей. Отец Серафим возрадовался духом, прозревая в этом событии начало возрождения обители. С тех пор он не переставал содействовать обители своими молитвами,

одобрением, советами и другими разного рода пособиями до блаженной своей кончины. И уже при жизни его там немало было жен спасавшихся, и между ними Лазаревна, старшая из сестер, почиталась как святая. В настоящее время там устроена женская обитель, имеющая свою настоятельницу.

9. Последние годы жизни отца Серафима

Ответы его соблазнявшимся. — Беседы с игуменом Нифонтом. — Дух обхождения с посетителями. — Посещения монастыествующих. — Беседы с мирянами. — Ответы на вопросы: что ты всех учишь и зачем приходящих помазываешь елеем? — Опыты прозорливости отца Серафима. — Польза от этого дара и объяснение, как он действовал в душе отца Серафима. — Исцеления больных. — Целительное свойство воды в Серафимовом источнике. — Случай исцеления от употребления этой воды. — Врачевство и советы отца Серафима во время холеры 1831 года. — Помощь его скорбящим, страждущим душевными недугами и бесноватым. — Соединение с исцелениями предсказаний о будущем. — Предсказания, касающиеся всего общества, некоторых частных лиц и Саровской обители. — Одежда отца Серафима. — Подвиги его против сна. — Его самоотвержение и приверженность к иночеству. — Какое время он проводил в молитве? — Его постоянная молитва за живых и усопших. — Употребление свечей и лампад при молитве. — Стояние на воздухе во время молитвы. — Уважение к нему других подвижников. — Духовное общение старца с ними. — Разительный пример его общения. — Явление Божией Матери в день Благовещения.

Мы упоминали уже о некоторых беседах отца Серафима незадолго до его смерти. Незаметно приблизились мы теперь именно к предпоследним годам его жизни. Враг не оставляет человека в покое до самого гроба. Так и отец Серафим, взойдя на высоту духовной жизни, не скрылся и там от искушения диавола. Во многих он возбуждал зависть и

злобу, потому что всех принимал к себе, всем делал добро, не различая полов. Один брат решился даже сказать ему: «Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты пускаешь к себе всех без различия». Отец Серафим, оправдывая себя от пустого нарекания, привел в пример святого Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников. «Положим, — говорил он, — что я затворю двери моей келии. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинять меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу тогда принести Богу на Страшном Суде Его?» Отсюда видно, что отец Серафим прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством жизни, в котором Бог потребует от него отчета на суде.

Некто выразил ту же мысль еще решительнее: «Тобою, — говорил, — некоторые соблазняются». Старец отвечал на это так: «Но я не соблазняюсь ни тем, что мною одни пользуются, ни тем, что других это соблазняет».

Гораздо чувствительнее для него была беседа игумена Саровской обители отца Нифонта. Раз, возвращаясь из пустыни в келию, встретился старец Серафим с отцом Нифонтом. По своему смиренномуудию предварив настоятеля поклоном, он приветствовал его по обычаю иерейскому братской любовью. Отец же игумен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему мысль братии, которые, по строгости своего воззрения, не одобряли, что отец Серафим принимает к себе людей всякого пола и рода, хоть и для спаситель-

ного назидания. «Особливо, — говорил он, — тем соблазняются, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам Дивеевским». Считаем нужным предупредить, что игумен Нифонт глубоко любил и уважал старца Серафима и держал к нему такую речь единственно потому, что братия соблазнялись... Выслушав слово отца игумена, старец снова упал к нему в ноги и дал ему мудрый и спасительный ответ: не предаваться на будущее время ложным внушениям и не принимать от братии всякого слова на ближнего без рассуждения. «Ты, пастырь, — говорил он, — не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно, и посох, как бич, для всех страшен». Старец Нифонт выразил свое согласие на то, чтобы отец Серафим не изменял своего направления и по-прежнему продолжал всех принимать к себе ради их душевной пользы.

Работавший в Сарове крестьянин Е. В. Лихачевский раз, подходя к пустыни отца Серафима, увидел издали, что с ним сидит и беседует неизвестная ему молодая, лет шестнадцати девица, очень хорошо одетая. Как неопытный в духовной жизни, он подумал: «О чем это батюшка так беседует с нею? Какие еще наставления идут к ее возрасту?» Только что подошел он со своими мыслями поближе, старец, указывая на признаки своей глубокой старости, сказал: «Я ко всему мертв, а ты что это думаешь?» Тогда крестьянин упал ему в ноги и покался в своей вине. Отец же Серафим милостиво благословил его, отпустил ему вину его и сказал: «Успокойся и больше не повторяй».

А. Любвеобилие отца Серафима в обхождении с ближними

Любовь и участливость, с которыми старец относился к посещавшим его, весьма ясно отражаются в следующем рассказе госпожи Елизаветы Николаевны Пазухиной, симбирской помещицы.

«С самого раннего детства слышала я о прозорливости и святости саровского затворника и пустынника отца Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось наконец по милости Божией в 1830 году.

В Арзамасе, по пути в Саровскую обитель, сказали мне хозяйева квартиры, где я остановилась, что если я не успею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже отца Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустыньку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать отца Серафима в его пустыньке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь, что было в субботу, после обеда; ехала всю ночь и наутро была в Сарове. Первый вопрос мой, при входе в гостиницу, был: «Не кончилась ли ранняя обедня?» И когда монах, которому предложила я свой вопрос, объявил мне, что обедня уже кончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть отца Серафима. Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Я отправилась, на счастье, к его келии вместе со множеством других посетителей Сарова, и мы

нашли, что дверь его келии заперта была изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей подле меня, у самых дверей, даме с маленькой девочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. Но каков был общий наш испуг, когда отец Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее! Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумав: «Господи! Верно, я всех недостойней, что он, увидев меня, решился снова затвориться». Но едва подумала я это, как отец Серафим, стоя у полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал: «Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного», — и вслед за тем, вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: «Пожалуйте, матушка, скажите мне, какая вам нужда, что вам угодно?» Я заплакала от радости и сказала ему, что у меня одно желание — принять его благословение и испросить его святых молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: «Господь да благословит вас, благодать Его с вами!» И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После того начал он благословлять и прочих подходивших к нему и каждому по благословению говорил: «Грядите с Богом». Мне же не сказал этого и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну оставшу-

юся, по уходе всех он сказал мне милостиво: «После вечерни, матушка, пожалуйста ко мне», — и затворился снова.

По возвращении в гостиницу я прежде всего приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данные мне отцом Серафимом. Я хотела по приезде домой оделить ими всех усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к отцу Серафиму и снести ему привезенный мною гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свечей. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свечи и масло, забыл исполнить мое поручение, то я решилась снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свечей. Меня уверяли, что отец Серафим ни у кого не берет ничего, но я не переменила своего намерения, думая, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свечей.

После вечерни я нашла старца в сенях его келии, на коленях лежавшего у гроба. Увидев меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: «Пожалуйста, матушка, пожалуйста ко мне». При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждой, осмелилась я подать ему полотно, говоря: «Святой отец! Удостоите принять от истинного моего усердия это полотно». И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: «Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится». Тогда я осмелилась подать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свечей. Он принял и день-

ги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей отцу Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне отца Серафима.

Настоящая беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль на другой день исповедаться у него; я сообщила об этом желании отцу Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобоисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима. Утром опять я отправилась к нему, и когда слуга мой отворил дверь в сени его келии, я увидела старца опять подле его гроба. Он ввел меня в келию; приказал перекреститься и трижды дал пить мне святой воды, сам поднося ее к губам моим; потом спросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: «Вот, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующим». Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедаться у него, говоря: «Святой отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он ответил: «Извольте, матушка». Потом вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших» и т. д. Я повторила за ним эту молит-

ву, громко рыдая, потом упала на колени, и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего». Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: «Господь вам поможет». И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня повсеместно свирепствовала тогда сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своей жизни. Бедная мать просила меня убедительно взять ее с последней новорожденной дочерью вместе с собой в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу и в первую свою поездку в Саров взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к отцу Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до году, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: «Утешайтесь ею». Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива, а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали».

Б. Беседы старца Серафима с монашествующими

Много в это время обращалось к нему монашествующих из мужских и женских обителей; в числе их являлись к нему настоятели монастырей. Он излагал пред ними свои мысли об обязанностях настоятеля.

«Настоятель, — говорил он, — должен быть совершенен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучены долгим учением в рассуждении добра и зла (см. Евр. 5, 14).

Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и ночь должен поучаться в Законе Господнем; чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней, земной жизни таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных, потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому, требующему его наставления; ибо, как говорит Петр Дамаскин (Добротолюбие. Ч. III, С. 52), не всякий человек верен дать совет ищущим, но кто от Бога принял дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжал ум прозрителен.

Настоятелю должно иметь также дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущие и проразумевать козни врагии.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показывает любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на Кресте Верховного Пастыря».

Другие из настоятелей, заботясь о спасении порученных их руководству братий, спрашивали отца Серафима о том, как управлять братией. На такой вопрос одного из них отец Серафим дал следующие наставления:

«Всякий настоятель да сделается и да пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумной матерью.

Чадолубивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью; в нечистоту падших очищает, омывает тихо-мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но во угождение подчиненных: должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных нести с любовью, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлений поднимать с кротостью, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омывать возложением на них поста и молитв, сверх опреде-

ленных обще для всех; одевать учением и примерной жизнью своею в одежды добродетелей; непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже ропота — и тогда они с ревностью будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю».

В 1830 году один иеромонах, вызываемый из Саровской пустыни настоятелем в Казанскую епархию, пришел к отцу Серафиму принять благословение. Он нашел старца в лесу в трудах над грядями и подходил к нему молча, не говоря ни слова. Отец Серафим, увидев издали идущего к себе брата, запел и довел до конца светилен святому Кресту: «Крест хранитель...» Потом отец Серафим спросил пришедшего:

— Ты куда едешь, брат?

— В Казань вызывают, — отвечал пришедший.

— С тобою обман, батюшка, идет, — сказал отец Серафим и прибавил, — не ходи в Макарьевскую пустынь. (А Макарьевская пустынь лежит в полугоре близ города Свияжска и называется Подгорною.)

— Меня, батюшка отец Серафим, вызывают не в Макарьевскую, а в Раифскую пустынь игуменом, — сказал пришедший брат, имея в виду поправить ошибку старца.

А отец Серафим продолжал свое:

— Я тебе говорю: не ходи в Макарьевскую.

Подумав же еще немного промолвил:

— Ну, поживи вне Сарова несколько... Опять к нам придешь и умрем здесь, в богоспасаемой Саровской пустыни.

Потом, благословив брата, старец отпустил его с миром. Брат отправился. Прибыв в Казань, он узнал, что действительно был определен указом не в Раифскую, а в Макарьевскую пустынь. Вспомнив слова отца Серафима, убедительно говорившего: «Не ходи в Макарьевскую», он отказался от этого назначения и был послан строителем в Цивильский Тихвинский монастырь.

Госпожа П. И. Шкарина, пользовавшаяся с 1827 года особенным доверием отца Серафима, свидетельствует, что он еще за год до первой холеры, что была в 1830 и 1831 году, говорил: «Грядет гнев Божий на Россию, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, — говорил он ей, — бодрствуйте и молитесь, да не найдет на вы внезапно час смертный».

Холера, открывшись в России, посетила монастырь Тихвинский, в котором строительствова саровский брат. Болезнь заставила его выпросить у начальства увольнение от монастыря. Он возвратился в Саровскую пустынь.

Немало являлось в это время к отцу Серафиму и таких людей, которые, желая поступить в монастырь, спрашивали у него советов и наставлений. Старец, по своей прозорливости, дарованной от Господа, делал полезные советы и нередко пред- указывал будущее.

Так, в 1830 году один послушник глинской пустыни специально прибыл в Саровскую обитель спросить у отца Серафима, есть ли ему благословение Божие поступить в монашество. Молодой человек, не зная еще хорошо себя самого, не усвоив мысли о своем призвании, колебался между миром

и монастырем: некому было поверить ему своих дум; не было вблизи человека, который решил бы его жизненный вопрос. Вот приходит глинский послушник к отцу Серафиму, падает ему в ноги, просит развязать душу от вихря сомнений, спрашивая, есть ли воля Божия поступить ему и брату его Николаю в монастырь. Не так ли и сам отец Серафим некогда являлся в Киев к затворнику Досифею? Отвечал же он послушнику так: «Сам спасайся и брата своего (родного) спасай». Потом, подумав немного, сказал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу — и ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл». Сказав это, отец Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и сказал: «Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братии ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей».

После этого послушник решился поступить в монашество. При пострижении ему дали имя Паисия, и в 1856 году он был произведен во игумена к Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а через шесть лет возведен в архимандрита той же обители, сделавшись таким образом, как предвидел старец Серафим, пастырем душ человеческих. Родной же брат его, о котором отец Серафим говорил: «Спасай брата», поступил в монашество под именем Назария и

окончил жизнь свою в Козелецком Георгиевском монастыре в звании иеромонаха.

Давая наставления начальствующей из монастырей братии, отец Серафим излагал и подчиненным обязанности их в отношении к начальникам.

«Стяжи смирение послушанием, повиновением — и спасешься, — говорил он словами преподобного Варсонофия. — И отнюдь не говори вопреки: что это и для чего это? Но будь благопокорлив, наипаче авве твоему, который ради Бога печется о тебе и которому вверена душа твоя.

Кто поистине хочет быть учеником Христовым, тот никакой не имеет власти над собою, чтобы делать что-нибудь самому по себе, — говорит тот же учитель. — Ибо что делается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знает полезное для себя, нежели авва, то зачем и называть себя учеником его?

Повинующийся повинуется во всем и не печется о спасении своем, потому что печется о нем другой, кому он подчинялся и вверился. Кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел свою волю и в том, в чем отсек.

Кто хочет узнать путь совершенно и не идет к знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града (совершенного безмолвия).

Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоём — и тогда спасешься. Смирение и послушание суть искоренители всех страстей и насадители всех добродетелей (см. прп. Варсофоний. Отв. 239, 223, 61).

Подчиненный должен умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы иметь Жизнь Вечную.

Он должен быть как сукно на сукновальне, по словам преподобного Антиоха. Ибо как сукно белильник колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело, подобно снегу, так и послушник, терпя уничижения, оскорбления, поношения, очищается и делается как серебро чистое, блестящее, огнем разжженное (см. прп. Антиох. Сл. 113).

Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются, ибо *несть... власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: *Противляйся власти Божию повелению противляется: противляющиеся же себе грех приемлют* (Рим. 13, 2).

Послушливый много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие о вещах и приходит в умиление».

Многие из новоначальных иноков спрашивали у отца Серафима советов и наставления о том, как им спасти себя и присных своих. Отец Серафим отвечал на это следующее: «По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в обитель — не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе скажу, — спасешься сам и присные твои, о которых заботишься: *не видех*, — глаголет Пророк, — *праведника оставлена, ниже семене его просяща хлеба* (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без опущения, узнай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие,

полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие — занимайся оным; если зовут на послушание — иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании твори беспрестанно молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». В молитве внемли себе, то есть ум собери и соединяй с душою. Сначала день, два и более твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в один дух, тогда потечет в тебе молитва она беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаией: *Роса бо, яже от Тебе, изцеление им есть* (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келиям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно скажу тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи; помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся; будь в этом случае глух и нем: чтобы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (Четьи-Минеи, 28 ноября), которого молитва была непрестанна,

нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душой чисто, девство непорочное, нищета истинная и нестяжание пустынночское; послушание безропотное, повиновение тщательное, делание терпеливое и труд усерден.

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай один раз. Каждый день непременно в ночи спи четыре часа: 10-й, 11-й, и 12-й и час за полночь; аще изнеможешь, можешь вдобавок днем спать. Сие держи несомненно, до кончины жизни, ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здоров и весел.

Скажу тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания своего. Смиряться, и Господь поможет тебе *и изведет, яко свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне* (Пс. 36, 6), и *просветится свет твой пред человеки* (Мф. 5, 16)».

Саровский монах Киприан смущался тягостью возложенного на него послушания и пошел к отцу Серафиму в келию за наставлением. «Не успел я войти к нему в келию, ни сказать ни одного слова, — говорил монах, — встретил он меня у двери и сказал: “Радость моя! Нет дороги отказываться от послушания”».

Один раз пришел к отцу Серафиму монах из очень дальнего монастыря. Старец в это время тру-

дился у своего колодца. Подойдя к нему, странник поклонился и просил благословения, а отец Серафим, занимаясь трудами, не обратил на него никакого внимания. Инок, постояв молча, отошел во свояси без всякого утешения. Тогда отец Серафим, подойдя к дивеевской сестре, тут же неподалеку трудившейся, сказал: «Вот, матушка, требует благословения, а сам не знает куда». Так, разумеется, понял поведение старца и сам инок, не получивший благословения на дело без рассуждения и сознания задуманного.

В. Беседы его с мирянами

Не оставляя без духовного назидания монашествующих, отец Серафим много поучал и мирян, обличая в них ложные направления ума и жизни и преподавая положительные правила благочестия. Так, один благоговейный священник привел с собой к отцу Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук богословия, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседой со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник между тем во время разговора часто наводил речь на цель, с которой пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от этого предмета, продолжал свою беседу и только раз как бы мимоходом заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает пра-

вославную веру, сам профессор семинарии и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочитать историю святого Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

В 1831 году, 18 июня, были в Сарове и пришли в пустынь к отцу Серафиму Иван Максимович Кредницкий и жена его Ю. П. «Мы нашли старца, — говорили они, — на работе: он разбирал грядку мотыгою, и когда мы подошли к нему и поклонились до земли, он благословил нас и, положив на мою голову руки, прочитал тропарь Успению Божией Матери: «В рождестве девство сохранила еси» и так далее; потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас грешных Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа, но такого часа я не сравню со всей прошедшей моей жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть, каким образом туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до

сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем существе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего: для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать Всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, Правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доньше я не могу вспомнить без особенного ужаса, целых три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но отец Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказав со свойственной ему неизъяснимо радостной улыбкою, чтобы я не боялся этого шума мысленного; что это действие врага по зависти его и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли. С тех пор действительно этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и менее чем в месяц совершенно прекратился».

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителй старообрядства, жители села Павлова Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сло-

жении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только что переступили они порог келии, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от святых апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь Грекороссийскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учителя Церкви, архипастыри — суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил:

— Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?

— Оставь свои бредни, — отвечал отец Серафим. — Жизнь наша есть море, Святая Православная Церковь наша — корабль, а кормчий — Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без Кормчего?

Однажды зимой привезли на санях больную женщину к монастырской келии отца Серафима и положили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, отец Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. Отец Серафим запер дверь и спросил ее:

- Откуда ты, матушка?
- Из Владимирской губернии.
- Давно ли ты больна?
- Три года с половиною.
- Какая же причина твоей болезни?

— Я была прежде, батюшка, православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к их вере — и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли во двор и нашли — я лежала. Они внесли меня в комнату. С тех пор я хвораю.

— Понимаю... — отвечал старец. — А веруешь ли ты опять в Святую Православную Церковь?

— Верую теперь опять, батюшка, — отвечала больная.

Тогда отец Серафим сложил по-православному персты, положил на себе крест и сказал:

— Перекрестись вот так во имя Святой Троицы.

— Батюшка, рада бы, — отвечала больная, — да руками не владею.

Отец Серафим взял из лампы у Божией Матери «Умиление» елеем и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же она получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что отец Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к отцу Серафиму одна из дивеевских сестер. Отец Серафим сказал ей:

— Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная.

Потом спросил ее:

— Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?

— Таких нет, батюшка, — отвечала сестра, — а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все.

— Попроси их от моего имени, — сказал отец Серафим, — чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.

— Я им, батюшка, говорила об этом много раз, да не слушают.

— Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит: он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

— К прискорбию, у нас в роду все так молились.

— Хотя и добродетельные были люди, — заметил отец Серафим, пораздумавши, — а будут связаны: Святая Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.

— Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса отца Серафима, ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны святой Христовой веры.

О православном сложении перстов и положении на челе крестного знамения должным образом отец Серафим очень заботился и приписывал крестному знамению великую силу. Крестьянин М. Б. села Автодеева Ардатовского уезда, собираясь в Саров на богомолье, перед самым выездом получил такой жестокий удар, что память совершенно потерял и его без сознания привезли в Саровскую пустынь. Здесь один послушник, земляк больному, привел его к отцу Серафиму. «Едва только стали подходить мы к келии старца, — рассказывал после М. Б. и бывший с ним послушник, — как я уже почувствовал в себе облегчение: чувство памяти и понимания понемногу снова начало возвращаться ко мне, и я помню все, что отец Серафим говорил и делал со мною в то время. Сперва он благословил меня и начертал на челе моем крест маслом из лампадки; потом дал мне две пригоршни сухариков, наконец сам показал мне трехперстное сложение креста и сказал: «Милостив Бог! Молись Ему так; со временем все это пройдет». И действительно, немного спустя, по возвращении моем домой, я сделался совершенно здоров, молитвами угодника Божия отца Серафима».

Часто старец Божий одним своим видом и простым словом приводил к сознанию грешников, и они решались исправиться от пороков. Так, в одно время к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как будто отталкиваем был кем-то. Наконец сам старец обратился к нему и спросил строго: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения в присутствии всех тут бывших начал раскаиваться в своих пороках, особенно краже, сознавая, что он не достоин явиться перед лицом такого светильника. Конечно, это сознание не могло не принести добрых плодов в жизни простосердечного крестьянина.

Иван Яковлевич Каратаев относительно наставлений отца Серафима, лично ему данных, рассказывал следующее.

«В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонтом. В Курске и дорогой я много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других. В особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни затворнике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно захватить по пути в Саров. Но когда я был подле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом перед прозорливостью старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении каса-

тельно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукою человека, даже, может быть, грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк по приказанию начальства. Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже решился я, по совету своего отца, побывать у отца Серафима. Когда я шел из гостиницы к келии старца, внезапно страх, до того времени владевший мной, переменился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил отца Серафима. Около его келии уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедывать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, от-

кинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Икупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей». Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания святых икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например, как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, — прибавил он, — и не только тело их, но и душу, так что и грешники по вере в находящуюся в них благодать Христову спасались и достигали Царства Небесного». Затем в подтверждение почитания святых икон он приводил в пример, что «еще в Ветхом Завете при кивоте Завета были золотые херувимы, а в церкви ново-заветной Евангелист Лука написал лик Божией Матери и Сам Спаситель оставил Нерукотворенный Свой образ». Наконец, в заключение он сказал, что «не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда».

Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание; но я не припомню их всех. Говорил он, что «искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее — и она истребляется; что так-то и на врага — диавола — стоит только оградить себя крестным знамением — и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что «все святые подлежали искушениям, но, подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушения делались искуснее, терпением

умиловивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели». И, наконец, несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие».

Слушая отца Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании. Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось в действительности: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести моей, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбою о прощении за нее к отцу Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около келии отца Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха, где келия отца Серафима? Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвою к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на святой храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины за твое здоровье». Потом отец Серафим опять

исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, вливая которую мне в рот, сказал: «Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне на дорогу сухарей и святой воды и сверх того — просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими святыми молитвами; на это он сказал: «Положи упование на Бога и проси Его помощи, да умей прощать ближним своим — и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях — и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего».

Генерал Павел Яковлевич Куприанов пришел к старцу и благодарил его за молитвы. «Вашими молитвами, — говорил он, — я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: “Господи, помилуй молитвами старца Серафима”, ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду святую — и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец отвечал на это: «Великое средство ко спасению — вера, особливо непрестанная сердечная молитва; пример нам святой Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: “Моисее, Моисее, что ты вопиеш ко Мне?” (см. Исх. 14, 15).

Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Один святой пророк сказал: «Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока»; молитвою пророк Даниил загладил уста львов, а три отрока угасили печь огненную».

Когда отец Серафим говорил это, подошли к нему два человека, одетые в светское платье. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «А наше дело с вами учить детей!» Удивленный такою речью, этот отвечал искренно: «Да, я пастырь Западной Церкви!» После беседы со старцем этот пастырь обещал и, говорят, присоединился к Православной Церкви.

Князь Николай Николаевич Голицын, проезжая из Москвы в Пензу, из желания принять благословение от отца Серафима заехал в Саров и, не найдя старца в монастыре, поспешно пошел в пустынь. По дороге в полуверсте от монастыря старец встретился с ним, к величайшей его радости. Князь подошел к нему и просил благословения. Благословив, старец спросил: «Кто ты такой?» Князь, не назвав своей фамилии, сказался просто проезжающим человеком. Тогда отец Серафим с братолюбием обнял его и, поцеловав, сказал: «Христос воскрес!» Затем спросил: «Читаешь ли ты Святое Евангелие?» Проезжавший сказал, что читает. «Читай почаще, — отвечал старец, — следующие слова в сей Божественной книге: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим: иго*

бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 28—30). Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогой продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Придя в монастырь, старец пригласил князя к себе в келию, дал напиться святой воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжавшего человека, долго ли намеревается он пробыть в монастыре. Тот отвечал, что предполагает уехать наутро, после ранней Литургии. Тогда отец Серафим с невыразимой любовью сказал, что, полюбив его, он желает еще видеться с ним завтра, после ранней обедни, что ради него он не пойдет завтра в пустынь и останется в монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей келии, благословил, обнял его и ввел в келию. Здесь опять напоил его святой водой, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из Святого Евангелия и еще Символ веры, в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член. К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестными, но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

В отношении к родителям отец Серафим внушал уважение даже и в том случае, если они имели слабости, унижающие их. Так, один человек пришел к старцу со своей матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъяснить отцу Серафиму о слабости своей матери, как старец мгновенно положил правую свою

руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. По учению нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважение и любовь из-за недостатков их. От сына обратясь к матери, отец Серафим сказал: «Отверзи уста свои». И когда она открыла рот, дунул на нее трижды. Отпуская же их от себя сказал: «Вот вам мое завещание: не имейте в доме своем не точию вина, но ниже посуды винной, так как ты (обращаясь к матери) не потерпишь более вина».

К последним же годам жизни отца Серафима относятся следующие замечательные наставления разным лицам, в свое время записанные саровским иноком Сергием, бывшим впоследствии архимандритом Высоцкого Серпуховского монастыря: о должностях и любви к ближним; о неосуждении ближнего и прощении обид; о терпении и смирении; о болезнях; о милостыне; о посте и покаянии; о слезах и о Святом Духе.

Были у старца Серафима на беседе и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить свое любопытство. Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день Второго Пришествия Господня. Вот он и спрашивает об этом мнении отца Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого старца. Серафим же ласково воздвиг его и продолжал говорить так:

«Господь сказал Своими пречистыми устами: *О дни же том и часе никтоже весть, ни ангели небеснии, токмо Отец Мой един: якоже (бо бысть во) дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческого: якоже бо беху во дни прежде потопа ядуще и пияще, женияще и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 36—39)». При этом старец тяжело вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают на мясо и во Святую Четыредесятницу, и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правды: *сих врата адова не одолеют* (Мф. 16, 18)».

Видя, что отец Серафим так много подвизается в научении других, один брат решился спросить его, что он всех учит? На это достоблаженный старец отвечал: «Я следую учению Церкви, которая поет: “Не скрывай словес Бога, но возвещай Его чудеса”» (Вторник Страстной седмицы, вечерня, стихира).

В другой раз ему послано было сказать: зачем он приходящих к нему помазывает елеем из лампады, горящей в келии его пред иконой? Отец Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в Писании, что

апостолы мазали маслом и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?» И обычай помазывать приходящих беспрятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

Г. Случаи прозорливости отца Серафима

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которого человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся: живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо: этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова отца Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с отцом Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, — отвечал отец Серафим, — мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы действительно встретили ее в гостинице с сильным ропотом за медлительность.

Между тем слова отца Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, вступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьей в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устроила свою жизнь.

В другом случае посетили отца Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая — из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к отцу Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благодородная, сверх того, просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная, не для всех выносима». Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том отцу Серафиму не говорила. Между тем он сам от себя благословил ее, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседой старца, а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую

особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная действительно пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, имевший в обычае ежегодно посещать отца Серафима, сообщил о даре прозорливости его следующие случаи, лично к нему относившиеся.

«В 1829 году летом поехал я в Саров с женой и детьми. Дорогой жена моя, видя, что старший сын наш, которому было около десяти лет от роду, занимается исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимания на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уже привязаны к одним только священным книгам и что вовсе не заботятся о своих уроках и о прочем, необходимом в свете. По прибытии в Саров мы немедленно пошли к отцу Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы пробыли здесь три дня; благословляя жену мою, произнес: «Матушка! Матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее приложится им потом».

Благословляя же обоих детей наших, удостоил назвать старшего «сокровищем своим». Так обличил праведный старец несправедливый ропот жены моей, да и потом, в течение всей своей жизни, до самой кончины не переставал предупреждать меня всегда касательно всех обстоятельств радостных и печаль-

ных, случавшихся в нашем семействе, подкрепляя слабый мой дух отеческими своими советами.

В том же 1829 году я был свидетелем следующего обстоятельства из жизни отца Серафима. Один господин имел намерение жениться на такой особе, которая по званию своему никак ему не соответствовала, да и родители его не соглашались на этот брак. Но господин тот, зная, что родители его вполне уважают отца Серафима и не в состоянии будут после его одобрения противиться этому браку, хотел сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовив предварительно доказательства на законность своего намерения и даже тексты Священного Писания на случай несогласия отца Серафима, для его убеждения, прибыл он к этому праведному старцу. И вдруг, к величайшему своему изумлению, слышит он, что старец произносит имя и отчество той самой особы, о которой он думал делать ему свои запросы; что он говорит ему далее и те самые доказательства, которые он хотел ему представить, и наконец даже те тексты Священного Писания, на которые он хотел опереться в случае несогласия старца. Пораженный этим неожиданным предупреждением своих мыслей, господин тот пал безмолвно на колени перед старцем. Отец же Серафим, поднимая его, сказал ему: «Богу и Божией Матери и твоей матери не угодно твое намерение — и сего не будет». Действительно, брак тот не состоялся. По возвращении от старца этот господин сам сознался, что он никогда прежде не верил, чтобы могли быть праведники на земле, но что настоящий случай убедил его вполне в праведной жизни отца Серафима.

В 1830 году, по случаю болезни жены моей, обещались мы съездить на богомолье в Тихвин к чудотворной иконе Царицы Небесной. Но в тот самый день, когда нам нужно было выехать, жена моя, сходя по лестнице со второго этажа, споткнулась и вывихнула себе коленную чашечку. Хотя при помощи костоправа нога и была выправлена, но при малейшем после того движении чашка сдвигалась опять со своего места, так что, по-видимому, невозможно было нам ехать. Однако же, имея полную веру к молитвам отца Серафима, мы не хотели отлагать поездки до другого времени и отправились в путь тогда же, что было зимою. На пути боль ее усилилась, и это заставляло меня, при всем уповании на молитвы отца Серафима, несколько раз предлагать жене совет о возвращении домой. Но она не соглашалась. А так как у нас принято было за священное правило не проезжать Саровской пустыни, не приняв благословение отца Серафима, то мы и на этот раз повернули к нему с большой дороги. Еще были мы далеко от обители, как вдруг боль в ноге жены моей начала уменьшаться и по мере приближения нашего к Сарову становилась все слабее и слабее, и, наконец, когда мы въехали в пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своем месте и опухоль исчезла. Мы явились к старцу в келию для получения его благословения, и он, благословив нас, приказал нам прийти к нему в пустыньку, к источнику, куда мы и прибыли около полудня. Старец принял нас очень милостиво, наполнил водою из источника, дал на дорогу в Тихвин две ржаные корки и, благословляя на путь, сказал: «Грядите, грядите, грядите! Дорожка гладенькая».

Последние слова отца Серафима мы вспомнили на возвратном пути из Тихвина, потому что, хотя это было и в январе месяце, но в ожидании поезда Государя Императора дорогу так уравниали, что на ней почти не встретили ни одного ухаба».

Даром прозорливости своей отец Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова диакона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она среди множества народа пришла за ним из больницы церкви и остановилась на крыльце его келии, ожидая позади всех, когда придет очередь ее подойти к отцу Серафиму. Но отец Серафим, оставив всех, вдруг говорит ей: «Евдокия! Поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не видав ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. Отец Серафим благословил ее, дал святого антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына». Евдокия поспешила и в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской академии и по причине дальности расстояния Киева от Пензы спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в Киевской академии, пошел в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях, ректором и впоследствии епископом.

Однажды пришел к послушнику Иоанну Тихонову один человек, который называл себя помещиком, возвращавшимся из путешествия в Крым, и сказал, что он два раза был в Сарове, но не сподо-

бился видеть отца Серафима, а теперь он надеется видеть его при содействии отца Иоанна.

Отец Иоанн говорит, что какое-то странное, даже тягостное чувство овладело им, когда он собирался вести этого посетителя в пустынь к старцу, хотя и видел, что этот человек во время обедни в тот же самый день на коленях и со слезами молился перед образом Божией Матери. Оставив его за несколько сажен от пустынной келии отца Серафима, Иоанн пошел к старцу и сказал ему, что такой-то желает получить от него благословение. Но отец Серафим на его предложение строго ответил: «Я умоляю тебя именем Божиим, чтобы ты и впредь бегал таких людей», — и объяснил, что этот человек притворщик. Думая убедить старца, Иоанн рассказал ему, как этот человек молился в церкви и снова просил за него. Но старец, никогда не видев этого посетителя, еще строже начал отзываться о нем, говоря, что это самый несчастный, самый потерянный человек. Когда же послушник возвратился к ожидавшему его посетителю и, передав ему слова старца, прилежнее просил молиться Господу, если не хочет, чтобы душа его погибла безвозвратно, то он заревел во весь свой голос и рассказал, что действительно душа его исполнена самых нечистых мыслей и чувствований.

Но вот вскоре после него пришел в Саровскую пустынь и другой странник. Он, по-видимому, был простого звания и так же убедительно просил отца Иоанна проводить его к отцу Серафиму. Тот исполнил его желание, но из опасения за недавний случай оставил его также в нескольких саженях от пустынной келии отца Серафима. В это время старец

жал голыми руками осоку и как скоро услышал, что какой-то странник из Киева желает получить его благословение, тотчас же сказал послушнику: «Приведи его».

Когда тот привел его, он, посадив странника подле себя, начал говорить ему, чтобы он оставил избранный путь, снял с себя вериги, обулся и возвратился в дом свой, потому что там мать, жена и дети очень тоскуют о нем, а дома занялся бы хлебной торговлей. «Мню, — говорил старец, — что вельми хорошо торговать-то хлебом. У меня же есть знакомый купец в Ельце; тебе стоит только прийти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики».

Странник во все это время пребывал в молчании, хотя и видно было, что он слушал старца с особенным чувством и был слишком тронут его словами. Когда же старец, благословив, отпустил пришедших с миром, отец Иоанн дорогой спросил странника о причине молчания. Странник отвечал, что он через свое молчание не только ничего не потерял, но еще получил все желаемое, то есть узнал настоящий путь свой. И при этом рассказал, что отец Серафим, по дивному дару прозорливости, знает всю его жизнь; что он мещанского сословия и всегда занимался хлебной торговлей, чем и содержал свое семейство, но из любви Божией, без рассуждения, без путеводителя и без отеческого благословения пожелал странствовать и поэтому, без всякой помощи оставив свое семейство, с годовым паспортом отправился босиком и в веригах в Киев. Там, говорил он, встретил старца, который велел

ему отправиться в Саровскую пустынь, прийти к отцу Серафиму и послушаться его во всем, что повелит он, потому что это будет его истинный путь. А теперь ему остается только возблагодарить Милосердного Бога и возвратиться домой, по указанию человека Божия.

Мещанин города Кадома Алексей Петрович Андронов незадолго до кончины отца Серафима, по чувству глубокого уважения и любви к нему, отправился в Саровскую пустынь и взял с собой двух воспитанников, окончивших курс в семинарии и ожидавших служебного назначения. Когда они пришли к старцу, он благословил их всех, а одному из воспитанников сказал: «Поспешి домой — у тебя дома пожар; горят хлеба, и ты должен помочь родным». Другому тоже велел скорее ехать домой, потому что там уже его дожидаются, чтобы он занял свое место. Воспитанники изумились этим словам, но по возвращении домой каждый из них убедился, что от чудного старца ничего не скрыто.

Крестьянин лихачевский Ефим Васильев подрядился однажды поставить шпиль на монастырской башне в Саровской пустыни. Когда все было готово и народ начал молиться, а он с несколькими работниками стоял на кровле башни, чтобы смотреть за работой и правильно поставить шпиль на своем месте, вдруг пришло ему на ум: зачем он не попросил на это дело молитв и благословения отца Серафима — тогда бы уж знал наверное, что все кончится благополучно. Только что он подумал об этом, как тотчас же увидел самого отца Серафима, вышедшего из своей келии на крыльцо и трижды благословившего его.

До нашего времени дошли и такого рода сведения, из которых мы усматриваем не только пользу от прозорливости отца Серафима, но и объяснение тому, как этот дар Божий действовал в нем. Раз пришли к отцу Серафиму в монастырскую келию строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и приезжий из Владимирской губернии купец. Они вошли вместе. Строителя отец Серафим попросил сесть и подождать, а с купцом стал немедленно говорить. Милостиво и ласково он обличал его в пороках и делал наставления: «Все твои недостатки и скорби, — говорил он, — суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои». Пространная речь его на эту тему проникнута была столь трогательной теплотой сердца, что и купец, к которому она прямо относилась, и строитель, для которого она была делом сторонним, тронуты были, в буквальном смысле, до слез. В заключение отец Серафим советовал купцу поговеть в Сарове и причаститься Святых Таин, обнадеживая, что Господь в случае искреннего покаяния не отнимет от него Своей благодати и милости. По окончании беседы купец, настроенный к благочестию, поклонился старцу в ноги, благодарил его от всей души за его душеполезную беседу, обещал исполнить, что слышал, и, прося молитв отца Серафима, вышел из его келии весь в слезах.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лет пользовавшийся вниманием и уважением отца Серафима, осмелился спросить его:

— Батюшка! Душа человеческая перед вами открыта, как лицо в зеркале: в моих глазах, не выслушав духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы все ему высказали.

Отец Серафим не сказал ни слова.

Строитель продолжал:

— Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничто не сокрыто в сердце ближнего.

Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

— Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу и один Бог-Сердцеведец, а *человек* приступит, и *сердце глубоко* (Пс. 63, 7). Затем рассказал он, как некоторые укоряли святого Григория Богослова за то, что приблизил он к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня велико».

Строитель опять спросил:

— Да как же, батюшка, вы не спросили у купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

— Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом — в таких случаях всегда делаются ошибки.

Весьма назидательную и многообъясняющую сию беседу старец заключил так:

— Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю.

Эту беседу нам передал лично почтенный отец архимандрит Антоний, бывший в то время строителем Высокогорского монастыря, впоследствии — наместником Сергиевой лавры.

Д. Исцеления по молитве старца Серафима

Некоторые по своей вере при жизни отца Серафима по его молитвам получали исцеления. Так, в 1830 году прибыла в Саров одна больная, впоследствии игуменья в городе Слободске Вятской губернии. Она страдала водяной болезнью; тело у нее все опухло и пожелтело; расслабление чувствовалось в такой степени, что она с большим трудом достигла Сарова. По дороге два раза останавливалась и однажды была так слаба, что в Нижегородском женском монастыре ее уже напутствовали к смерти.

По прибытии в Саров пришла она, в числе других посетителей, в келейные сени отца Серафима и села позади других. Старец же, раздвинув толпу посетителей, подошел прямо к ней, протянул ей руку, чтобы принять от нее полотенце ее рукоделия, трижды утерся им и, сказав: «Иди, радость моя, за мною», — привел ее в свою келию. Здесь он благословил ее, дал просфору со святой водой и, отпуская от себя, сказал: «Завтра мы с тобою увидимся».

На другой день старец принимал посетителей в ближней пустынной келии, около своего источни-

ка. Он вышел к ним в полумантии с зажженной в руках свечой, начал благословлять всех, говоря каждому потребное на пользу души. После всех подошла к нему и больная. Взглянув на нее, он сказал: «Ты, матушка, очень нездорова?» И потом, благословляя, продолжал: «Поди умойся в ключе и напейся — и будешь здорова».

Больная отвечала: «Уж я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда». Тогда он сказал опять: «Возьми, матушка, возьми воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то омой: апостолы Христовы исцелят тебя, будешь здорова». А как она сказала, что при ней нет сосуда, в котором можно было бы унести с собой воды, то старец вынес ей из своей келии небольшой кувшинчик и повторил как в этом случае, так и по возвращении с водой прежние слова свои.

Возвратившись в гостиницу, больная тотчас исполнила со всей точностью совет старца, не опасаясь употребления воды при водяной болезни и не слушая тех, которые запрещали это: на другой день она встала с постели совершенно здоровой. Вода из нее вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крепость сил; лицо покрылось естественной белизной. Больная точно переродилась, и те, которые видели ее еще накануне, утром почти не узнавали ее.

Перед отправлением в обратный путь отец Серафим прислал ей и двум ее спутницам вместе с благословением дары: выздоровевшей — палочку с клюкою, одной из спутниц — палочку же с тремя отростками, а другой — простую палочку. Время показало, что с каждым из этих знаков соединялось

особое значение, которого в то время они не поняли. Выздоровевшая, поступив в монахини, под именем Пульхерии, была игуменией в женском монастыре города Слободска Вятской губернии. Первая из спутниц с тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) приняла монашеский сан; вторая спутница также поступила в монастырь.

В предыдущем рассказе упомянуто об источнике Серафимовом и его целительной силе.

Вот что рассказывает об этом событии Саровский иеромонах отец Анастасий. Раз случилось ему быть у батюшки отца Серафима около его колодца. Старец между беседой сказал ему: «Вот, батюшка, я молился, чтобы вода сия в колодце была целительною от болезней». Этим объясняются нынешние свойства воды, текущей в Серафимовом источнике, которых прежде она не имела. Во-первых, вода эта, как замечают, никогда не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Некоторым хотелось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы в состав ее. Но известно, что и минеральные воды изменяются и подвергаются порче, даже очень скоро, при дурной укупорке. Во-вторых, водой из Серафимова источника во всякое время года многие омываются, и здоровые, и больные, и не только никто не получает от этого вреда, а напротив, многие, как видим, получали исцеление. Так, после смерти отца Серафима княгиня Е. И. Е. рассказывала относительно целительных свойств Серафимова источника следующее. «Двоюродная сестра моя В. Н. очень страдала припадками и боялась всякой святыни, с которою подходили к ней.

Лекарства, как это часто бывает, не помогали ей. Нечего делать, повезли ее в Саров к отцу Серафиму. Старец дал ей сухариков и велел умыться в своем источнике. С той минуты болезнь ее совершенно прошла, и она живет благополучно у детей своих».

Вот что говорится еще в письмах Марии К., современницы отца Серафима, лично знавшей его. Они были написаны затворнику Георгию в первое полугодие после кончины Саровского подвижника.

«Я опять перехожу к отцу Серафиму, источнику моей радости. Мне и в присутствии моем другим сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала в себе ужасную тоску, и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной Уставом Церкви. Когда она пришла к отцу Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды из его источника. Мавра Львовна напилась; вдруг без всякого принуждения из нее гортанью вышло множество желчи. И после того она стала здорова».

Также Татьяна Васильевна Баринова в бытность свою у отца Серафима жаловалась ему на свою болезнь: у нее на руке был непроходимый лишай и вся рука была обвязана.

Батюшка отец Серафим приказал ей вымыть руку водою из источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: «Ах! Как я это сделаю, если и от малейшего прикосновения сырости болезнь руки усиливается?» Однако же на этот раз она не затруднилась оказать послушание и свою руку умыла. Тотчас же как бы чешуя слезла с руки ее вместе с кожей, и с тех пор руки ее чисты.

Многим даже в ранах отец Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление — и в различных болезнях.

Повествования свои о целительности источника Мария окончила так: «Жизнь батюшки Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его переселении от здешних и что я более его не увижу, так сердце мое исполняется горести и глаза — слез. Я бы у него попросилась в Дивеевскую общину... В бытность у него я так была удивлена им, что нашла мало чего поговорить с ним о себе: только лились неудержимо мои слезы. С предсказанным переворотом моей жизни мне показалось, что все мое сердце превратилось в плач. Но старец успел и здесь меня успокоить и покорить воле Божией».

Случаев, в которых отец Серафим при жизни своей оказывал помощь больным, было очень много. Так, инок Саровской обители Александр рассказывал о себе многим боголюбивым особам следующие обстоятельства.

Будучи еще в миру, он страдал расслаблением всех членов, особенно же его мучила нестерпимая боль в одном ухе. Лекарства ему нисколько не помогали. В ухе, наконец, образовался завал. По совету добрых людей он отправился в Саров просить молитв и помощи отца Серафима. Когда больной, едва войдя, упал ему в ноги, старец, ни слова не говоря, подошел к лампадке, горящей пред образом Божией Матери, омочил в масло перст свой и помазал больное место в ухе. Больной в ту же минуту почувствовал облегчение, а вскоре и вся боль прошла. Тут же старец, между прочим, сказал выздо-

ровевшему: «Ты будешь наш», — и он, несмотря на значительные препятствия, действительно вступил в Саровскую пустынь.

По вступлении в монастырь у него чрезвычайно усилилось расслабление правой руки, и прежде ощущаемое. Инок не мог ни креститься, ни есть правой рукой без поддержки левой. Опять придя к старцу Серафиму, он бросился ему в ноги, прося его благословения и помощи святыми молитвами. Отец Серафим весьма милостиво благословил его и с радостным лицом сказал: «Помолись Царице Небесной и положи Ей три поклона». Инок тотчас же положил три поклона пред образом Божией Матери. После того старец, взяв сосуд со святой водой, стал подавать ему в больную руку. Но инок отвечал: «Батюшка! Не могу взять этой рукой: она у меня болит и вся расслаблена». Тогда старец взял его за больную руку и, подавая сосуд, сказал: «Бери и пей». Больной, хотя с трудом и при поддержке отца Серафима, напился. Старец в заключение благословил его и с миром отпустил в келию. С того времени, говорил инок Александр, благодаря Бога, за молитвы отца Серафима, он не чувствует никакой боли в руке.

И в Дивееве, и в Сарове занимались работами многие крестьяне. Некоторые из них особенно близки были к отцу Серафиму; они питали к старцу веру и любовь, как к лицу, угодному Богу, и отец Серафим взаимно любил их. Некоторые из них таким образом сделались достоверными повествователями событий из жизни старца.

Так, лихачевский крестьянин Е. В. рассказывал, что он в 1831 году, почувствовав в себе признаки

холеры, тотчас же побежал к отцу Серафиму просить помощи и едва-едва мог доползти до его келии. Старец приложил его к образу Божией Матери «Умиление», напоил святой водой и дал вкусить несколько частиц от просфоры. Больной немного поуспокоился. Потом старец велел ему обойти кругом монастыря и, зайдя в собор, помолиться в нем. «Там, — сказал он, — милосердие Божие исцелит тебя». Крестьянин все это исполнил и по милости Божией возвратился в гостиницу совершенно здоровым.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов касательно помощи отца Серафима во время холеры сообщил следующее:

«В начале 30-х годов появилась в Екатеринославской губернии холера и начала производить большую смертность в имении моем, находящемся в тамошнем краю. У меня заболело вдруг около двадцати человек, и уже двое из них умерли. Судорожные же корчи прочих, общий стон и плач раздирали мою душу. В столь крайних обстоятельствах я припомнил, что отец Серафим несколько раз говорил мне: “Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келию: он о тебе помолится”. Воспоминание это побудило нас с женой обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил нас от пагубной болезни. И вот в ту же ночь в сонном видении является старец жене моей и приказывает ей отправиться на родник, где некогда явилась чудотворная икона Божией Матери, взять оттуда воды, напиться и обмыться ею как нам, так и всем людям. Этот источник находится в двенадцати верстах от моего имения, и я немедленно поутру отпра-

вился туда со всем семейством, сохраняя в душе полную уверенность в ходатайство за нас угодника Божия Серафима.

По прибытии на родник мы погрузили в него сначала крест, а потом напились и умылись из него, как сами, так и служившие нам. В то же время по моему распоряжению привезли к нам из села нашего бочку, которую мы наполнили водой из родника, и потом все отправились домой. В селе я приказал собрать всех крестьян, пригласил священника и по совершении торжественного водоосвящения мы стали раздавать священную воду всем и отвезли часть ее в больницу, где многие были уже при смерти. Все они по милосердию Божию выздоровели вскоре, пользуясь исключительно присланной им водой, и никто с тех пор не умирал в моем имении. В особенности удивило нас всех и заставило возблагодарить милосердие Божие выздоровление одной семидесятилетней старухи. Она также заболела холерой и находилась уже в безнадежном состоянии. Но когда сосед ее, крестьянин, налил ей насильно в рот воды, так как она была в оцепенении, и потом еще вылил на нее из бутылки остальную воду, она впала в бесчувственность; через несколько минут выступил на ней обильнейший пот и через час, не более, старуха была вне всякой опасности».

По случаю этой смертоносной язвы многие обращались к отцу Серафиму с письмами, иные лично приезжали просить его молитв и наставления, как предостеречь себя от опасности. Старец давал следующее наставление: «Призовем имя Господа — и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах —

мы спасены. *Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит. Помилует тя, изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 5—6), только повинись Господу и умоляй Его». Далее он советовал держать то молитвенное правило, которое еще прежде составил для простолудинов и людей, часто не имеющих достаточного досуга для молитвы (см. выше).

«Кто будет продолжать так, — говорил он, — тот не лишится милости Божией. Молитва — путь ко Господу. Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите* (1 Фес. 5, 17). При таком блаженном и мирном состоянии души, верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на род причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его — паче тьмы беззаконных».

Что касается собственно писем, то отец Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и давал ответы, говоря обыкновенно так: «Вот что скажи от убогого Серафима...» В этом удостоверяют многие боголюбивые особы, общавшиеся с отцом Серафимом лично или через письма. После смерти старца в келии его нашли много нераспечатанных писем, по которым однако же даны были в свое время изустные ответы.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жи-

теля Горбатовского уезда села Павлова. Воротилов же имел большую веру в силу молитв отца Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его как бы своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келии отца Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке келии и, увидев его, приветствовал сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но отец Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Отец Серафим тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнает, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда отец Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

В сентябре 1831 года прибыл в Саров один помещик Симбирской и Нижегородской губерний коллежский советник Николай Александрович Мотовилов, совершенно больной, и получил по молитвам отца Серафима чудесное исцеление. В записке своей, хранящейся в Дивеевской обители, он так

пишет о своем исцелении: «Великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и невероятных, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал неисцельно более трех лет. Исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжело больного, из сельца Бритвина Нижегородского Лукояновского имения моего к батюшке отцу Серафиму. 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8 на день Рождества Божией Матери удостоился иметь я две беседы, первая с батюшкой отцом Серафимом до обеда и после обеда в монастырской келии его, но исцеления еще не получал. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку, близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находящемуся в беседе с народом, во множестве приходившем к нему, тогда возле большой и очень толстой сосны и до сего времени на берегу реки Саровки существующей, на его сенокосной пажинке, меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня он сказал: “Да ведь я не доктор, к докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь”. Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все главные способы лечения испытал, но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и затем ни в чем уже не полагаю себе спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатью Божией. Но буду-

чи грешен и не имея дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня. И он задал мне вопрос: “А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?” Я отвечал: “Верую”. “А веруешь ли, — продолжал он меня спрашивать, — что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне также легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи, одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может всецело исцелить вас?” — Я отвечал, что истинно всему этому всею душою моею и сердцем моим верую и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к вам. “А если веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!” “Как здоров? — спросил я. — Когда люди мои и вы держите меня на руках!” — “Нет! — сказал он мне, — вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы!” И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне: “Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здоровы теперь”. И потом прибавил, радостно смотря на меня: “Вот, видите ли, как вы хорошо теперь стоите?” Я отвечал: “Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня”. И он, отняв руки свои от меня, сказал: “Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и

без меня все крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой, Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места”. Взяв меня за руку одной рукой своей, а другой в плечи мои немного подталкивая, повел меня по траве и по неровной земле, около большой сосны, говоря: “Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли!” Я отвечал: “Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!” — “Нет, — сказал он мне, — отняв от меня руку свою, — Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила, вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же”... и стал толкать меня, чтобы я шел. “Да эдак упаду я и ушибусь...” — сказал я. “Нет, — противоречил он мне, — не ушибетесь, а твердо пойдете...” И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал: “Довольно уже”, и спросил: “Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно? Отыял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне; веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его и прилепитесь к Нему всею душою вашею и всегда крепко надейтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно, мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий”... И довольно потом еще

побеседовав со мною, отпустил меня в гостиницу совершенно здоровым. Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо, без поддержки людской, в экипаже и возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом».

Е. Помощь старца Серафима в разных душевных недугах

Старец Серафим оказывал помощь скорбящим, пораженным душевными недугами и одержимым злыми духами. Так, один саровский брат, находясь в унынии, близком к отчаянию, просил другого разделить с ним несколько минут скорби. Вышли эти два брата из монастыря после вечерни и пошли вокруг ограды, утешаясь взаимной беседой. Подойдя к конному двору, около которого лежала дорожка к Серафимову источнику, скорбящий брат хотел свернуть в сторону, чтобы в таком болезненном состоянии духа не повстречаться ему с отцом Серафимом. Но прежде чем успели они отойти от дороги, вдруг увидели вблизи себя старца, идущего навстречу им. Старец явился им в довольно странном наряде. Часть белого его балахона была поднята по обычаю рабочих под кушак, а полы опущены. На нем был огромный зеленого цвета левантиновый платок, у которого один конец тащился по земле, а другой обвивал шею. Два брата упали ему в но-

ги. Старец же, как чадолюбивый отец, с необыкновенной лаской благословил их, потом пропел следующий стих 9-й песни канона, поемого во всякой душевной скорби и обстоянии (параклисиса): «Радости исполни мое сердце, Дево, Яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляючи». Потом, топнув ногой, сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил, “Адама воскресил”, “Еву свободил”, “смерть умертвил”». Душевное состояние старца как бы перелилось в души скорбящих братий, и они, оживотворенные его радостью, возвратились в обитель в мирном и благодушном расположении сердца.

Одна вдова, имевшая троих маленьких детей, тяготясь воспитанием их, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердии отца Серафима, она решилась обратиться к нему, испросить благословение и поведать свое горе. Благословив ее, старец сказал: «Не ропщи на свою участь, скоро кончится твое горе; один будет твоим кормильцем». Через неделю после этого двое из детей умерли.

Мать поражена была неожиданной их смертью и опять пошла к отцу Серафиму, ожидая, что он разрешит ей недоумения, тревожившие душу. Старец, увидев ее и предваряя речи ее, сказал: «Молись Заступнице Пресвятой Богородице и всем святым: клятвою детей своих ты много оскорбила их. Покайся во всем духовному отцу твоему и вперед укрощай гнев свой, чтобы не быть великою грешницею. В последний раз благословляю тебя: только ты прости их». После этих слов старец благословил вдову, дал ей поцеловать крест, который носил на груди, и ушел в свою келию на другие труды.

Бесноватых отец Серафим исцелял своим присутствием, крестом и молитвою. «Я был свидетелем, — говорил лихачевский крестьянин, работавший в Сарове, — как несколько мужчин привели с величайшими усилиями к сеням пустынной келии отца Серафима одну бесноватую женщину, которая всю дорогу упиралась, а у крыльца сеней упала и, закинув голову назад, кричала: «Сожжет, сожжет!» Отец Серафим вышел из келии, и так как женщина не хотела открыть рта, насильно влил ей несколько капель святой воды. Все мы увидели, что в ту же минуту из ее рта вылетело как бы дымное облако. Когда же старец вслед за тем оградил ее крестным знамением и с благословением сотворил над ней святую молитву, бесноватая очнулась и сама начала молиться. Впоследствии, увидев ее в Саровском соборе совершенно здоровую, я спросил, что она теперь чувствует. “Слава Богу, — отвечала она, — теперь я не чувствую прежней болезни”».

Ж. Исцеления и предсказания вместе

С совершением исцелений отец Серафим иногда соединял предсказания о будущей судьбе получивших выздоровление или тех, кто был при них. Такой случай был с отцом Мелхиседеком, монахом Арзамасского Спасского монастыря. Будучи в миру, имея жену и детей, он торговал рыбой и сложил для склада ее каменный подвал, но двери хорошей сделать не успел. Сын его пяти лет, играя с другим мальчиком на лестнице подвала, задом упал вниз и после этого стал по ночам плакать, и сделалась в доме их грусть.

У ребенка отнялись ноги, ни один даже палец не действовал; тело все высохло, остались одни кости да кожа, и ноги мотались как плети. Если, бывало,

станут сгибать ему ноги, то колени трещали как пружина; то же повторялось и при разгибании. Сколько ни лечили родители своего сына — лекарства не подействовали, напротив, еще в груди оказалась сильная ломота. Наконец, поговорив между собой, родители порешили ехать с больным в Саров к отцу Серафиму. Дорогой через гати и мосты переносили его на руках, и больной от нестерпимой ломоты в груди все плакал и просился назад домой, где лежать ему было спокойнее, но родители, не смотря ни на что, приехали в Саров. Придя к келии отца Серафима и узнав, что он в пустыни, они терпеливо ожидали его прихода. Возвратившись в монастырь, отец Серафим всех благословил, а больного ребенка, сверх того, поцеловал в голову. Родители объяснили о болезни сына. Отец Серафим сказал: «Не лечите ничем, а молитесь Богу», — и дал мальчику чего-то выпить и сухариков. При возвращении домой мальчик в дороге был спокойнее, и родители, перестав лечить его, все молились о нем Богу. Спустя некоторое время матери больного привиделся сон, чтобы для исцеления сына она взяла в дом чудотворную Казанскую икону Божией Матери (икона эта в городе Арзамасе, в церкви Казанской иконы Божией Матери). Икону Божией Матери взяли в дом, отслужили всенощную и молебен с водоосвящением. По окончании молебна священник благословил больного мальчика крестом, дал ему напиться святой воды, а потом он приложился к чудотворной иконе Божией Матери, которая осталась в доме до утра. Поутру же, отслужив благодарственный молебен Божией Матери, с радостью и благоговением отнесли ее в церковь. По

возвращении из церкви мать взяла больного на колени; в это время ноги у него, до того времени не имевшие правильного движения, вдруг согнулись и опять вытянулись, еще раз согнулись и снова вытянулись. Родители, увидев это, от удивления и радости заплакали, а сын, встав на ноги, пошел нетвердым шагом и с этого времени стал ходить лучше; ноги его окончательно исправились, и он более не страдал ими.

При том свидании, когда больного привозили к отцу Серафиму, старец, между прочим, сказал отцу его: «Ты оставь мир». Долго думал отец, что бы это значило, а потом стал уговаривать жену свою идти с дочерью в монастырь с тем, чтобы и ему самому идти в монастырь же. Жена на это возразила: «А родителей (которые при них жили) ты куда думаешь девать?» — «Для родителей, — отвечал муж, — надо поставить келии и дать на пропитание». Не видя с этой стороны успеха в своих намерениях, жена прямо отвечала, что у нее нет желания идти в монастырь. Дело на том и остановилось. Потом прошло несколько времени; жена, отец и мать в один год умерли, и отец с сыном в тот же год поступили в Высокогорскую пустынь, а дочь была отдана в Николаевский Арзамасский женский монастырь. Таким образом сбылось предсказание отца Серафима, сказанное в виде намека.

Г-жа М. В. Никашина об исцелениях и предсказаниях отца Серафима повествовала следующее.

«Я и муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь, но по приезде туда не застали отца Серафима в монастырской его келии: он был в лесу, на пустынь-

ных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он тотчас обратился к моему со словами: “Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея* (Пс. 25, 8). Вельми хорошо, батюшка, украшать храмы Господни”. Отец Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того отец Серафим приглашал нас в свою монастырскую келию, и мы стали у него просить благословения на поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю или, по крайней мере, о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но отец Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подведя его к иконе Божией Матери «Умиление», сказал: “Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказываться от должности. Твое управление — к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги, а вот твоя дорога: я благословил одного управляющего проситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на низу и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручила ему”. Отец Серафим говорил эту притчу о моем муже, с которым действительно все это случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У мужа моего была следующая странная болезнь: едва только простудится он немного, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил, нервы, особенно носовые, приходят в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотание в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чихание продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два, и совершенно убивало его. Врачи московские и нижегородские советовали ему непременно лечиться от этой опасной болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьезно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решились ехать в Саров к отцу Серафиму.

По приезде нашем старец, благословив нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал мужу моему наклонить голову и начал сам поливать ее водой из бутылки; потом приказал ему умыться этой водой и подал ему со своей шеи полотенце, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь моего мужа совершенно прошла, и он прожил еще семь лет.

Отец Серафим, благословляя нас однажды на обратный путь из Сарова домой, сказал мне: “Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины и стали творить молитву; я их не пустил; а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было делать, то я лег спать”, — и потом прибавил: — “Понимаешь ли ты это, матушка?” После того, по приходе нашем на гостинный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женой и начал меня

упрашивать сходить с ними к отцу Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти, и думают, что отец Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними.

Мы пошли и, придя на крыльцо келии, услышали, что отец Серафим что-то делает в своих сенях. Я по обыкновению сотворила молитву, но отец Серафим не отвечал обычного «аминь» и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усердием, но он замолчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услышали, что отец Серафим лег спать у своих дверей, где мы стояли, и через несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощании, и мы вынуждены были отправиться домой в гостиницу, не повидав старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни отца Серафима. Я нашла там его собиравшим щепки у вала, на дороге. Заметив меня, он подозвал меня к себе и сказал: “Вот, матушка, святые отцы благословили меня собирать эти щепки для сирот дивеевских; придет зима, нужно будет топить им печки”. Потом, взяв меня за руку, довел по дороге до своих гряд, где был посажен лук и картофель, и сказал: “А вот, матушка, мое богатство, вот как я живу; богатство же муженька твоего пойдет в другие руки, но ты не унывай о том”. Действительно, через несколько месяцев муж мой скончался, а остальное все случилось так, как предсказывал дивный старец.

Однажды я была очень больна желудком и начала лечиться, но так как пользы никакой не было, то я приехала к отцу Серафиму и рассказала ему о сво-

ей болезни. На это старец отвечал мне так: “Если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро живот свой кончишь. Болезнь сию молчанием понеси — и пройдет, как перестанешь лечиться”. При этом он прибавил: “Вот когда ты пойдешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!” По благословению отца Серафима я перестала лечиться, и болезнь моя действительно прошла. После того я поехала в село Палиц, где находится чудотворная икона Божией Матери; и вот, на квартире, где привелось мне остановиться, я увидела старушку, перевязывавшую свои раны, которыми было покрыто все ее тело. Поутру, идя к обедне, я увидела новую страшную больную: вели одну девушку, расслабленную, опухшую и трясущуюся всеми членами. Тогда невольно вспомнила я слова отца Серафима, которые сначала казались мне непонятными: “Когда ты поедешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!”

Однажды я была у отца Серафима с родной своей сестрой, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: “И жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения”. На это сестра моя отвечала ему: “Простите меня, батюшка, Христа ради: я все грешу, ссорясь со своим родителем за то, что он, сдав свое место брату моему, сам все живет у меня”. Отец Серафим возразил ей: “С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем?” Сестра отвечала ему: “У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает нынче учение, и я на него имею надежду”. Но отец Серафим опять возразил ей: “Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет”. И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове в день воскресный, пошла я после поздней обедни к отцу Серафиму, и он, благословив меня, спросил: “Ты, матушка, была у обедни?” Я отвечала: “Была, батюшка”. Тогда он спросил: “Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришел из церкви. Наш отец игумен сделал ей хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка?” И он повторил свой вопрос несколько раз. Я подумала, что, верно, он предсказывал мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправилась домой. Дорогой заехала я в деревню Соболево, которая принадлежит Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тетку, но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тетка моя недавно умерла и ее похоронили в тот самый воскресный день, после обедни, в который я была у отца Серафима и он говорил мне о покойнице. Отец протоиерей сделал ей по усердию на свой счет гроб и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость отца Серафима.

Этот самый протоиерей не имел прежде веры к отцу Серафиму, но когда я рассказала ему о последнем предсказании старца, то он пожелал лично увидеться с ним. И вот, едва только по приезде своем в Саров вошел он в келию отца Серафима, как старец встретил его иерейским лобзанием и словами: “Да благословит тебя, батюшка (при этом он назвал его по имени), Господь Бог и Покров Божией Матери”, и потом назвал всех святых угодников, во имя которых в Покровском храме были устроены семь приделов. С того времени протоиерей питал всегда большую веру к отцу Серафиму.

Однажды привезла я отцу Серафиму восковых свечей, и он тотчас же спросил меня: “Ты, матушка, поедешь в Дивеево?” Я отвечала: “Благословите, батюшка, я везу туда три иконы”. Тогда отец Серафим сказал: “Так кстати отвези туда и свечи, все равно за вас пойдет молитва”. Потом он сказал: “Ты, матушка, знаешь пчел? Когда матка сидит в улее, тогда и пчелки около нее. Так-то и девочки в Дивееве пребывают с Божией Матерью”. На это я сказала ему: “Ах, батюшка! Как счастливы эти девочки, что они всегда пребывают с Божией Матерью!” Тогда батюшка возразил мне: “Что девочкам завидовать? И вдовой быть хорошо; Анна-пророчица была вдова, но разве ей было худо? А ты девушек-то моих люби, почитай и не дожидайся, чтобы они за тобой ходили, а сама поищи их”. Через несколько месяцев после того я овдовела, и из Дивеева Ирина Прокопьевна прислала ко мне сестру с письмом, в котором звала меня в обитель. Тогда я вспомнила слова отца Серафима: “Не дожидаясь, чтобы девушки мои за тобой ходили, а сама поищи их” — и решила поступить в Дивеевскую общину».

Госпожа Серафима Корсакова рассказала о своем муже следующее обстоятельство:

«Будучи одиннадцатилетним мальчиком, мужем мой, по имени Андрей, житель Ардатова, сделался тяжело болен глазами. Девять месяцев он находился в самом печальном и жалком положении; наконец мать решила взять его в Саров. Но когда они приехали в обитель 3 августа 1829 года, отец Серафим по причинам, ему известным, опять на время затворился и никого не принимал к себе. Они

прождали дней пять... Старец опять раскрыл двери для всех, жаждавших его благословения, наставлений и врачества. Увидев больного отрока с матерью, он пригласил их к себе, говоря: “Грядите!” Благословив их, начал дуть больному в уши и глаза, и в то же время положил на его голову печать крестного знамения. В заключение же, благословив больного, он сказал ему: “Будешь здоров”. А когда больной выходил из келии, отец Серафим сказал: “Ты будешь женат на Серафиме”. А матери сказал: “Грех праздника не почитать”. Он открыл этими словами то, чем она согрешила против заповеди Божией на пути в Саров. Едва только вышли они из келии старца, слепой Андрей начал видеть свет Божий, и через месяц зрение совсем возвратилось к нему. Исполнение же предсказания касательно имени будущей его супруги оправдалось тогда, когда я, Серафима, сделалась его женою».

3. Предсказания старца Серафима

Было весьма много случаев, в которых отец Серафим предвидел и предвозвещал будущее.

Г. и М. К. рассказывали о своей родственнице В. И. Бр., живущей в Нижнем Новгороде, следующее обстоятельство. Вышла она замуж за вдовца, у которого было двое детей, и была в своем браке крайне несчастлива. Родственники пожелали, наконец, чтобы она оставила своего мужа. Но прежде начала дела она поехала в Саров посоветоваться с отцом Серафимом. Старец сказал ей: «Ты никак не оставляй своего мужа, усердно прошу тебя об этом я, грешный монах Серафим; все же претерпеваемые

тобой неприятности скоро кончатся». Действительно, не более как через полгода муж ее умер, а сирот его Господь помог ей пристроить для воспитания в казенные заведения.

Одной благочестивой жене, бывшей в Сарове, он открыл, что наступает голод, и советовал запастись хлебом, чтобы не терпеть нужды. Жена же в простой беседе рассказала об этом предсказании саровскому иеромонаху отцу Иакову, который был ее духовником. Когда и братия за второй трапезой в тот же день узнали о том от старца Иакова, то некоторые из них с верой приняли это известие, умоляя Господа Бога предотвратить Свой гнев, а маловерные и ропотливые стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали слова его. В скором времени после предсказания действительно начался голод. Цены на хлеб с каждой неделей повышались. Искияли сами источники, из которых получался хлеб для голодавшего края.

С 1831 года старец Серафим опять возвещал многим о предстоящем голоде. Встретившись с отцом игуменом Нифонтом, он и ему твердил: «Голод будет, голод будет!» А для предотвращения бедствий он советовал монастырскому начальству сделать запас хлеба в шесть годовых потреб, заметив, что при его жизни уже в четвертый раз наступает голод, а обитель Саровская никогда не терпела недостатка в хлебе.

Пришел к нему еще священник А. Н., впоследствии протоиерей в Арзамасском Николаевском женском монастыре. Старец отец Серафим поздоровался с ним по обычаю иерейскому. Затем он между беседой предсказал ему, что он будет благо-

чинным, увещателем раскольников и много потерпит в жизни своей от диаконов, недостойно имеющих благодать сию. Отец Авраамий увидел на себе исполнение сих слов. Он подтвердил, что наставления, которые слышал от старца касательно обязанностей благочинного, весьма много способствовали ему к должному прохождению этого звания.

Благочестивая вдова Пелагея Ивановна Шкарина, проживавшая в Арзамасе, свидетельствует, что она имела желание смолоду поступить в монашество. Но отец Серафим, узнавший ее лет за пять до своей кончины, предсказал ей, что она будет сиротой, выйдет замуж, будет иметь семерых детей, назвал и имена всем им, потом лишится мужа. Как ни далеки были эти предсказания, но они все исполнились в точности.

Была у отца Серафима также одна мещанка города Балахны, по фамилии Заяева. Старец советовал ей непременно поступить в монастырь; та отказывалась. Он открыл ей и причины своего совета: «Ты будешь, — говорил он, — несчастлива замужеством, много будет у тебя детей, а мужа лишишься, останешься вдовой и будешь терпеть еще большую бедность, чем при муже». Заяева не послушала советов старца, вышла замуж и после горько жалела о том, ибо все слова отца Серафима исполнились.

В другом случае пришла к нему из Арзамаса мещанская девица Ножевникова. Она находилась в большой бедности. Отец Серафим, услышав жалобу на недостатки, предсказал, что в замужестве она будет богата, только после того опять будет владеть жизнью, исполненную многих скорбей.

В Арзамасском Николаевском женском монастыре проживали две сестры, крепостные девушки. Увидев их, отец Серафим сказал: «Через год господда возьмут вас к себе в услужение на пять лет». Девуцы были у старца со своим братом. Этому брату он сказал: «А тебе Господь продлит жизнь до 80 лет, что ныне редкость, если только ты сохранишь себя от грехов смертных». Все это исполнилось, как предсказал отец Серафим.

Надежда Феодоровна Островская рассказывала следующее:

«Родной мой брат подполковник В. Ф. Островский часто гостил в Нижнем Новгороде у родной нашей тетки, княгини Грузинской, которая имела большую веру к отцу Серафиму. Однажды по какому-то случаю она послала его в Саровскую пустынь к этому прозорливому старцу. Отец Серафим принял моего брата очень милостиво и между прочими добрыми наставлениями вдруг сказал ему: “Ах, брат Владимир, какой же будешь пьяница!” Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили брата. Он награжден был от Бога многими прекрасными талантами и употреблял их всегда во славу Божию, к отцу Серафиму имел глубокую преданность, а с подчиненными был как нежный отец. Поэтому он считал себя весьма далеким от такого наименования, неприличного его званию и образу жизни. Прозорливый старец, увидев его смущение, сказал ему еще: “Впрочем, ты не смущайся и не будь печален; Господь попускает иногда усердным к Нему людям впадать в такие ужасные пороки, и это для того, чтобы они не впали еще в больший грех — высокоумие. Испытание твое пройдет по милости

Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни; только не забывай своего греха”.

Дивное предсказание старца Божия действительно сбылось потом на самом деле. Вследствие разных дурных обстоятельств брат мой впал в эту несчастную страсть — пьянство и, к общему при-скорбию родных своих, провел несколько лет в этом жалком состоянии. Но наконец за молитвы отца Серафима и за свое простосердечие был помилован Господом: не только оставил прежний свой порок, но и весь образ своей жизни изменил совершенно, стараясь жить по заповедям евангельским, как прилично христианину».

А. А. Т., будучи еще малолетней (лет двенадцати от роду) однажды ездила со своей матерью в Саровскую пустынь, что бы удостоиться видеть отца Серафима и получить его благословение. Это было в 1830 году. По приезде в Саров она случайно узнала от своей няни о каком-то бедном, изнуренном колоднике, который в тяжелых цепях шел мимо монастыря и был очень жалок. При виде этого несчастного она была очень тронута его положением, но тотчас не сделала ему подаяния только потому, что при ней в то время не было денег, но потом, отыскав у себя серебряную монету в пятьдесят копеек, за неимением другой, более мелкой, решила отдать несчастному. Когда же пришли они к отцу Серафиму, то прозорливый старец, никогда еще их не видев, тотчас подозвал девочку к себе и, благословив ее, ласково сказал: «Вот это хорошо, что полтинничек-то подала бедному», — и при этом совершенно неожиданно назвал ее тогда «Ваше

превосходительство». Мать ее, крайне удивленная этим приветствием, старалась объяснить старцу, что этот титул им вовсе не принадлежит, но он, беседуя с ними, по-прежнему давал девочке тот же титул. Так и возвратились они домой, не узнав причины такого необыкновенного приветствия старца, и долго недоумевали, что бы это значило. Но после стало понятно для них, когда А. А. Т., достигнув совершенного возраста, вышла замуж за генерала. Тогда оправдались пророческие слова старца Божия, который задолго предвидел будущее по данной ему благодати от Господа.

Московский мещанин Вячеслав Андреевич Плетминцев никогда не думал жениться и всегда удивлялся тем людям, которые принимают на себя супружеские обязанности. В одно время случилось ему ехать из Рязани в Арзамас. Дорогой заехал он в Саровскую пустынь и там впервые услышал об отце Серафиме. «Дай, зайду к нему, — подумал Плетминцев, — не скажет ли он и мне чего-нибудь?» Пришел он к старцу, и тот прежде всего благословил его, а потом подал три сухарика, говоря: «Вот это тебе, это жене твоей, а это сынку». Плетминцев не поверил сначала словам старца, но, прибыв в Арзамас, действительно через несколько времени женился и по предсказанию святого старца имел сына.

Наталья Ивановна Богданова, преданная всей душой саровскому старцу Серафиму, часто посещала его, желая насладиться утешительными его беседами и наставлениями. Проводя свою молодость девицей, она вовсе не думала о браке, но однажды была поражена неожиданным для нее предсказанием старца. Отец Серафим, подавая ей сши-

тую из полотна шапочку, сказал: «На, возьми, она тебе пригодится, когда у тебя родится младенец. Ты выйдешь в замужество за знатного господина, но года три по вступлении в брак тебе придется переносить разные скорби, но не бойся, а уповай на Господа, и Он тебя утешит, и ты будешь счастлива». Взяв эту шапочку от старца, Богданова хранила ее как неоцененный дар и никому об этом не решалась открыть, ожидая исполнения чудного предсказания отца Серафима. Спустя довольно долгое время она действительно по его пророчеству вышла замуж, имея уже от роду за тридцать лет. Когда же пришло время ей разрешиться от бремени, то данная отцом Серафимом шапочка была надета на младенца. Слова его насчет семейных неприятностей при выходе замуж также вполне оправдались. Но впоследствии она жила счастливо.

Иным же старец предсказывал смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского приготовления. Так, пришел к нему некто Д. И., управляющий заводом, находящимся в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, с женой и детьми. Отец Серафим, не зная никого и ни о ком из них не слыхав прежде, назвал всех их по именам и каждому назначил год, месяц и день смерти. Отцу сказал, что проживет двадцать лет, а матери — двенадцать лет. После известно сделалось в Сарове, что она действительно умерла в то время, какое предсказано было отцом Серафимом. О самом управляющем сведений не имеется.

Одному жителю заштатного города Кадома (Тамбовской губернии) он предсказывал, для его исправления, наказание Божие, имевшее послед-

ствием своим его смерть. Пришла к отцу Серафиму жена этого человека. Старец принял ее с отеческой любовью и между прочими советами и наставлениями убеждал ее поговорить со своим мужем, избранным в то время в члены городского общества, чтобы он исправил себя от невоздержания, дерзости, несправедливых притеснений и немилосердия по отношению к другим. «Если муж твой не оставит этих страстей, вкоренившихся в нем, — говорил старец, — то он непременно будет за то наказан Богом». Говоря это, он взял с печки пучок спичек, подал их женщине и прибавил: «На, возьми эти спички, храни их».

Отеческое благословение отца Серафима видимо обрадовало ту женщину, а предсказанное им наказание ее мужа, в случае неисправления его, сильно смутило ее. Не раз после того рассуждала она с домашними и знакомыми своими о простом, но странном подарке отца Серафима, но никто из них не мог растолковать его значение. Наконец наступил страшный час, в который как значение подарка объяснилось, так исполнилось и само предсказание отца Серафима. В один день небо отовсюду начало покрываться страшными грозowymi тучами, и к вечеру собралась ужасная гроза. Весь народ в Кадоме обратился с молитвою к Богу.

Стала молиться также вместе со своим мужем и женщина, бывшая у отца Серафима, между тем как двое маленьких детей ее спали в это страшное время, один подле окна, а другой несколько подальше. Вдруг сильный удар грома разразился над их домом и в одно мгновение, вслед за сверкнувшей молнией, оторван был от окна деревянный карниз и расщепан в мель-

чайшие спички; большая часть их вонзилась в лицо и бороду мужа этой женщины. Пораженный этим ударом, он жил очень недолго и вскоре скончался.

Между тем ни дети, спавшие почти у самого окна, ни опоры карниза в окне, ни мать, молившаяся возле своего мужа, нисколько не были задеты этим ударом. После того бедная женщина вспомнила слова отца Серафима и поняла все значение странного, по-видимому, его подарка.

Строителю Высокогорской пустыни отцу Антонию было предсказано его неожиданное перемещение в другой монастырь. Случаи подобных предречений читатель видел и прежде в жизни отца Серафима. Настоящее же обстоятельство случилось так.

В январе 1831 года отец Антоний отправился к отцу Серафиму в Саров для совета по случаю сильно смущавших его неотвязных мыслей о смерти. Приехав в Саров вечером и никуда не заходя, отец Антоний пошел прямо к келии отца Серафима. Не доходя до нее, встретил он некоторых из братьев Саровской обители, которые сказали ему, что отец Серафим в монастырь не возвратился еще из своей пустыни. Было уже близ пяти часов вечера и темно. Приехавший остановился в раздумьи: идти ли ему куда или тут дожидаться? В это время стоявшие с ним братья, увидев издали грядущего старца, возвестили: «Вон отец Серафим идет». Старец шел в обыкновенной своей одежде, с мешком за плечами, опираясь на топор. Отец Антоний тотчас подошел к нему и поклонился обычно.

— Что ты? — спросил его старец.

— К вам, батюшка, со скорбной душою, — отвечал отец Антоний.

— Пойдем, пойдем, радость моя, в келию, — приветливо сказал старец.

Они вошли вместе. В келии наедине отец Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно: свершится ли с ним то, что внушают ему скорбные помыслы? Не приближается ли в самом деле смерть его?

— Сижу ли я в келии, — говорил строитель Антоний, — выйду ли в монастырь, мне представляется, что последний раз я вижу обитель. Из сего я заключаю, что я скоро умру, и потому указал уже место могилы для себя.

Строитель приехал к отцу Серафиму, чтобы в случае приближения его смерти принять от старца благословение провести остающееся время в безмолвии и внимательном приготовлении себя к Вечной жизни.

— Желаю знать о своей смерти, — заключил отец Антоний, — единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию.

Он прибавил к сему, что извещение о смерти не будет для него страшно. Отец Серафим слушал рассказ, не изменяя своего положения и держа за руку строителя Антония. Когда же он закончил, блаженный старец, взирая на него с любовью, сказал:

— Не так ты думаешь, радость моя, не так! Промысл Божий вверяет тебе обширную лавру.

Отцу Антонию подумалось, что старец Серафим желает развлечь его от скорбных мыслей; посему, прерывая речь его, он сказал:

— Батюшка! Это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов. Я умоляю вас, скажите мне прямо:

мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? И в таком случае я буду просить ваших молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением.

Отец Серафим с ангельской добротой отвечал:

— Не верны твои мысли; я говорю тебе, что Промysl Божий вверяет тебе лавру обширную.

Строитель же отвечал на это:

— Где же Высокогорской пустыни быть лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит.

К большому удивлению отца Антония, старец Серафим, не переменяя своих мыслей, стал просить его милостиво принимать из Сарова братию, кто придет в лавру или кого он пришлет.

Оставаясь в прежнем впечатлении, строитель продолжал:

— Батюшка! Кто захочет из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно; да на деле сего не может быть.

Отец Серафим, как будто идя по одной и той же дороге, сказал:

— Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время!

Не выдержал строитель, и в порыве беспредельной любви и уважения к старцу бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения прежде сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове «сирот»; ему казалось, что старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал:

— Поминай моих родителей Исидора и Агафию. — Затем стал советовать. — Покоряться должно во всем воле Господней, быть прилежну в молитве, строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии: «Матерью будь, — говорил, — а не отцом к братии», и вообще ко всем милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность жизни, говорил он, есть красота добродетелей.

Потом отец Серафим несколько раз обнял строителя, благословил висевшим на его груди крестом и сказал:

— Теперь гряди во имя Господне. Время уж тебе: тебя ждут!

Выходя из келии, строитель не мог себе дать отчета в том, какое значение имели слова блаженного старца и с чем он вышел из келии. Однако же как сокровище сложил он сказанные старцем слова в сердце своем. Мысль о смерти осталась как бы подавленной свежими впечатлениями, но еще не была разрешена.

По выходе отца Антония из келии его встретил посланный от Саровского игумена отец Нифонта с приглашением зайти к нему. Вот что значили слова старца: «Время уже тебе: тебя ждут».

Повидавшись с игуменом Нифонтом, который по болезни лежал тогда в постели, отец Антоний простился с ним и по делам обители поспешил в свою пустынь. В гостинице он нашел экипаж свой уже готовым и с неопределенным впечатлением выехал в путь, чтобы наедине предаться размышлению.

Спокойно бежали лошади домой. Ничто, кажется, не мешало строителю отцу Антонию углубить-

ся в занимавшие его дела, обстоятельства и помыслы. Вдруг он слышит, что едущий с ним монах, сидя впереди, начал плакать, не имея сил удержать свой плач и совладать с собою.

На вопрос строителя, сказанный с участием: о чем он плачет? — инок отвечал, что по приезде в Саров он встретил отца Серафима, возвращавшегося из пустыни в монастырскую свою келию, который сказал ему: «Ну вот, и вам предстоит разлука с вашим строителем». Более не открыл ничего, только прибавил: «Поди же, зови его ко мне». Так определительно отец Серафим знал о предстоявшей перемене в жизни строителя Антония.

Между тем время шло; прошел январь, февраль, настал март, наступил Великий пост. На второй день месяца, в понедельник первой недели поста, отправив череду неусыпаемого чтения Псалтири, отправляемую каждым братом по два часа, строитель встал на свое место. Здесь подали ему письмо от митрополита Московского. Отец Антоний вошел в свою келию. В письме Высокопреосвященный Филарет приглашал строителя занять место наместника в Троице-Сергиевой лавре по случаю смерти архимандрита Афанасия. Тут же вложен был конверт к Нижегородскому Преосвященному Афанасию о скорейшем увольнении отца Антония от должности строителя Высокогорской пустыни в Москву.

С этой минуты раскрылись отцу Антонию все слова старца Серафима, за два месяца определившие перемещение его в обширную лавру, когда был жив и здоров прежний еще наместник и не было речи о его замещении.

Сообщивший нам этот рассказ присовокупил, что и события, следовавшие за перемещением отца Антония в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, предсказанные старцем Серафимом, все исполнились и исполняются с величайшей точностью, как будто бы отец Серафим читал в книге судеб Божиих будущие определения людей.

Здесь уместно привести два письма об отце Серафиме к игумену Павло-Обнорского монастыря отцу Иоасафу двух духовных лиц.

I

Вы в письме своем выражаете такую мысль, что именно при жизни своей отец Серафим предсказывал родителю моему в бытность его в Саровской пустыни. Я от родителя своего слышал только два пророческих предсказания, говоренные отцом Серафимом, в чем по священству и могу уверить.

В селе Лесном Конобееве, где родитель мой священствовал, были две церкви деревянного здания; отец Серафим за четыре года ранее говорил родителю, что храмы эти падут; родитель мой, будучи тверд духом и сведущ в Священном Писании, на такие слова отвечал ему так: «Ваше Высокопреподобие, наши храмы крепкого здания и на каменных фундаментах, поэтому трудно им обрушиться». Но он снова повторил: «Нет, они падут». Родитель мой, подумав, говорит ему: «Вы, отец Серафим, изволиете говорить о телесном моем храме?» — сказав на это слова апостола Павла (Кор. 6, 19). Он повторяет: «Я говорю о вещественных храмах, и ты будешь строить храм каменного здания». На это родитель мой отвечал, что он не в состоянии этого сделать. Он ему

говорит: «Казанская Царица Небесная споспешествует тебе, и не оставит тебя в том помещик ваш; во время же постройки храма будут тебе предлагать архипастыри в городах протоиерейские места, ты не соглашайся переходить из своего села, не меняй славу вечную на временную». И действительно, через четыре года от сильного пожара обе деревянные церкви сгорели и даже все село Конобеево. Это случилось в 1828 году. После этого родитель мой возложил всю надежду на скорую Покровительницу, оставив свое семейство, из которого в то время не устроены были два сына и две дочери, и сельское хозяйство. Он отправился в Тамбов к Преосвященнейшему Евгению, испросил у него благословение и, истребовав из Духовной Консистории сборную книгу на построение новой каменной церкви, с этою целью семь лет путешествовал по разным губерниям, был до двух раз в Москве и при помощи Царицы Небесной на другой же год после пожара заложил храм каменного здания. Помещик же от того, сколько родитель в год собирает по сборной книге денег, приказывал из своей конторы выдавать третью часть капитала на устройство церкви. Таким образом, при помощи Царицы Небесной в 1835 году настоящая великолепная церковь уже была устроена и освящена в честь Обновления храма Воскресения Христова. Два придела прежде были освящены во имя Святой Троицы и в честь Казанской иконы Божией Матери, Которая, при скудных средствах, и помогла моему родителю устроить церковь. Во время же постройки церкви действительно родителю моему предлагали в городах протоиерейские места, но он, помня слова отца

Серафима, никак не решился перейти из этого села. Это первое пророчество всеми обожаемого отца Серафима.

Второе предсказание отца Серафима родителю моему было насчет семейных отношений, именно о том: родителю моему желательно было, чтобы один из нас, сыновей, был на его священническом месте (третий сын был много старше и уже в то время поступил в монашество). Отец Серафим спросил родителя: кого он желает? Родитель отвечает: среднего сына, Николая. «Нет, на твоём месте будет младший сын», — ответил отец Серафим. Действительно, я, грешный, и поступил на родительское место; священствую двадцать семь лет; жил с родителем шестнадцать лет в одном доме; был при церкви Польной стороны Конобеева, а родитель мой — при своей, устроенной им церкви. Эти две стороны разделяются одной только рекой Цной. При ослаблении своих сил родитель сдал место свое мне, а сам остался при должности благочинного, после того, в 1857 году, с миром предал дух свой Господу Богу. Не угодно ли об этом написать к старшему брату моему отцу архимандриту Никону в Севастополь Таврической губернии — настоятелю Балаклавского Георгиевского монастыря и двоюродному брату — Высокопреосвященнейшему Филарету, Архиепископу Черниговскому и Нежинскому? Родители наши были родные братья и служили при одной церкви (родитель мой был протоиереем, а их — священником), они о том более моего знают; они были в Саровской пустыни, кажется, до двух раз и лично имели счастье видеть отца Серафима; он им предсказывал, когда они обучались в семинарии, что они поступят

в монашество. Брату сказал, что он будет в том месте, с получением А. и Н., где дед его погребен; дед был священником в селе Конобееве, потом сдал место свое родителю моему, а сам пошел в Чернеев монастырь (монастырь от нашего села стоит в двадцати верстах). Дед наш в означенном монастыре и скончался. По пророчеству отца Серафима, действительно, брат прямо посвящен в чин архимандрита в Чернеев монастыре; более не могу сообщить вам никаких сведений, испрашиваю на себя ваших святых молитв.

Вашего Высокопреподобия, Тамбовской губернии, Шацкого уезда, села Лесного Конобеева, благочинный, протоиерей Василий Дмитриев Конобеевский.

Мая 16 числа 1865 года

II

Письмо Ваше от 19 ноября я получил 12 декабря и на оное сим отвечаю. Действительно, я еще в молодости моей перед окончанием семинарского курса, в 1827 году, жил в августе месяце по приказанию старца Божия отца Серафима в Саровской пустыни до трех недель, и в течение этого времени неоднократно удостоен был келейных бесед отца Серафима, в которых он говорил мне: «Зачем ты хочешь идти в монахи, вероятно, ты гнушаешься браком». Я на это отвечал: о святом Таинстве брака я никогда не имел худых мыслей, а желаю идти в монахи с тою целью, чтобы удобнее служить Господу. После того, надев епитрахиль, старец сказал: «Благословен путь твой! Но смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце.

1. Каждодневно выметай свою избу, да имей хороший веник.

2. Станови утром и вечером самовар, да грей воду, подкладывая углей, ибо горячая вода очищает и тело, и душу.

3. Учись умной молитве сердечной, как учат святые отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к Небу.

4. Учись творить молитву через ноздряное дыхание с сомкнутыми устами. Это искусство есть бич противу плоти и плотских похотений.

5. К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: «Богородицею помилуй мя».

6. Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешнюю молитву с внутренней, — не монахи, а черные головешки.

7. Бойся, как гееннского огня, галок намазанных (женщин), ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны.

8. Помни, что истинная мантия монашеская есть разумное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей — нет и спасения.

9. Все делай потихоньку, полегоньку и не вдруг; добродетель — не груша, ее вдруг не съешь».

Вот какой драгоценный совет дан мне боговдохновенным старцем. Он для меня дороже всего на свете. Старца Божия наставления я, недостойный, приемлю наравне с наставлениями святых отцов Афонских и Синайских. Не сказал бы я этого никому, но ваше письмо заставило открыть то, что старец запечатлел в сердце моем и что по смерти его остается неизгладимым в душе моей.

Во второй беседе отец Серафим говорил: «Я знаю твоего отца. Селение ваше и две церкви с колокольнями сгорят, а отцу твоему суждено выстроить новый каменный великолепный храм с колокольней и двумя флигелями, к западной стороне будет флигель для бедных, а после вторичного пожара ему и самому придется в одном из них пожить». Все предсказания старца Божия вполне сбылись. Селение и церкви сгорели в 1828 году, а в 1840-х годах был второй пожар, в котором сгорел дом родителя протоиерея Конобеевского, и он вынужден был долгое время проживать в выстроенном флигеле церковном.

«Да! У тебя есть двоюродный брат?» — спросил отец Серафим. Я отвечал: «Есть». — «Он учится в академии, он родился с мешком, он будет солить, да солить до самой своей смерти». Это его дорогое предсказание относилось к Преосвященнейшему Филарету Черниговскому.

«У тебя есть больная племянница с тобою, приведи ее завтра ко мне». На другой день я взял с собою племянницу, девицу пятнадцати лет, и ввел ее в келию отца Серафима, а он взял сосудец с елеем, помазал ей чело, глаза, уши и руки, говоря: «Помазуется раба Божия монахиня». Эта девица пострижена в монахини в Тамбовском девичьем монастыре.

«Прощай, через девять дней приходи ко мне». Это время было для меня скорбное, ибо напали богохульные мысли, так что нельзя было войти в церковь. Хотел было уйти из пустыни, да удержал меня иеромонах Иларион, говоря: «Старец знает, что делает». По истечении девяти дней измученный прилогами вражиими, я едва мог войти в сени и,

подойдя к его келии, не успел сотворить молитву, как отец Серафим отворил дверь, упал ко мне в ноги, говоря: «Прости меня за искушение, которым ты страдал, оно для того, чтобы ты знал, что такие скорби будешь иметь, поступая в монахи, но не унывай!» После этого, надев епитрахиль, исповедал меня и приказал за поздней Литургией приобщиться Святых Таин, а по принятии их тотчас все темное удалилось от меня во тьму.

В третьей, прощальной беседе отец Серафим изволил говорить: «Как пойдешь в монахи, то придется тебе начать с матерней колыбельки — со своей епархии, а потом уже тебя махнут в дальнюю сторону, а не унывай и с веселым духом пой: *Господня земля, и исполнение ея*» (Пс. 23, 1).

Прожив три недели, я имел случай заметить в отце Серафиме необычайный дар прозорливости. Один нижегородский чиновник, в чине генерала, с семейством, приехал принять совет и благословение от старца. Несколько раз, быв у двери, он не был впущен, несмотря на то, что семейство его было принято, а он сам только через дверь слышал голос и слова отца Серафима: «Меня дома нет, мне не время». Чиновник, удивляясь словам и не понимая их, усердно желал разъяснения. Видя же, что я часто хожу к нему, упросил меня идти с ним вместе. Когда мы сотворили молитву, то отец Серафим отворил нам дверь и принял чиновника радушно и на его слова, что он был пять раз и не удостоился принять благословения, отец Серафим сказал: «Вот почему я вас не принял, что ваши-то люди говорят приходящим к вам по нуждам своим: “Барина дома нет, ему не время”. Ведь этим отказом, прогневливая ближних, вы прогневляе-

те Самого Бога». Генерал, приняв наставление с христианским смирением, поклонился ему в ноги и обещался впредь никогда этого не допускать.

Прося ваших святых молитв о моем недостоинстве, с моим высоким почитанием навсегда пребуду, настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря Никон.

17 декабря 1865 года

Обители Саровской отец Серафим делал не раз предсказания о событиях, с какой-либо стороны ее касавшихся, ближайших и отдаленных. Когда, например, явилась первая холера в России, отец Серафим открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве. Саровские старцы, своими очами видевшие отца Серафима и слышавшие его одобрительные беседы, были свидетелями того, что эти предсказания его исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Дивееве, ни в Сарове не умерло ни одного человека. Однажды пришел к нему генерал-майор Антон Ефимович Махотин, чтобы вместе с женой, имевшей веру к старцу, получить благословение и наставление. Отец Серафим, похристосовавшись, милостиво говорил с ним. Это случилось в пятницу. Старец спросил пришедших, долго ли они пробудут в обители, и советовал им не раньше как в воскресенье, после поздней Литургии выехать: «В воскресенье у нас в обители, — говорил он, — будет торжество и молебствие». Генерал спрашивал о причине этого торжества и молебствия у монаха в гостинице, даже у строителя отца Нифонта. Все отвечали, что никакого торжества не будет и не предвидится. Но ког-

да строитель говорил об этом с генералом, вошел монастырский служитель и подал принятый с почты пакет с письмами. Между бумагами оказался, неожиданно для всех, указ о рождении великой княжны, по которому на следующий день, в воскресенье, в соборном Саровском храме перед Литургией отправлено было торжественно Господу Богу благодарственное молебствие и весь день раздавался звон колоколов в обители. Это сказание генерал заключил тем, что и отец игумен Нифонт разделял в то время с ним удивление дару прозорливости отца Серафима.

Саровский лес при игумене Нифонте приносил уже много пользы монастырю. Все стали смотреть на него как на источник дохода для обители. Между тем отец Серафим предсказал за несколько времени бурю, которая много поломала деревьев в лесу, о чем крайне сожалело саровское начальство.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил отец Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за Православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была, но теперь события объяснили, что старец говорил это о Крымской кампании.

Со времени выхода из затвора старец всегда вкушал пищу только раз в день, и то по вечерам. Одежда его была в это время неодинакова. Подрясник всегда носил из черного толстого сукна. Летом надевал сверху белый холщевый балахон, а зимой носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весной он носил кафтан из толстого русского

черного сукна. От дождя и жара надевал полумантию, сделанную из цельной кожи с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимой — в бахилах, а идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимой и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Святых Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келии богомольцев. Один богатый человек, посетив отца Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» Отец Серафим отвечивал: «Иоасаф-царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы» (Четьи-Минеи. 19 ноября).

Против сна отец Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келии. Спал же он, сидя на полу, спиной прислонившись к стене и протянув ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный обрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичях и поленьях, бывших в его келии. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал почивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность Господу и Божией Матери были столь велики, что когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, быв у него в 1831 году на благословении, спросил,

не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкою сказал: «Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец». В другой раз заехали к отцу Серафиму курские купцы после Макарьевской ярмарки. Благословив их, старец спросил, хорошо ли они торговали. Они рассказали ему о торговле. Окончив все беседы со старцем и принимая благословение в путь, купцы спросили, что прикажет батюшка сказать своему братцу? «Скажите ему, — отвечал отец Серафим, — что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь». С тем они и пошли, а старец, возвед руки горé, в восторге повторил несколько раз: «Нет лучше монашеского жития, нет лучше монашеского жития!»

Время, которое отцу Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всей точностью и усердием о спасении своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем перед Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для этого при чтении Псалтири на каждой славе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. За живых: «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущих. Подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2. За усопших: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братий наших, zde ле-

жащих и повсюду православных христиан преставшихся. Подаждь им, Господи, Царствие и причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келии перед святыней. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец отец Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я, — рассказывал Николай Александрович, — видеv у батюшки отца Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: “Для чего это батюшка отец Серафим возжигает такое множество свечей и лампад, производя в келии своей нестерпимый жар от теплоты огненной?” А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

— Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего. Я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных — за несколько человек одну

большую свечу, за иных же постоянно тепло лампады; и где следует на правиле поминать их, говорю: “Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила (то есть лампы)”». А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: “Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в ночи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть”. Так вот, ваше боголюбие, почему Святая Церковь Божия приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандилы, или лампы, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых ангелов и святых чело-веков, Богу благоугодивших”».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, отец Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по Уставу Православной Церкви. 25 мая 1832 года пришла к нему одна особа, после свиданий записавшая свои разговоры с ним. Говоря о многом, старец вспомнил о Дивеевской общине, похвалил сестер за их жизнь и труды и потом, вздохнув, помянул за упокой новопреставленную девицу Елену. Это известная уже нам Елена Васильевна Мантурова, начальница Серафимо-Дивеевской общины. В этот день были сорочины после смерти ее.

В другой раз сам отец Серафим рассказывал следующее обстоятельство. «Умерли две монахини, бывшие обе игумениями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Отец игумен Иоасаф, в мире послушник Иоанн Тихонов, рассказывает об ударе, полученном отцом Серафимом от злобного духа, следующее: «Один соседний крестьянин причинял весьма много огорчений отцу Серафиму, всячески стараясь вредить обители Дивеевской, так что я однажды сильно жаловался на него батюшке и просил его употребить против этого злого человека какие-нибудь крайние средства, чтобы отдалить его от обители. Отец Серафим приказал мне придти к нему в келию вечером, а когда я пришел, он начал говорить мне так:

— Об этом-то человеку, о котором ты говорил мне, и я скажу, что он зверообразный, но мы оставим его на волю Божию и Царицы Небесной; Она над ним устроит! (И это действительно сбылось впоследствии.) А если ты хочешь удалить его теперь, то знай, что он может еще много зла сделать тебе и обители.

И после этих слов, старец вдруг принял угрожающий вид и всеми движениями как бы показывая себя вооруженным против кого-нибудь, сказал:

— А когда против врага-то стоят, так уж стоят.

И затем, приняв прежний, кроткий вид, открыл о себе дивную тайну, именно: как он узнал однажды, впрочем не объясняя, по откровению ли или ему сказал кто-либо, что одна совершенно несчастная, потерянная душа была как бы в когтях у самого сатаны, но чем она согрешила, старец также не объяснил, и когда он простер за нее моление к Спасителю и Божией Матери и видел ее потом, по милости Божией, летящую из когтей сатаны уже совершенно чистою голубицею; и как наконец полчище сатанинское, не стерпя потери своей, излило на него всю свою злобу. При этом старец, как бы в удостоверение, расстегнул свою свитку и, взяв мою руку, дал мне осязать нанесенную ему язву, уже, по его словам, исцеленную. Я осязал ее и видел: она была на спине старца между лопатками, совершенно мягкая и походила на отвислый кусок мяса величиной с гусиное яйцо. С этой язвой его и похоронили. Дав мне видеть и осязать ее, старец еще прибавил, что боль от этой проказы так жестока, как бывает больно пальцу, когда его положишь на горящую свечу, притом если бы он горел, но не сгорал.

“И если бы Господь и Царица Небесная, — говорил старец, — не исцелили меня, то никто не мог бы уже исцелить”».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее, Г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к отцу Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам и его на кровати внесли в монастырскую ограду. Отец Серафим

в это время стоял у дверей своей монастырской келии, как бы ожидая расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келию и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться, только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинуюсь словам старца. Но терпение его ослабло, любопытство подстрекало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись, он увидел отца Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении, и от неожиданности и необычности видения вскрикнул. Отец Серафим, по совершении молитвы, подойдя к нему, сказал: «Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим — святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Г. Я. действительно встал с постели, и хотя опираясь на других, но уже сам на своих ногах вышел из келии. В монастырской гостинице его осаждали вопросами, как и что делал и что говорил отец Серафим, но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени вернулся в имение княгини Ш. Здесь он узнал, что старец Серафим почил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатью Божией был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

Можно сказать без преувеличения, что вся Россия уже в то время знала и чтит отца Серафима;

по крайней мере слух о великом подвижнике ходил повсюду. Известные подвижники, одновременно с ним жившие, по духу знавшие старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другим давали отзывы о нем самые возвышенные, ибо все смотрели на него яко на *град, верху горы стоящий* (см. Мф. 5, 14). Священники и архиереи Православной Церкви, проводившие жизнь духовную и святую, имели глубокое уважение к Саровскому подвижнику. Некоторые из епископов писали письма к отцу Серафиму, спрашивали его советов, хотя ни одного письма не нашли после смерти старца. Антоний, архиепископ Воронежский, часто присылал ему даже подарки, особенно святые иконы, при получении которых отец Серафим, указывая на лики святых, часто говаривал: «Вот какие особы показывают нам путь к вечности!» На словах, может быть даже и письменно, отец Серафим отвечал на запросы архипастырей. Некоторые же письма их оставлял и без ответа. К Антонию, архиепископу Воронежскому, питал особенную любовь и уважение, никогда его не видел. Когда заходила речь об этом архипастыре, он называл его великим архиереем Божиим. Еще ничего не было слышно об угоднике Божиим Митрофане: не было еще ни откровений, ни явлений, а отец Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял Преосвященного Антония с открытием святых мощей угодника Божия Митрофана. Антоний показывал некоторым эту записку, которая, как полагают, и до сих пор сохраняется между его бумагами. По духу знал отец Серафим и многих современных священников, сиявших благочестием и

святостью жизни, глубоко уважал их и посетителей своих посылал к ним для назидания и руководства. Из числа таких известен отец Алексей Гневашев, священник села Басурман Симбирской губернии Курмышского уезда, умерший 85 лет от роду 21 апреля 1848 года. Отец Серафим считал его высоким подвижником и часто говаривал о нем так: «Сей человек по своим молитвам за души христианские подобен свече, возжженной перед Престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих подвижников. Он, как звезда, горит на христианском горизонте».

В житии затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, изданном Григоровым, помещено одно обстоятельство, случившееся с отцом Георгием и им рассказанное послушнику П. А., из записок которого извлечено.

«Однажды, — говорит П. А., — придя к отцу Георгию в келию, увидел я на стене незнакомый мне портрет и спросил: “Чей это?” — “Разве ты не знаешь? — отвечал Георгий, — это Саровской пустыни покойный отец Серафим!” Богоугодная жизнь его всем была известна и потому разговор продолжался о нем. Между прочим, Георгий, подумав несколько, сказал: “Знаешь ли, что со мною он сделал? Долгое время мучился я помышлением: перейти отсюда куда-нибудь в другой монастырь, поуединеннее, а то здесь письма и посетители много меня развлекают. Отказывать иногда совестно, а иногда и нужно бывает отвечать: пишут дело. Около двух лет боролся я в нерешимости с этим помышлением, никому этого не говоря; между тем сильно этим смущался, перебирая в памяти моей все мес-

та, куда бы удобнее удалиться. Однажды входит ко мне келейный, извещая, что странник из Саровской пустыни от отца Серафима принес мне поклон и благословение, и, сверх того, имеет надобность сказать лично несколько слов по его поручению. Я благословил ему войти, и он начал так: “Отец Серафим приказал тебе сказать: “Стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться”. Сказав это, странник поклонился и вышел, а я стоял как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных моих помышлений, и притом такому человеку, который не только меня не знал, но и никогда не видывал, и даже никогда мы друг к другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просил я келейного воротить ко мне странника, надеясь узнать от него что-нибудь более, но его уже не могли отыскать ни в монастыре, ни за монастырем. С тех пор дух мой успокоился, и я перестал помышлять о переходе в другое место».

Из духовных отношений старца Серафима к другим современным подвижникам, из совместных действий их, направляемых к одной цели, чрезвычайно замечателен следующий случай. Одна томская мешанка, Мария Иконникова, много странствовавшая по святым местам, зашла в город Ачинск к старцу Даниилу принять благословение на будущие странствия. Он встретил ее, не допустив до своей келии, и, бросив на нее самый гневный взгляд, начал говорить громким голосом:

— Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал. Вот, будешь меня помнить. За-

чем ты бродишь по свету да обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги на свечи и молебны, а ты тратишь их на свои прихоти: много станций ехала на подводах, нанимала, тратя деньги, Богу данные. А в таком-то месте ты пила вино, и столько-то его купила, а в таком-то месте пустое празднословила. Теперь уже полно тебе ходить по свету. Ступай и живи в Томске. Питайся от своего рукоделия: чулки вяжи. А когда состаришься, тогда для пропитания собирай милостыню. Да слушай же, больше не ходи по России.

Говоря эту поучительную речь, старец грозил страннице палкой и по окончании слов своих пошел в келию. Странница же, поклонившись ему, не сказав ни единого слова, отправилась в Томск, поселилась дома, стала заниматься рукоделием и решила впредь не странствовать.

Только по прошествии полугода родственники и знакомые, идя в Киев, упростили Марию Иконникову, как человека хожалого, быть для них вожатым. Сначала она не соглашалась, но потом пошла с ними и по дороге зашла к отцу Серафиму принять на дорогу благословение. Старец всех спутников ее принял ласково, благословил, дал сухариков, а Марии Иконниковой ни слова не сказал, не благословил и даже от себя прогнал. Через неделю томские путешественники начали собираться в путь, и Мария Иконникова, решившись испросить у отца Серафима благословение в путь, подошла к дверям его келии и со слезами кричала: «Батюшка Серафим! Благослови меня в путь: товарищи мои хотят идти!» Отец Серафим, выйдя из келии, сурово глянул на нее и громко закричал:

— Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить по России. Теперь же ступай назад, домой!

— Батюшка! Благослови меня сходить в последний раз! Больше уж ходить не буду.

— Я тебе сказал: ступай назад, а вперед идти тебе нет благословения! — громко закричал опять старец.

— Батюшка, как же я пойду назад одна? Такой дальний путь, а денег у меня ни копейки нет.

— Ступай, ступай обратно! — настаивал на своем отец Серафим, — и без денег доvezут на лошадях до самого Томска.

После этого старец благословил ее, дал один сухарик и затворил за собой дверь. Странница простилась со своими спутниками и вернулась домой. В Нижнем Новгороде нашлись ей спутники, томские купцы, которые и доvezли ее до самого Томска. Так далеко видят по духу и слышат друг друга рабы Божии!

Зная и уважая святых людей, действуя ко благу ближних, согласно с ними и в духе и цели веры Христовой, батюшка Серафим не упускал из виду и согрешающих братьев. В келии его, как уже сказано прежде, всегда горело многое множество свечей перед святыней. Посетители, приходя к старцу, приносили для этого свечи, масло и иногда полагали на покупку их деньги, которые отец Серафим не всегда принимал. Насчет этого множества свечей отец Серафим говорил следующее: «Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего чело века горит свеча пред святой иконою. И если свечка падала, это было для меня знамением, что человек тот пал в смертный грех. Тогда я преклоняю свои

колена за него перед благоутробием Божиим». Так говорил отец Серафим проживавшему в городе Арзамасе крестьянину Василию Петровичу Вавилову, работавшему в Дивееве и у отца Серафима пользовавшегося особенным его вниманием и доверием. Вот предстоял другому любимцу отца Серафима, г-ну Воротилову, случай впасть в смертный грех. Отец Серафим, видя то, начал молиться, преклоняя колени, да спасет Господь душу его от погибельного греха. Господь милосерд: спас его. Поэтому при свидании старец заметил Воротилову, что в такое-то время и в таком-то месте мы, по милосердию Божию, избавлены от ада за молитвы убогого Серафима.

За год и десять месяцев до своей кончины отец Серафим сподобился посещения Божией Матери. Посещение это было ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1831 года. «Батюшка, — сказывала старица Дивеевской общины Евпраксия (в миру Евдокия), — за два дня приказал мне придти к себе к этому дню. Когда я пришла, батюшка объявил: “Нам будет видение Божией Матери”, — и, наклонив меня ниц, прикрыл своей мантией и читал надо мною по книге. Потом, подняв меня, сказал: “Ну, теперь держись за меня и ничего не убойся”. В это время сделался шум, подобно шуму леса от большого ветра. Когда он утих, послышалось пение, подобное церковному. Потом дверь в келию сама собой отворилась, сделалось светло — белее дня, и благоухание наполнило келию, похожее, но лучше розного ладана. Батюшка стоял на коленях, воздев руки к небу. Я испугалась. Батюшка встал и сказал: “Не убойся, чадо: это не беда, а ниспосылается нам от Бога милость. Вот Преславная, Пречистая Владычи-

ца наша Пресвятая Богородица грядет к нам!” Впереди шли два ангела, держа — один в правой, а другой в левой руке — по ветви, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их подобны золотисто-желтому льну и лежали, распущенные, на плечах. Они стали впереди. За ними шли святой Иоанн Предтеча и святой Иоанн Богослов. Одежда на них была белая, блестящая от чистоты. За ними шла Божия Мать, а за Нею двенадцать дев. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета — сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шеей большой круглой пряжкой, застежкой, убранный крестами, разнообразно изукрашенными, но чем — не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх которого была мантия, было зеленое, препоясанное высоко поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, убраны были крестами. Ростом Она казалась выше всех дев. На голове Ее была возвышенная корона, крестами разнообразно украшенная, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как на пряжку, застежку и на само лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены по плечам и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за Нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета, были разного роста, разных лиц и разного цвета волос, лежащих также по плечам; все великой красоты, но одни других были лучше, и стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келия сделалась просторная и верх весь исполнился огней, как бы

**Явление Божией Матери батюшке Серафиму
25 марта 1831 года**

горящих свечей. Светлее было полдня; свет был особый, непохожий на дневной свет, светлее и белее солнечного света. Я испугалась и упала. Царица Небесная подошла ко мне и, коснувшись правой рукой, изволила сказать: “Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною”. Я не почувствовала, как встала. Царица

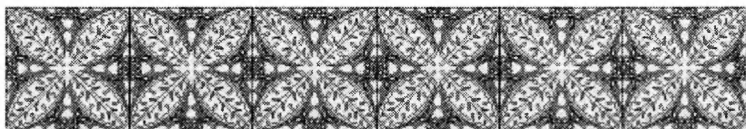
Небесная изволила повторить: “Не убойся, Мы пришли посетить вас”. Отец Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах перед Пресвятой Богородицей, и Она говорила с ним столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великой радостью, спросила я отца Серафима, где мы. Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: “Кто это?”, Пречистая Богородица приказала мне подойти к девам и самой спросить их. Они стояли по сторонам, как шли: первыми стояли великомученицы Варвара и Екатерина, вторыми — святая первомученица Фекла и святая великомученица Марина, третьими — святая великомученица и царица Ирина и преподобная Евпраксия, четвертыми — святые великомученицы Пелагия и Дорофея, пятыми — преподобная Макрина и мученица Иустина, шестыми — святая великомученица Иулиания, и мученица Анисия. Я подходила к каждой из них, каждая мне сказала свое имя и подвиги мученичества и жизни Христа ради, сходно с тем, как написано о них в Четвях-Минеях. Все говорили: “Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание, за поношение. И ты пострадаешь”».

Пресвятая Богородица много говорила отцу Серафиму такого, что участница в видении не могла слышать, а вот что слышала: «Не оставь дев Моих» (Дивеевских). Отец Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить». На это Царица Небесная отвечала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня; а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от

Меня; кто послужит ради Господа, тот помянут будет пред Богом». Потом, обратясь ко мне, сказала мне: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбили нищету самоизвольную, возлюбили единого Господа и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние — тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же».

«Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала отцу Серафиму: “Скоро, любимиче Мой, будешь с нами”, и благословила его. Простились с ним и все святые: святые Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов благословили его, а девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: “Это видение тебе дано ради молитв отцов Серафима, Марка, Назария и Пахомия”. И потом в одно мгновение стало все невидимо.

Видение продолжалось не один час. Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: “Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога. И тебя Господь сподобил. Вот какой радости достигли! Есть нам по чем веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага диавола и против его будь во всем мудрая: Господь тебе во всем поможет. Призывай себе на помощь Господа и Матерь Божию, святых и меня, убогого, поминай. Помни и говори в молитве: “Господи, как мне умереть будет? Как мне, Господи, на Страшный Суд прийти? Как мне, Господи, ответ дать за мои дела? Царица Небесная, помози мне!”»

10. Приготовление к смерти, кончина и погребение

Изнеможение сил старца Серафима. — Изменение порядка жизни. — Усердие к старцу народа. — Замечательные случаи из отношений отца Серафима к ближним в это время. — Его предсказания о своей смерти. — Две беседы с сестрами Дивеевской общины. — Исцеление и разговор с инокиней Платонидой. — Посещение отца Серафима подвижником Тимоном и наставления, данные ему Саровским старцем. — Огорчения и взгляд на них отца Серафима. — Его приготовление к смерти. — Замечательное свидание с Преосвященным Арсением за четыре месяца до смерти и разные предсказания о ней. — Заключительное слово отца Серафима. — Последний день жизни. — Описание кончины старца. — Его погребение. — Памятник на могиле. — Стихотворение по случаю его кончины. — Смерть брата отца Серафима. — Собрание сведений о жизни отца Серафима. — Вещи, оставшиеся после его смерти. — Память о нем живет и убажается повсюду до настоящего времени.

За год до смерти отец Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных, наипаче же телесных. Ему было теперь около семидесяти двух лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келию. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслию беспрепятственно видеть отца Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же усердие к нему заставляло мно-

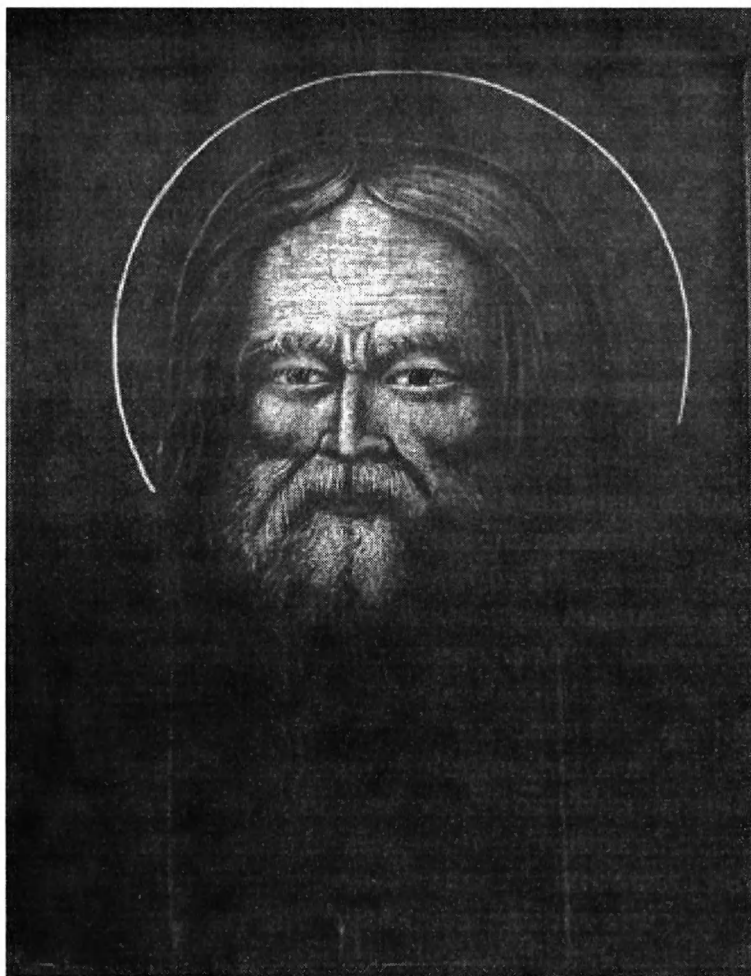
гих немалое время проживать в монастырской гостинице, чтобы изыскать необременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желанное слово назидания или утешения.

Старец отец Серафим, как и в прежние годы, продолжал хотя изредка наставлять людей, больным подавал молитвами своими исцеления и предвозвещал будущие события. К этому году относятся следующие замечательные случаи из отношений его с посетителями.

Рясофорный монах Нижегородского Печерского монастыря Василий рассказывал следующее обстоятельство о свидании своем с Саровским подвижником.

«В 1825 году отец мой — Владимирской губернии Муромского уезда села Зяблицкого Погоста крестьянин графини Юлии Самойловой — отправился с двумя малолетними своими детьми, мной, шестилетним Василием, и братом моим Кириллом, в Саровскую пустынь помолиться и принять благословение от отца Серафима. Мы прибыли туда накануне праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и на другой день после ранней обедни отправились к отцу Серафиму. Богоугодный старец, благословляя нас, сказал обо мне отцу моему, что я не буду его кормильцем, и попросил его купить для меня Евангелие. А о брате моем сказал, что он будет жить при родителях и помогать им. С тех пор отец и мать мои часто напоминали мне об этом предсказании.

На четырнадцатом году я пожелал сам удостовериться в словах прозорливого старца и с этой целью

Прижизненный портрет батюшки Серафима

испросил у своих родителей позволение побывать в Саровской пустыни у отца Серафима. Это было в 1832 году. Когда я пришел к старцу и хотел спросить его о будущей своей жизни, он сам, преду-

преждая слова мои, сказал мне: «Радость моя, тебе следует поступить в монастырь». Когда же я отвечал ему, что я человек господский, он сказал: «Гряди: Божия Матерь тебе поможет, и графиня, помещица твоя, через ходатайство великих людей, отпустит тебя на волю». С этим утешительным предсказанием и с благословением отца Серафима я отправился домой.

Достигнув семнадцатилетнего возраста, я получил наконец от своих родителей согласие на поступление в монастырь и, будучи еще господским человеком, поступил в Саровскую пустынь. По прошествии двух лет игумен Саровский отец Нифонт благословил меня, как оказавшегося, по искусству, способным к монастырским послушаниям, хлопотать об увольнении из крепостного состояния. Это побудило меня отправиться в Санкт-Петербург, и здесь Промысл Божий указал мне обратиться с просьбой об исходатайствовании столь желаемого мною увольнения к настоятелю Сергиевской пустыни, отцу архимандриту Игнатию. Добрый настоятель тотчас же согласился на мою просьбу и вскоре действительно исхлопотал мне это увольнение. По представлении его отцу Нифонту я был принят в Саровскую пустынь послушником, а оттуда перешел в Нижегородский Печерский монастырь. Таким образом исполнилось в точности предсказание отца Серафима».

Родные сестры, из дворян, девицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские, находившиеся в числе сестер Дивеевской обители, повествовали следующее:

«В 1832 году родной брат наш О. В. Ладыженский, бывший после председателем военной комиссии в Оренбурге, был послан в Китай для сопровождения Духовной Миссии. Дорога его лежала через Нижний Новгород, где мы имели родную бабушку игуменью в Крестовоздвиженском девичьем монастыре. Желая посетить престарелую бабушку, чтимую всеми знающими ее, и даже отцом Серафимом, и повидаться с нами, сестрами своими, жившими тогда в Пензе, еще в миру, брат наш вызвал нас в Нижний Новгород.

Сам он прибыл туда на Страстной неделе Великого поста, в самую распутицу, и по необходимости должен был дожидаться здесь лучшего пути, тем более что от дурной дороги занемог. В последнюю турецкую кампанию он был ранен в левую руку, и теперь боль в руке возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имея счастье знать и питая горячую веру к молитвам преподобного отца Серафима, воспользовались этой невольной остановкой брата и начали убеждать его съездить с нами в Саровскую обитель, чтобы удостоиться видеть и получить благословение отца Серафима на такой долгий и опасный путь.

После многих усилий он наконец склонился на нашу просьбу, но не по вере в святость жизни и прозорливость отца Серафима, которого хотя и уважал, но далеко не разделял к нему наших чувств, а единственно для успокоения нашего, по любви к нам, так как мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будем спокойны на его счет, когда он посетит с благоговением чтимого нами старца.

Накануне отъезда мы имели с братом большой разговор и спор о святых иконах. Мы называли многие иконы чудотворными, а брат опровергал нас, говоря, что различать иконы и называть некоторые из них чудотворными это дело суеверия и что все иконы одинаковы. Поехали же мы в Саров с таким расчетом, чтобы пробыть там воскресный или какой-нибудь другой праздничный день; нам хотелось, чтобы брат увидел отца Серафима первый раз в церкви, когда он будет приобщаться Святых Таин.

По приезде мы все отправились к ранней обедне, за которой обыкновенно приобщался отец Серафим, и когда она кончилась, брат наш вошел в алтарь, чтобы принять там благословение от отца Серафима и передать ему несколько слов от бабушки нашей, игумении, и от Преосвященного Афанасия, который управлял тогда Нижегородской епархией, а впоследствии переведен был в Тобольск, где и скончался; мы же возвратились в занимаемую нами гостинную келию.

Вскоре возвратился и брат наш, и мы заметили в нем большое изменение. Первым словом его было признание, что отец Серафим сотворил над ним чудо. Он говорил: “Пока я передавал отцу Серафиму то, что поручили мне передать бабушка и Преосвященный, он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул, но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли”.

После трапезы мы все пошли в лес, к пустыни отца Серафима; увидав его издали сидящим напротив своего источника, предложили брату идти к нему одному, а сами остались вдали смотреть на

них. Брат пошел и принят был отцом Серафимом, по-видимому, очень милостиво, потому что он благословил его и, посадив подле себя, разговаривал с ним с полчаса. Наконец отец Серафим, подняв свою голову, сделал нам знак рукою, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, он уже встал со своего места, и мы нашли его с заступом в руках, копавшим свои грядки. Он был в белом балахончике и повязан тряпичкой; а плечи его были покрыты кожей. Мы получили его благословение, и когда брат подошел к нему также, он сказал ему: “Подожди, батюшка, я сейчас выйду к тебе”. С этим словом он пошел в пустынную свою келию и тотчас же вынес оттуда половину просфоры, подавая ее брату, сказал ему с любовью: “На тебе от моей души”. И потом прибавил как бы с грустью: “Мы с тобою более не увидимся”. Тронутый, брат отвечал ему: “Нет, батюшка, я еще завтра приду к вам; благословите”. Но отец Серафим повторил: “Мы с тобою более не увидимся”. Брат возразил еще: “Батюшка, я и на возвратном пути заеду к вам”. Но отец Серафим в третий раз повторил: “Нет, мы с тобою больше не увидимся”.

Простившись с отцом Серафимом, мы отправились в монастырь; сестры шли впереди, а я, грешная Екатерина, с братом, немного позади их. Заметив в брате большую перемену, я спросила его о причине, и он отвечал мне так: “Теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы говорили о нем, — истинно, и вы ничего не преувеличили”. Прежде же он обыкновенно отзывался о нем так: “Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете”.

Я попросила брата рассказать мне все подробнее, и он рассказал следующее: «Когда я подошел к нему под благословение и объяснил, что отправляюсь в Китай и потому нарочно заехал в Саров, чтобы принять от него благословение и попросить его святых молитв на такой дальний путь, отец Серафим благословил меня и, посадив подле себя, сказал: “Что, батюшка, мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной; вот, в теплом соборе у нас икона Живоносного Источника: отслужи ей молебен; ведь она чудотворная, она тебе поможет”. И потом с улыбкой продолжал: “Читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то, чтобы он не был христианином, — он веровал в Господа, но в иконах-то заблуждал так же, как и ты”. И при этих словах он показал на меня рукою. Я был весьма поражен этими словами.

Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мною и давать мне наставления, особенно, чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд. В заключение он предсказал, что я исполню возложенное на меня поручение и возвращусь благополучно.

Из пустыни мы прошли прямо в теплый собор, потому что брат мой, воспламененный верой и любовью к отцу Серафиму, пожелал немедленно исполнить его совет и отслужить молебен Царице Небесной. После молебна он выпросил у знакомого нам иеромонаха Анастасия Четьи-Минеи, отыскал там житие Иоанникия Великого и нашел, что действительно Иоанникий был военный добрый и

сострадательный; что он веровал в Господа, но заблуждал насчет икон, и наконец, что он нашел старца затворника, подобного отцу Серафиму, который вывел его из заблуждения. Таким образом, брат наш выехал из Сарова с полной верой и любовью к отцу Серафиму. Он бросил все свои лекарства, потому что уже не нуждался в них более: он чувствовал себя исцеленным и душою и телом и с дороги писал нам, что никогда не чувствовал себя столь здоровым.

Исполнив в точности по благодати Божией и за молитвы праведника поручение, данное ему Августейшим Монархом, он возвратился в отечество и хотел на обратном пути еще раз посетить отца Серафима, но мы уведомили его, что уже не стало дивного угодника Божия. И таким образом исполнилось его пророчество, которое он говорил брату при прощании: «Мы с тобою больше не увидимся».

Считаем нелишним поместить здесь еще одно обстоятельство, случившееся с братом нашим и доказывающее благодатный дар прозорливости в отце Серафиме.

Уезжая из Сарова, брат наш поручил вышеупомянутому иеромонаху Анастасию доставить отцу Серафиму от его усердия одну неважную вещь. Отец Серафим, приняв ее, изволил сказать о брате, что “он опять здесь будет, но не один; я, — говорил он, — приказал ему не оставлять жены”. «Отец Анастасий передал это известие мне, — говорила Екатерина Васильевна, — когда я приехала в Саров через несколько месяцев после отъезда брата; и я нисколько не сомневалась в истине слов праведника, хотя брат и ничего не говорил нам о намерении своем вступить в брак. Возвратившись домой, я на-

писала о слышанном брату, и он отвечал нам так: “Дивный Серафим не ошибся и в этом случае: он проник в тайну души моей; я избрал себе по сердцу и положил твердое намерение жениться на избранной мною”».

Екатерина Васильевна рассказывает еще следующий случай об отце Серафиме. «В один из приездов наших в Саровскую обитель сестра моя пожертвовала на образ Успения Божией Матери свои бриллиантовые серьги; чтобы скрыть это дело, она вручила их в моем присутствии знакомому нам иеромонаху Дамаскину с просьбою передать их настоятелю и никому не сказывать ничего. Это происходило у крыльца келии отца Серафима. Едва мы вошли вслед за тем к старцу в сени, как он встретил сестру мою, сделавшую пожертвование, с самым радостным видом и с сими словами: “Божия Мать вознаградит тебя за твою жертву и здесь, и в будущем”. Мы остались после наших родителей совершенными по всему сиротами и утешались только тем, что старец между прочими спасительными наставлениями всегда говорил нам, что он утешит нас, что он будет за нас молиться. И действительно, мы считаем себя теперь вполне утешенными, потому что Господь Бог и Царица Небесная за молитвы отца Серафима сподобили нас, двух сестер, Екатерину и Анну, поступить в число сестер Дивеевской общины и принести хоть малейшую лепту нашего усердия в пользу этой святой обители».

Особенно замечательна по содержанию своему беседа старца Серафима с господином Богдановым. В день Рождества Христова 1832 года он удостоился

видеть отца Серафима в Саровской пустыни. «Я, — говорил господин Богданов, — пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начала службы и увидел, что отец Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословив меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: “После, после”. По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: “Молитвами Пресвятыя Богородицы все благо будет!” Тогда я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушивания от него спасительных советов. Старец на то отвечал мне так: “Два дня праздника. Времени не надо назначать. Святой апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: аще Господь восхошет и живы будем, сотворим сие и сие”. Я поднес к нему дочь свою Веру, и он, благословив нас, дал нам обоим сухарей.

Наконец, приготовив заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келию. Он встретил меня в сенях, принял принесенные мною по поручению других свечи и масло и благословил беседовать с собою.

Я спросил его: “Продолжать ли мне мою службу, или жить в деревне?” Отец Серафим отвечал: “Ты еще молод, служи”. — “Но служба моя нехороша”, — возразил я. “Это от твоей воли, — отвечал старец. — Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается — везде спасен будет; а кто не приобщается — не мною. Где господин, там и слуга будет. Смирять себя, мир сохраняй, ни за что не злобься”.

Я спросил: “Благополучно ли кончится мое дело?” Старец отвечал: “Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войною. Одному нивы надобно двенадцать сажень, а другому более. Не пожелай”.

После того я спросил, учить ли детей языкам и прочим наукам? И он отвечал: “Что же худого знать что-нибудь?” Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: “Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумнее”.

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: “Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ”. Но я умолил его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: “Скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра, и что делать при противоречиях?” Старец на это отвечал мне так: “Святой апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды; а вслед за сим следует: не упивайся вином. На это надо разум. Не воструби, а где нужно, не промолчи”.

Я спросил еще, что прикажет он мне читать. И получил ответ: “Евангелие по четыре зачала в день — каждого Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть, а он все

терпел и спасся. Да не забывай дары посылать оби-
девшим тебя”.

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал: “Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись — упадешь, и враг посмеется тебе; аще юн сый, удержишься. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют — не укоряй; гонят — терпи; хулят — хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней; никогда не лъсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти, или и далее, кого Бог позовет”.

Последние слова отца Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и отец Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца: “Обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости?” Он отвечал: “Кто как может, но лучше чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа”.

Еще спросил я: “Должно ли угождение людям простирается и на те случаи, которые не согласны с волей Божией, например, праздно проводить вре-

мя и т. п.?” На это отец Серафим возразил: “За эту любовь многие погибли: еще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего — Бога”.

Я попросил его помолиться обо мне; он отвечал: “За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никого не огорчать и ни на кого не огорчаться: тогда Бог даст слезы раскаяния, — и опять подтвердил, — укоряют — не укоряй и т. д.”

На вопрос мой: “Как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания?” — он отвечал: “Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть и еще протерпит долго. Ты так делай: еще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя”.

Спрашивал я также отца Серафима насчет опасности нынешних советов и можно ли вверяться учению других. Он отвечал: “Это вам, необновленным”, — и улыбнулся. “Довольно одного ангела хранителя, от святой купели нам данного. Если ярость в ком есть — не слушай; если девство кто хранит — Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей и Евангелие читай”.

Я попросил отца Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь. Отец Серафим сказал мне: “Это

твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! В терпении вашем стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся”.

Я спросил старца: “Нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев?” Старец отвечал: “В Евангелии сказано: *Молящееся же не лишше глаголите... вестъ бо Отец наш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитесь вы: Отче наш* (Мф. 6, 7, 8, 9) и проч., тут благодать Господня. А что приняла и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержен, ходи в церковь, кроме немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает”.

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал: “*Царство Божие не брашно и питие, но правда... мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17); только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных, и брак благословен Богом: *и благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитесь* (Быт. 1, 22): только враг смущает все”.

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: “Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть, три рубля стоит”.

Я спросил его: “Можно ли есть скоромное постами, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное?” Старец отвечал: “Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек, но о

всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы... иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* — да мы сами не хотим” (Мф. 11, 28, 30).

“Чем, — спросил я, — истребить гордость и приобрести смирение?” Он отвечал: “Молчанием. Бог сказал Исаии: *На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2)”. Касательно духовной гордости он прибавил еще: “Проси Бога, чтобы он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются”.

Во все время нашей беседы отец Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: “Ваше боголюбие!” О дочери моей сказал: “У нее путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет”.

Прощаясь со мною, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразился. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку, кланялся мне все до земли и, наделяя сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными. И

наконец, отпуская, сказал: “Гряди с Богом! Эти сухари свежие: только что из печи”.

К большему прославлению чудного дара прозорливости в благодатном старце Серафиме нужно объяснить, что я не имел возможности расспрашивать его так подробно и помнить все его ответы. Притом же он говорил чрезвычайно поспешно. Для этого все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге. И едва успевал я прочитывать их перед старцем, как тотчас же и получал от него на них ответы».

Прозорливостью своей отец Серафим весьма много содействовал счастью и благоустройству семейной жизни ближних. Пришел к нему в пустынь один приезжий офицер принять благословение на вступление в брак. Отец Серафим сказал, что его невеста здесь, в Сарове, в гостинице. Через некоторое время пришла девица к отцу Серафиму и также поведала ему свое желание выйти в замужество и виды, открывающиеся по этому предмету в будущем. Старец сказал: «Нет! Твой жених здесь, в Сарове». Оба приходившие никогда не знали друг друга и не видались. Простой случай, указанный Провидением, свел их друг с другом; молодые люди познакомились, с участием родных решили судьбу свою, вместе пришли к отцу Серафиму, и старец благословил их к венцу. Вступив в брак, эти люди жили очень счастливо.

Это не был простой случай, а дело Божие, совершившееся через старца. Дела Божии всегда создаются с удивительной простотой — это их особенность. Невнимание к советам старца сопровождалось в подобных случаях точным исполнением по-

следствий, им предвозвещаемых. Так, один рязанский помещик, быв в Сарове, просил молитв и благословения отца Серафима на вступление в брак. Старец указывал ему невесту, Богом назначенную, в лице одной особы, жившей по имению в соседстве с просителем, называя ее по имени. Молодой человек отказывался исполнить совет его, оправдываясь тем, что он имеет уже невесту из обитающих в том месте, где стоял его полк. Отец Серафим сказал: «Тебе сия не принадлежит в радость, но в печаль и слезы». Молодой человек женился однако же по-своему, но жена его, не прожив и года, умерла, и были мужу печаль и слезы. Вдовец был опять у отца Серафима и по вторичному его совету взял ту, которую и прежде назначал старец. После брака жили они счастливо.

Членов семейства, живших врозь, отец Серафим соединял во исполнение Писания: *Еже убо Бог сочета, человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). Господа Т., Пензенской губернии и из Таганрога, разошлись друг с другом по неприятностям и детей развели. Муж проживал в Пензе, а жена в Таганроге. К счастью обоих, господин Т-в был в Сарове. Отец Серафим только взглянул на него и стал обличать его и грозил ему, говоря: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Речь старца привела заблудшего в сознание: он отправился из Сарова в Таганрог, взял свою жену, съездил с ней на богомолье в Киев, и стали они жить с тех пор вместе в деревне, близ Таганрога, благополучно и по закону Божию. «Я видела, — пишет боголюбивая Мария к затворнику Георгию, — письма их после известия о смерти старца: они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать очень скорбела о своем сыне, которого совсем потеряла из виду. С растерзанным сердцем припала она к ногам отца Серафима и просила молитв его о том, кого считала погибшим. Старец сказал в ответ матери, чтобы она пожила в Сарове на гостинице и подождала своего сына. Она и ждала день, два, три, наконец, недоумевая насчет ответа отца Серафима, пришла к нему принять благословение, имея в виду отправиться восвояси. Что же? В то время, как она вошла в келию старца, у него был на благословении и сын ее. Отец Серафим взял его за руку, подвел к матери и поздравил ее с возвращением к ней сына.

Кроме предсказаний другим старец начал предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни: оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали по поводу этой беседы не о смерти его, а о том, что отец Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыни. Благословив ее, отец Серафим сел на обрубок дерева, а сестра около него стала на колени. Отец Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги; руки поднял горé, взоры — к Небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо

старец беседовал в тот раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на Небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость, какой восторг, — говорил он, — объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее сретают ангелы и представляют пред Лице Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру, понимает ли она его. Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда отец Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни: оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрываться в затвор, но отец Серафим на ее мысли отвечал: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». А сестра все еще не понимала, что старец говорил о своем успении, и подумала про себя, что хотя батюшка отец Серафим вручает их Господу и Божией Матери, но нельзя же обители остаться и без человека — духовного руководителя ко спасению. Старец же отвечал: «Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». Тут он прямее выразился о своей кончине. Тогда сестра, припав к ногам старца, так горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать слов его. Отец Серафим начал читать на память Евангелие от Матфея, зачало 11-е: *Вы есте свет мира...* — и когда кончил, перешел к Евангелию от Иоанна, зачитал 14-ю главу: *Да не смущается сердце ваше...* — прочел также 15-ю главу и кончил 55-м зачалом 16-й

главы, словами: *Аминь, аминь глаголю вам, яко елико аще просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите, и примите, да радость ваша исполнена будет.* Здесь отец Серафим остановился и сказал: «Что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у вас будет мать-праведница».

Когда другие сестры Дивеевской обители посещали отца Серафима в его келии незадолго до его смерти, то он, обыкновенно указывая на икону Божией Матери «Умиление», много раз говаривал им в утешение: «Поручаю и оставляю вас на попечение вот этой Царице Небесной». Это рассказывают даже до сего дня старицы Дивеевской обители из современных отцу Серафиму.

За пять месяцев до кончины была у отца Серафима Платонида, монахиня Симбирского монастыря Нерукотворенного Образа Спасителя. Онаехала в Арзамас к известному в то время врачу посоветоваться насчет ревматических страданий головы, лица и уха в одной половине тела, но заехала сначала в Саров, чтобы от отца Серафима принять благословение на лечение. Пять суток прожила она в Сарове, и хотя раза по четыре каждые сутки приходила к келии старца, но не могла видеть его. Старец по изъясненным выше причинам реже принимал посетителей. Наконец она была принята им в пустыни наедине. Поклонившись отцу Серафиму в ноги, она просила благословения лечиться. Старец на слова ее отвечал: «Нет, не лечись, — и, показав рукою на небо, прибавил, — вот Кто (то есть Бог) тебя исцелит». Затем он приказал ей умыться в источнике. Она же не умывалась в продолжение сво-

ей болезни, около трех лет, справедливо опасаясь, чтобы от прикосновения к воде не получить большей простуды. Но по вере в слова праведного старца она, нимало не сомневаясь, умылась и от того не только облегчения не почувствовала, но, напротив, почувствовала ужаснейшую боль. Потом старец приказал ей напиться этой воды, после чего сделались у ней мучительнейшие боли в лице и зубах. Наконец старец, приложив свою правую руку к больной ее щеке, сказал: «До успения Бог успокоит тебя; гряди с миром!» Платонида тотчас же почувствовала, как стала утихать боль ее; она совершенно прошла и с тех пор не возвращалась. Отпуская и благословляя ее крестом, висевшим у него на груди, отец Серафим сказал: «Не скорби, что долго не видела меня: я поминовение творил о скончавшейся монахине». Платонида, со своей стороны, спросила, может ли она надеяться еще когда-нибудь увидеть его? Старец, показывая рукою на небо, сказал: «Там увидимся: там лучше, лучше, лучше». Справедливо: больше она не видала его.

В том же году посетили отца Серафима блаженный старец Тимон, живший в Надеевской пустыни и не видевший своего духовного наставника и учителя более двадцати лет. В весеннее время пеший пришел он в Саровскую пустынь и, добравшись до келии отца Серафима, ожидал сладостной минуты увидеть его. Но отец Серафим не допускал его до себя. На этот раз он принимал всех. Беспрепятственно входили к нему и мужи, и жены: одному Тимону закрыт был вход, и он тщетно простоял у келии до самого вечера. Наконец было благословлено и ему взойти в келию. «Аз же, — говорил ста-

рец Тимон, — взошедши, падох ему на ноги, и от радости много плакал, что через много лет сподобился видеть еще его в живых и сказал ему: “Отче святой! За что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?” Он же меня посадил и начал говорить: “Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю, но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение; да еще испытывал тебя, чему ты научился, живши столько лет в пустыне: не пустой ли ты из нее вышел? А прочие люди — мирские, да еще и больные: их надобно прежде полечить и отпустить, ибо *здравии врача* не требуют, *но болящих* (см. Мф. 9, 12), как Господь сказал, а с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать”. И тако с ним всю ночь препроводили в беседе».

Отец Серафим дал ему, между прочим, следующее наставление: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будеши от своего господина, но отдавай его торжникам: пусть куплю деют. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками и с раскольниками; во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают; в третьих, с женами, ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной (то есть Надеевской) обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уста-

ву святых отец, чтобы никто не творил своей воли; винного питья и табаку отнюдь никому не позволяй; даже сколько возможно, удерживай и от чая: чревоугодие — не монашеское дело». «Тако мене наставив, — говорит старец Тимон, — отец Серафим благословил в путь. Аз же паки возвратихся в свою пустыню и живу в ней, благодаря Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Деву Марию» (Путешествия Парфения. Ч. 1. С. 196—197).

Отцу Серафиму пришлось потерпеть в том году неудовольствия, в которых он видел признаки своего приближения к исходу из настоящей жизни. Одна беглая девушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы в кружок, надела на себя послушническое платье и так бродяжничала по миру. Полицейское начальство, предупредомленное о ее побеге, разыскивало и наконец открыло ее. При допросе она показала, будто бы отец Серафим благословил ей так одеваться. Но отец Серафим никогда не благословлял и по дару прозорливости, конечно, не мог благословить ей скрывать, быть может, свои злодеяния. Между тем светское начальство, следуя своим порядкам, писало к отцу игумену Нифонту выяснить это. Оказалось, что беглая оболгала безвинно старца Божия, надеясь, что из снисхождения к распоряжению отца Серафима ей простят укрывательство под одеждой послушника. Тем не менее обстоятельство это огорчило старца, и он на тот раз целые сутки не выходил из келии, проводя время в молитве. Другие доблестные подвижники Сарова, например, отцы Иларион и Никодим, горько сожалели об огорчении,

которое испытал отец Серафим в настоящем обстоятельстве.

Приходилось старцу испытывать в том году и другие огорчения безвинно и несправедливо. И он насчет всех их сказал однажды следующие слова: «Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни».

Предчувствуя свою кончину, усматривая в самых обстоятельствах ее приближение, отец Серафим в это время готовился к исходу. Он реже выходил теперь в пустынь, менее принимал и в келии приходящих, чтобы беспрепятственнее заниматься окончательным приготовлением себя к вечности. В это время его нередко видали в сенях: старец сидел на своем гробе и предавался размышлениям о конце жизни, о загробной участи человека и своей собственной. Размышления эти нередко сопровождались горьким плачем, а начинались и заканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти отец Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в Великий пост поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседой его. «Тогда двери мои затворятся, — отвечал на это старец, — вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь отца Серафима угасает: только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается, — говорил он некоторым между братией, — духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

За четыре месяца до смерти, а именно в августе 1832 года, Преосвященный Арсений, епископ Там-

бовский, обозревая в первый раз епархию, посетил и Саровскую обитель. Старец Серафим, несмотря на то, что был тогда в пустыни, почел долгом прийти в монастырь единственно для того, чтобы вместе с братией встретить своего нового архипастыря. По окончании встречи он снова возвратился в пустынь. Преосвященный Арсений, осмотрев внимательно и подробно все церкви, братские келии и хозяйственные постройки внутри монастыря, пожелал видеть и все принадлежащие к монастырю заведения и здания, вне оного находящиеся. В сопровождении саровского казначея иеромонаха Исаии и ключаря Тамбовского собора Никифора Телятинского он посетил пустыни Серафимову и Дорофееву. Отец Серафим занимался укладыванием камней на берегу небольшого ручейка, протекавшего подле его пустынной келии. Но как скоро он увидел приближение архипастыря к месту своему, тотчас же оставил свое занятие и, повергшись к стопам его, испрашивал себе и получил от него благословение.

— Что это такое ты делаешь? — благосклонно и с участием спросил его Преосвященный Арсений.

— А вот, святой Владыко, — отвечал старец, — камешками берег выкладываю, чтобы водато не обмывала берега и не портила его.

— Доброе дело, старец Божий, — сказал Преосвященный. — Ну, покажи же ты мне теперь свою пустыньку среди пустыни.

— Хорошо, батюшка, — отвечал он и с радушием повел Преосвященного в келию.

По описанию лиц, бывших при этом, келия не имела в себе ничего особенного: это обыкновенная

деревянная изба с небольшими сенцами. Мебель ее состояла вся из простого липового некрашеного стола и двух таких же стульев. В переднем углу стояли святые иконы с возжженной перед ними лампадой. Еще лежали две богослужебные книги. По входе в келию отец Серафим поднес Преосвященному в подарок четки, пук восковых свечей, обернутых холстиной, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Преосвященный с отеческим радушием принял подарок. Потом он спросил отца Серафима:

— Где же у тебя в этой пустыньке еще другая пустынька, другое, еще более уединенное место?

Сам же, зная, по рассказам, где находится это место и не дожидаясь ответа отца Серафима, пошел по направлению к печке. А отец Серафим, останавливая его, говорил простосердечно:

— Не ходи, батюшка, замараешься.

Но Преосвященный, отворив дверь, закрывающую пустое пространство между стеной келии и печкой, увидел там небольшое помещение, столь тесное, что едва один человек может войти туда и оставаться там в стоячем или коленопреклонном положении, но присесть или облокотиться никак нельзя. И здесь, как в первой келии в углу, между стеною и дверным косяком, стоял небольшой образок с горящей лампадой. Очевидно, старец по временам уединялся туда на бдение и молитву.

Отсюда Преосвященный отправился в Дорофееву пустынь, имея намерение на обратном пути опять зайти к отцу Серафиму. Старец, оставаясь с ключарем отцом Никифором Телятинским, ожидал его здесь, проводя время в беседе. Между раз-

говорами он, указывая на Владыку, сказал отцу ключарю:

— Много, много будет ему трудов, но Бог ему поможет.

Когда Преосвященный опять воротился, отец Серафим, взяв его за руку, благоговейно обратился к нему с вопросом:

— Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в благословение; я и даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного церковного вина: можно ли мне это делать?

На это Преосвященный отвечал:

— Можно, можно, но только в раздельном виде, так что кому даешь сухариков, тому не давай уже красного вина. А то простолюдины, как слышал я, думают, по простоте своей, и между другими разглашают, будто ты причащаешь их Святых Таин. А и того лучше, — прибавил далее Преосвященный, — вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

— Хорошо, батюшка, — отозвался на это старец, — я так и буду поступать.

После замечено было, что отец Серафим так действительно и поступал до конца своей жизни.

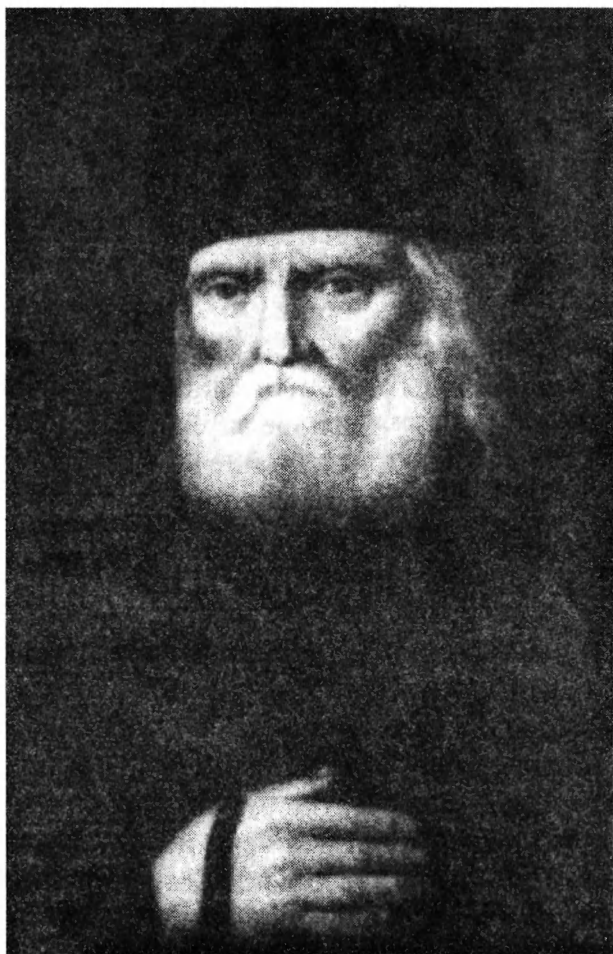
После этого разговора Преосвященный простился с отцом Серафимом. Со стороны блаженного старца прощание это совершилось не совсем обыкновенным образом. Приняв от Владыки последнее благословение, он поклонился в ноги и, несмотря на то, что Преосвященный поднимал его и просил встать на ноги, старец Серафим, оставаясь на коленях, продолжал ему кланяться до тех пор, пока Преосвященный совсем не скрылся из виду.

В следующую за этим ночь отец Серафим, как бы в доказательство своего послушания, сам принес небольшой сосуд церковного вина к келии, в которой останавливался Преосвященный Арсений, и, отдавая приношение келейнику его, сказал:

— Отдай это батюшке от Серафима грешного.

Впоследствии оказалось, что все это было предвестием близкой кончины старца Серафима и относилось к его просьбе о поминовении, которую он высказал Преосвященному и словесно. Преосвященный Арсений, со своей стороны, в точности исполнил желание отца Серафима: из его подарка свечи, масло и вино, сохранившиеся в целости, были употреблены при служении Преосвященным заупокойной Литургии о вечном покое блаженного старца Серафима. А четки, чулки и холстину Преосвященный оставил у себя. В Саровской обители хранится письмо Владыки Арсения, где он по прошествии двадцати трех лет описывает подробно свое посещение старца. Вот что он пишет в этом письме.

«По совести мирные отношения отца игумена Нифонта к отцу Серафиму ни малейшей не бросают тени на жизнь и характер того и другого, а напротив, в первом показывают, как высоко он понимал и верно исполнял должность настоятеля пустынной обители и как дорого ценил и строго соблюдал чистоту монашеской жизни, а в последнем обличают евангельскую простоту и незлобие, по которым он никак не догадывался, что мнимые или истинные ученики или ученицы его иногда злоупотребляют его именем для достижения своих суебных и еще не очищенных от примеси тщеславия

Прижизненный портрет батюшки Серафима

или своенравия видов. Надлежало бы также и в жизнеописании отца Серафима упомянуть о первом его свидании со мною: оно полно высокого значения и бесспорно открывает в нем дар прозорливости. Его слова и действия во время посещения

моего вместе с Вами (отец Исаия сопутствовал ему тогда в должности казначея) пустынной его хижины, его потом подарки мне: деревянное масло, красное вино, несколько свечей, кусок полотна и шерстяные чулки, и, наконец, многократное коленопреклоненное прощание его со мною, которого я многими убеждениями не мог прекратить в нем и от которого я должен был поспешно с Вами уехать, дабы не трудить более старца, продолжавшего стоять на коленях и кланяться, были, как после оказалось, выразительными символами, изображавшими его и мою судьбу; он вскоре затем помер, а я при помощи Божией продолжаю еще полагать камни на камни для ограждения церковного берега от напора вод мирских».

В том же году, 13 сентября, за три с половиной месяца до кончины отца Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская с четырехлетней своей дочерью Анной, у которой так болели глаза, что близкие опасались, не сделалась бы она в дороге совсем слепой. Мать привела ее к батюшке Серафиму. Он подал ей в руки бутылку воды, которой приказал окропить глаза дочери и сказал, что молитвами Пресвятой Богородицы Живоносного Источника она исцелится. И действительно, наутро она встала со здоровыми глазами. Отец Серафим приказал им остаться в Сарове, отстоять 14-го числа раннюю обедню, позднюю и отобедать. Но как она последнего приказания не исполнила и выехала тотчас после поздней Литургии, то за ослушание блуждала в дороге целый день.

После этих обстоятельств, еще за несколько месяцев до кончины, отец Серафим поручил по-

слать некоторым особам письма, призывая их к себе в обитель, а тем из близких, которые не могли быть у него, поручил после смерти своей сказать, что нужно и полезно было для их души, прибавляя объяснение поручений: «Сами-то они меня не увидят».

Пришел к нему один из братьев Саровской обители. Старец, сделав ему наставление, сказал: «Дунь на свечку». Брат дунул — свечка погасла. Старец сказал: «Вот так и меня не увидят». Своему келейному отцу Павлу старец также говорил, что скоро будет кончина, а Павел по простоте своей недоумевал, о своей ли кончине говорил старец или о кончине века. Перед новым же 1833 годом отец Серафим сам отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора, на том самом месте, которое, по выходе из затвора, отметил, положив на нем камень.

Незадолго до кончины отца Серафима, видя его истинно подвижническую жизнь, один брат в назидаение самому себе спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» — «Потому, — отвечал старец, — что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием, потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде, ибо, по слову Божию, *Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13, 8)». Эта глубокая и святая истина, которую отец Серафим уразумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, заключительным словом его уст и печатью его подвигов.

За неделю до своей кончины, в праздник Рождества Христова, в 1832 году, отец Серафим, по обычаю, пришел к Литургии, которую совершал отец игумен Нифонт. Он причастился Святых Христовых Таин и после Литургии беседовал с отцом игуменом. Между прочим он просил игумена о многих, особенно о младших из братий; не забыл упомянуть — и на этот случай в последний уже раз — о том, чтобы его, когда умрет, положили в его гробе. Распростиясь с игуменом и братией, старец возвратился в свою келию и одному из монахов, именно Иакову, впоследствии иеромонаху Толшевского монастыря, вручил финифтяный образ преподобного Сергия (посещение его Матерью Божией), с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу: сей образ, — продолжал он, — прислан мне честным отцом архимандритом Антонием, наместником святой лавры, от мощей преподобного Сергия». К отцу Антонию старец Серафим, как и прежде мы видели, питал особую любовь.

1 января 1833 года, в день воскресный, отец Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя святых Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился по обычаю Святых Христовых Таин. По окончании же Литургии он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко Кресту и к образу Божией Матери; затем, обойдя кру-

гом святого престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами — путем рождения — входит в мир сей, а другими, то есть вратами смерти, исходит из него. В это время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных, но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После Литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 рублей ассигнациями денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел и сестры находились в большой нужде.

В тот же день, после Литургии, был у отца Серафима Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонах Феоктист. Отец Серафим, окончив беседу с ним, сказал в заключение: «Ты ужо отслужи здесь». Но Феоктист, поспешая домой, отказался служить в Сарове. Тогда отец Серафим сказал ему: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь». Отец Феоктист, разумеется, и этого не понял и, получив от старца благословение, отправился в тот же день из Сарова.

Нужно заметить, что рядом с келией старца Серафима стояла келия монаха Павла. Они отделялись одна от другой глухой стеной, возле которой была печь. Входы в ту и другую келии были особые. Издавна в Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили каждый особо, по одному. Как учеников отец Серафим не имел у себя, так и келейника у него не было, а по соседству обязанности келейного исправлял иногда брат Павел. Старец отличал его доверием и говаривал: «Брат Павел за

простоту своего сердца без труда войдет в Царствие Божие: он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество».

Старец Серафим имел обыкновение при выходе из монастыря в пустынь оставлять в своей келии горящими зажженные с утра перед образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свечей может произойти пожар, но отец Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что отец Серафим в течение того дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же отец Павел слышал, как старец пел в своей келии пасхальные песни: «Воскресение Христово видевшие...», «Светися, светися, новый Иерусалиме...», «О Пасха велия и священнойшая, Христе...» и некоторые другие духовные победные песни.

Второго января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей келии к ранней Литургии, почувствовал в сенях близ келии отца Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в двери отца Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышан сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел в пустыню». Тут

один из проходивших, послушник Аникита, бросившись к келии отца Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным порывом сорвал ее с внутреннего крючка. Многие христиане по усердию своему приносили отцу Серафиму разные холщевые вещи. Эти вещи вместе с книгами лежали на этот раз на скамье в беспорядке, близ двери. Они то и тлели, вероятно от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник от которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келии отца Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и с этими мыслями пришедшие толпились у келии. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братьев бросились за снегом и грудами его погасили тлевшие вещи.

Ранняя Литургия между тем безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели: «Достойно есть...» В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько оповестил некоторых о происшедшем. Братия поспешили к келии отца Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Иоанн, пришедший из церкви, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его келии и нашли его самого. Принесли зажженную свечку и увидели, что старец, в обычном своем белом балахончике, стоял на обыкновенном месте молитвы пред иконой Божией Матери «Умиление» на коленях, с открытой головой, с медным

распятием на шее, с руками, сложенными крестообразно на груди¹. Полагали, что он уснул; стали осторожно будить его — но ответа не было: старец окончил подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лицо оживлено богомыслием и молитвой. Тело старца было тепло, как будто бы дух его только еще сию минуту оставил храмину свою. Но его уже никто не мог теперь пробудить к жизни... Иноки с благословения настоятеля подняли на руках тело старца Серафима и положили в соседней келии иеромонаха Евстафия. Там омыли ему чело и колени, одели по монашескому чину, положили в известный нам дубовый гроб и тотчас же вынесли в соборный храм. После, когда утихло волнение и беспокойство, когда стали разбирать вещи в келии почившего, заметили, что и книга, перед которой он почил непробудным сном, несколько обгорела.

Весть о кончине старца отца Серафима быстро разнеслась повсюду. Вся Саровская окрестность быстро стеклась в пустынь. Все скорбели и горько плакали о смерти старца; в особенности разлука с ним тяжка была для Дивеевских сестер, которые

¹ В прежних изданиях было сказано, что руки скончавшегося отца Серафима лежали на малом аналое, а на них его голова; здесь восстановлен единогласный рассказ современников старца — иеромонахов Сергия и Георгия (автора сказания, помещенного в «Маяке» за 1844 год) и Иоасафа — и Н. А. Мотовилова (последний в Летописи Дивеевского монастыря священника Чичагова. С. 449). Точно также и послушника, пришедшего в келию отца Серафима с отцом Павлом, называют первые трое Иоанном.

теряли в нем своего духовного вождя и попечителя. Их плач был тем безутешнее, что отец Серафим не нашел такого человека, которому бы взамен себя мог поручить их.

Дивеевская сестра Параскева Ивановна, которой отец Серафим перед кончиной своей дал деньги, купив хлеба и возвращаясь в Дивеево, по доро-

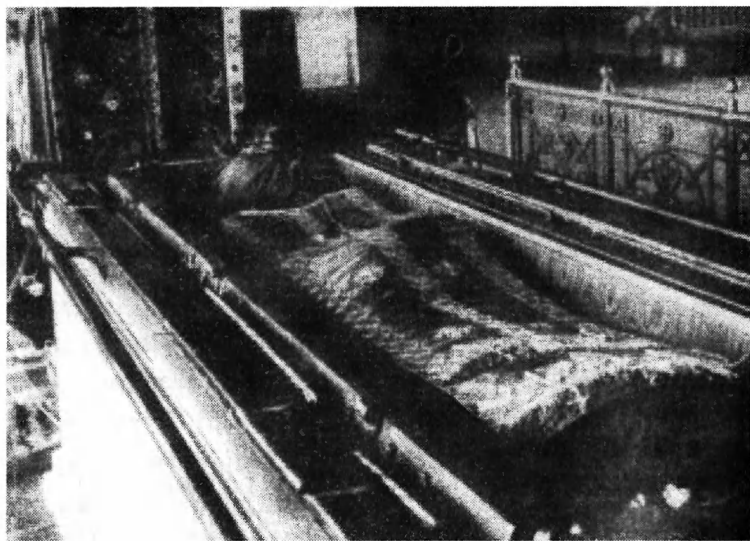
ге услышала горестную весть и, не заезжая к себе, погнала лошадь в Саров.

Бывший накануне иеромонах Феокист, выехав в то же время из Сарова, ночевал в деревне Вертьяново, а на другой день утром отправился дальше. На пути без видимой причины заvertsка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась, и он поставлен был в необходимость остановиться в Дивеевской общине. Там нашел всех сестер в глубокой скорби и слезах: они оплакивали кончину отца Серафима. Дивеевский священник был в отсуствии по должности благочинного. Сестры убедительно просили отца Феокиста отслужить панихиду об упокоении в блаженных обителях души старца Серафима. Желание их было исполнено, и сбылись слова старца: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь».

Тело отца Серафима было положено во гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, полученным из Троице-Сергиевой лавры. Могила блаженному старцу уготовлялась на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных сторон и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за Литургией народу так много было в соборе, что свечи около гроба гасли от жара.

Погребение отца Серафима совершено было отцом игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка затворника. Впоследствии усердием Нижегородского купца Я. Сырева над могилой его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы.

Не было сказано при гробе отца Серафима речей: воспоминание о его жизни и делах, изустные рассказы о них при гробе замечательного подвижника были самым лучшим назиданием, заменявшим всякое другое слово. Но какой-то неизвестный нам стихотворец в грустном одушевлении смертью старца тогда же в форме элегической песни воспел его жизнь, подвиги и кончину. Мы приведем текст стихов его, несовершенных по форме, но здесь уместных по случаю своего происхождения.

Мощи угодника Божия

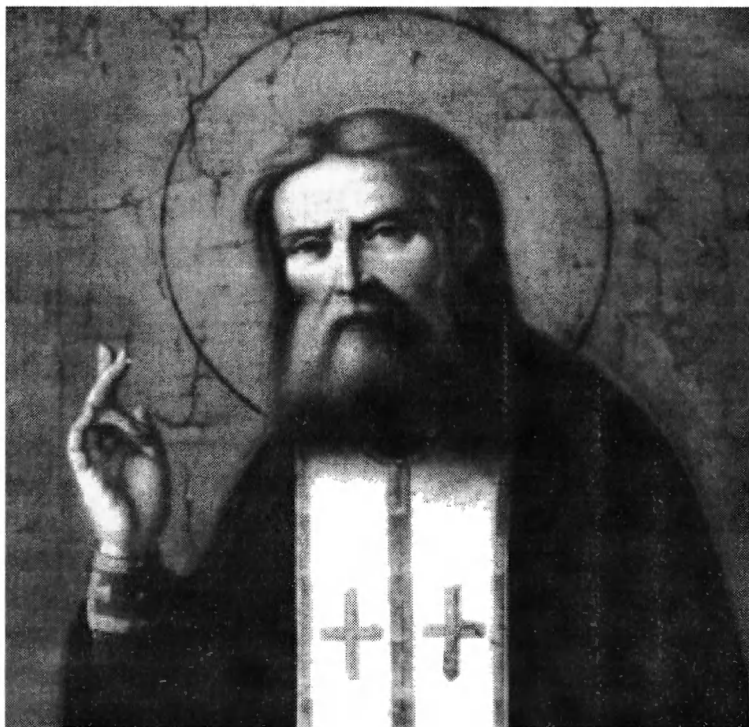
Саровскому пустыннику отцу Серафиму

Он был и именем и духом «Серафим»,
В пустынной тишине, весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его молениям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель!
Как много дивного избранным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!
Куда бы светлый взор он только не вперял —
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл,
Судьба грядущего всецело рисовалась.
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить,
В делах его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотела омрачить...
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.
Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовью равно ко всем горел:
Богач, бедняк, счастливец и уничиженный
Равно один привет у старца всяк имел.
Несчастные ж к нему стекались толпой,
Он был для сердца их отрадный утешитель.
Советом мудрым он, безмездною цельбой
Всех к Богу приводил, святой руководитель.
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? — вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный тихий сон...
Теперь ликует он, в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропим слезой,
И имя будем чтить во век благословенным.

Через непродолжительное время после смерти отца Серафима один офицер, г-н К., отправлявшийся в Курскую губернию, в свой полк, заехал в Саров, чтобы по всегдашнему обыкновению своему принять благословение отца Серафима. Молодой человек очень скорбел, что не застал в живых блаженного старца. «Известие о кончине его, — говорил он, — возмутило всю мою душу; я принял его как наказание за мои грехи; но отслуживши панихиду на его могиле, я почувствовал вдруг такое спокойствие души, что, казалось, будто через самого старца получил прощение в грехах и услышал обещание его молиться за меня у Престола Божия». Игумен Нифонт поручил господину К. в Курске заехать к родным отца Серафима, передать им от него просфору и благословение и рассказать о кончине блаженного их сродника. По приезде в Курск, г-н К-в тотчас же отправился к родным отца Серафима и нашел Алексея, брата его, уже умершим: он только что скончался. За несколько дней до этого времени этот брат был совершенно здоров, только подвергался сильной тоске, не ведая о кончине брата и не сознавая причин своей грусти. Скорбное состояние духа расположило его искать себе утешения в молитве: ежедневно ходил он в церковь, наконец поговел, исповедался и причастился Святых Таин. В это время из Сарова получено было письмо о кончине отца Серафима и его портрет. Тогда брат стал окончательно готовиться к смерти; над ним совершено было Таинство Святого Елеосвящения, после которого он и скончался. Мы заносим это обстоятельство в жизнеописание отца Серафима потому, что, говорят, он, быв раз в Курске, пред-

сказал брату о его кончине в таких дошедших до нас, выражениях: «Знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскоре за тем последует».

Скоро после погребения родилась сама собою мысль о сохранении памяти о достоуважаемом старце Серафиме. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Известно, что отец Серафим неохотно соглашался на то, чтобы писали с него портреты. Так, мать Дивеевской сестры Анастасии, имея большую приверженность к отцу Серафиму, просила раз у него благословения списать с него портрет. Отец Серафим отвечал на это: «Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божии и святых, а мы — люди, и люди-то грешные». То же самое повторил он в ответ при подобном случае Саровскому иноку, прибавив в пояснение: «Мы всегда и во всех случаях должны стараться отсекаать вины тщеславия в самом начале». Но мать сестры Анастасии стала умолять его с настойчивостью не отказать ей. Тогда только, из уважения к ее усердию, он уступил ее желанию и сказал: «Это в вашей воле, пусть будет по вашему усердию». Благодаря таким убеждениям были списаны два верных изображения старца Серафима. Одно написано в то время, когда старцу было около пятидесяти лет. Отец Серафим представлен с непокрытой главой; лицо у него чистое, белое; глаза голубые, нос прямой, с небольшим возвышением; волосы светло-русые, густые, с проседью; усы и борода густые, с проседью; рука одна с другой соединены на груди. Старец стоит одетым в мантию с епитрахилью. Этот портрет написан художником академии Димитрием Евстафьевым

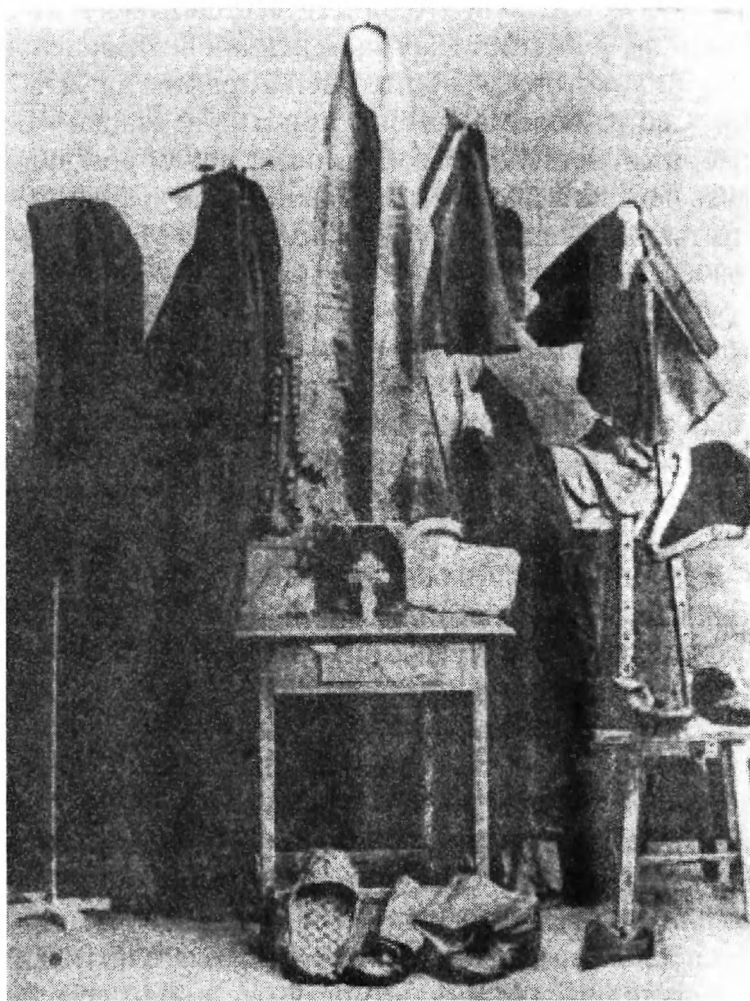

для г-жи Анненковой и ею передан в Саровскую пустынь. Другой портрет, находящийся в келии саровского игумена, писан с натуры лет за пять до кончины старца. Отец Серафим изображен в мантии, епитрахили и поручах, как он приступал к Причастию Святых Таин. По этому портрету видно, что лета и иноческие подвиги имели влияние на внешний вид старца. Здесь лицо представлено бледным, удрученным от трудов; волосы и на голове и на бороде густые, но не длинные и все седые. Правая рука положена на епитрахили у груди. Этот портрет написан художником Серебряковым, который

после был иноком Саровской обители и в ней почил вечным сном.

В Саровский монастырь являлись после смерти отца Серафима многие лица, свидетельствовавшие, кому какое благодеяние оказал славный подвижник, кто и какое получил от него исцеление. Записки о таких событиях доставлялись собственноручно или были засвидетельствованы их подписью.

Те лица, у которых были вещи отца Серафима, тщательно стали хранить их у себя, а другие старались что-нибудь приобрести из его вещей на память. По заведенному с давних пор в Саровской обители порядку все вещи после смерти брата поступают в так называемую рухлядную (кладовая рухляди) и делаются общим достоянием обители. Всякий брат, в чем нуждается, то и берет из рухлядни и, износив одну вещь, меняет ее на другую. Вещи отца Серафима, поступившие в то же хранилище, не остались там, но по усиленным просьбам почитателей старца розданы были им старшими из братии: отцом Нифонтом и отцом Исаией. Так, у инокка Саровской пустыни Гавриила был портрет отца Серафима. Счастливый владелец так дорожил им, что не хотел никому показывать, а если показывал самым близким особам, то не выпускал его из своих рук. Крест медный, который отец Серафим всегда носил на себе поверх одежды по благословению Преосвященного Иеремии, бывшего епископа Нижегородского, хранится в Дивееве, в церкви Преображения Господня на престоле. Большой железный крест, который носил старец под одеждой, на шее, находится в Саровской пустыни. Господа Тепловы, прослышав о смерти старца Серафима,

Вещи батюшки Серафима

прислали из Таганрога нарочного в Саров получить что-нибудь из его келии, и им посланы были два кувшина, в которых подвижник носил для себя воду; оба кувшина были наполнены водой из Сера-

фимова источника. У одной из сестер Дивеевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорик, которым работал отец Серафим в пустыни. Сестра берегла его еще при жизни старца как необыкновенную драгоценность; потом согласилась передать его своей начальнице для хранения в пустынной келии отца Серафима. Г-жа Мария Колычева, бывшая в близком духовном общении с другим затворником того времени, Георгием, с восторгом писала ему, что она после смерти отца Серафима получила из его келии белый полотняный платок, лампаду и стаканчик. Две ряски, из оставшихся после смерти отца Серафима, переданы были сестрам Дивеевской общины, из которых одну сестра носила на себе, а другую выпросила для себя г-жа Колычева. Волосы отца Серафима, два раза выпадавшие в виде войлока с головы его после двух болезненных его страданий, хранятся в Дивееве и Сарове. Камни, на которые старец для умерщвления искушений врага восходил молиться в течение тысячи суток, также хранятся. Тот из них, на котором он стаивал днем в своей келии, находится в прежнем своем виде в алтаре Преображенской церкви в Дивееве. От другого, на котором отец Серафим молился ночью под открытым небом, остались только два обломка, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых отец Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собой. Один обломок, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца перевезен был в Дивеево и положен в Преображенской церкви, другой находится в Сарове, в келии старца Серафима. Келия, в которой

отец Серафим подвизался в ближней пустыни, также перенесена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпаемое чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших лиц Царского рода, пастырей Церкви, отца Серафима, усопших сестер обители и других, благодетельствовавших ей при своей жизни, особ. А дальняя подвижническая келия отца Серафима в Дивееве же обращена в алтарь в храме Преображения Господня. Образ Царицы Небесной «Умиление», написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келии отца Серафима, находится теперь в храме Дивеевской обители. Перед ним в определенный день недели поется Акафист Спасителю и Божией Матери. Благодетельные посетители питают особое усердие к иконе и по своей вере получают от нее духовное утешение. Особенно известной сделалась одна вещь из оставшихся после отца Серафима. Незадолго перед кончиной своей он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению Михайловну Кочеулову полумантией, которую сам носил. Когда сестра обители Елисавета Андреевна Татарина отправлялась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия отца Серафима. Ныне она находится в руках у протоиерея гатчинской придворной церкви. Эта мантия прославилась в Петербурге после исцеления дитяти, которому искусство первых в столице врачей не оказало помощи. Из Евангелий, которые читал в келии отец Серафим, одно находится в Сарове, а другое — в Дивеевской обители. Последнее, в кожаном переплете, — то самое, которое отец Серафим носил всегда с собой в сумочке за плечами. рассмат-

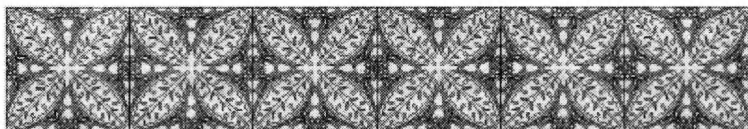
ривая его, мы увидели, что в этом переплете собраны были вместе Псалтирь, Евангелие, книги Деяний и Послания святых апостолов. В Дивееве же хранится малая часть книги Четый-Миней первой трети, тлевшая при пожаре, бывшем при кончине старца Серафима. Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них уступлена Дивеевской общине, в которой он принимал так много участия.

Но честные останки отца Серафима навсегда будут составлять священную драгоценность Саровской пустыни. В нее старец вступил для спасения души своей; в ней окончил он и праведную жизнь свою. При жизни он никогда не думал выходить из нее, как говаривал, «ниже мыслию своею». И по смерти тело его должно навсегда остаться в Саровской пустыни, знамением его неразрывной духовной связи с этой обителью.

Кроме этого, после смерти отца Серафима, за исключением немногих нераспечатанных писем, ничего не осталось. Старец жил и умер во славу Божию.

Имя его до сих пор ублажается по всей России. Не в одной Саровской пустыни или Дивеевской обители служат теперь панихиды о блаженном успении его, но и во многих других местах отечественной Церкви. Нам приходилось слышать поминовение его в Петербурге, Москве, Киеве, даже в уездных городах и селах отдаленных мест нашего Отечества.

11. Явление благодатной помощи отца Серафима после кончины его

Исцеления В. К. от беснования — Н. К. от горячки — Ф. от беснования — Ф. В. от болезни глаз — Избавление от разбойников К-ва. Исцеление от болезни ног; — от холеры; — от беснования; — от слепоты. — Наказанное неисполнение заповеди старца. — Рассказ святогорца. — Исцеление от горячки. — Исцеление больного дитяти. — Облегчение головной боли. — Исцеление от ушиба, — от беснования. — Возвращение зрения. — Наказанное невнимание к портрету старца. — Помощь родильнице.

Праведник во веки живет, и праведный старец Серафим и после своего преставления продолжает сильным своим ходатайством перед Престолом Божиим являть заступление свое тем, которые с верою и усердием призывают его на помощь. Многие одержимые тяжкими болезнями, находившиеся в трудных обстоятельствах жизни, удрученные скорбями и искушениями, гласно свидетельствуют о себе, что они получали скорую помощь, когда испрашивали ходатайства старца Серафима перед Господом. Таких случаев очень много, но мы приведем здесь только некоторые из них.

Не прошло полугода после кончины старца Серафима, как одна сестра Дивеевской обители, В. К., подверглась, неизвестно отчего, припадкам беснования. В этом состоянии, теряя рассудок, она билась о землю, в исступлении рвала на себе волосы,

с неимоверной силой порывалась бежать прочь от людей без определенной цели. В одну ночь видит она себя в Дивеевской церкви во имя Рождества Христова; там были сестра Д. Ф. и старец Серафим. Старец, взяв ее руку, вложил в свою, а под другую руку приказал взять сестре Д. Ф. и, введя больную в алтарь, обошел с нею кругом престола: она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение, осмотрелась кругом, ощупала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровой. С тех пор она уже не подвергалась прежним припадкам.

В июне 1833 года г-жа Колычева писала к Георгию, затворнику Задонскому, из Сарова: послушник саровский Феодор, уроженец города Козлова Тамбовской губернии, живя в миру, был подвержен беснованию и тяжело страдал. Испытав тщетно разные средства лечения, он явился к игумену Саровской пустыни отцу Нифонту и со слезами просил принять его в обитель на жизнь покаянную, сознавая, что Господь за грехи попустил ему нести страшное искушение от диавола. Вняв убедительной просьбе, игумен принял его в обитель. С полным усердием новоначальный инок исполнял возложенные на него послушания, а немногие свободные часы отдыха употреблял на молитву, оставляя для сна самое короткое время. В один день после слезной к Богу молитвы едва предался он дремоте, как в тонком сне узрел перед собой старца Серафима в той одежде, какую обыкновенно старец носил в последние годы. Явившийся советовал ему отслужить молебен Божией Матери и панихиду по убогому Серафиму и по исполнении этого обещал ему

выздоровление. С несомненной верой в действенность молитвы почившего в Боге отца Серафима молодой инок немедленно исполнил повеленное старцем. По окончании молебного пения Богородице совершена была панихида. Когда диакон начал возглашать: «Во блаженном успении вечный покой подаждь Господи, усопшему рабу Твоему иеромонаху Серафиму», Феодор пал на землю, и начался с ним припадок, во время которого, в ужасных конвульсиях, изо рта его показался дым, замеченный всеми тут находившимися. После того он оставался около получаса в бесчувственном положении и с тех пор, за молитвы старца Серафима, навсегда освободился от беснования.

Два года спустя после кончины отца Серафима, сестра Дивеевской обители Н. К. была больна горячкой и уже находилась при дверях гроба, так что, отчаявшись во всех способах врачевания, ее соборовали святым елеем. Во время болезни она совершенно потеряла владение рукой, и ее перекладывали на постели, подложив платок. Однажды видит она во сне отца Серафима. Он говорит ей:

— Что ты, матушка, не придешь ко мне на источник?

— Я больна: у меня рука отнялась.

— Которая? — спрашивает старец.

— Правая.

Старец, взяв ее за больную руку, поднял, повторяя:

— Приди ко мне на источник.

Проснувшись, она нашла руку свою исцеленной и могла действовать ей как здоровой. Но, будучи слаба от горячки, не могла идти пешком в Саров; в

тот же день ее повезли туда, облили водой из источника отца Серафима и она получила полное выздоровление и обновление сил (рассказ самой сестры. 1862 года, июля 20-го дня).

Сестра Дивеевской обители Ф. В. сделалась больна глазами. Накануне нового, 1835 года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божией Матери. Отец Серафим выходит из царских врат в белой ризе, подает воздух и велит отереть им глаза, а сам стал позади нее. Она спросила его:

— Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

— Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю.

После этого отец Серафим сделался невидим. С этого времени болезнь глаз прошла (рассказ самой исцелевшей).

И. Я. К. рассказывал о себе, что в 1833 году, возвращаясь в полк свой из отпуска, он по молитвам старца Серафима, которого призвал в минуту опасности, был спасен от разбойников, напавших на него в дороге.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, питавший особое уважение к отцу Серафиму и им любимый, в 1834 г. приехал в Саров с семейством, в котором трехлетняя дочь болела ногами и почти не могла стоять. Отслужив панихиду на могиле почившего старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помирует больную. Напоив дитя водою из источника и омыв ноги, взяли этой воды в монастырь с намерением отслужить над нею молебен с водоосвя-

щением. При входе в монастырь дитя вдруг попросилось долой с рук няньки, выражая стремление идти самой. Нянька, после долгого сопротивления, наконец решилась пустить и, взяв за руки, повела ребенка, но девочка выдернула свою руку и побежала вперед сама, как здоровая. Обрадованные чудом сродники исцелевшей поспешили на могилу отца Серафима и со слезами благодарили его за милостивое ходатайство о них.

В 1846 году второй сын ротмистра А. В. Теплова вывихнул себе ногу и страдал от боли около двух лет. Между тем пришло время определения его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь отца Серафима, много являвшего благодеяний семейству его, А. В. Т. отправился в Саровскую пустынь. Отслужив панихиду по старцу Серафиму, несмотря на холод (это было 21 декабря 1848 года), он отправился на источник отца Серафима с двумя сыновьями, и больной омыл водой из источника свою ногу. Через несколько часов оба брата пошли опять на источник. Болящий облился водой с головы до ног и потом на коленях пред иконами, утвержденными на особом столбе в часовне у источника, долго молился вместе с братом, прося Бога помиловать его за молитвы отца Серафима. Возвратясь домой, больной объявил, что не чувствует уже боли в ноге, и, находясь в совершенном здравии, служил в кавалерийском полку.

Мантийный монах Саровской пустыни отец Киприан писал в 1840 году: «По смерти отца Серафима досталась мне шапочка из черной крашенины, которую он обыкновенно носил на голове своей. Издавна я подвержен был сильной и продолжи-

тельной головной болезни, от которой лежал по несколько дней в постели. С приобретением шапочки я стал надевать ее на себя при появлении болезни и мысленно просил молитв отца Серафима об избавлении меня от страданий. С возложением на голову шапочки всякий раз боль проходила. Такое же действие в зубной болезни приводилось мне испытывать неоднократно от обломка того камня, на котором блаженный отец Серафим подвизался в пустыни, когда я сей обломок клал на больные зубы».

Нижегородской губернии Ардатовского уезда села Большого Череватова удельный крестьянин Г. Д. С. в 1848 г. по дороге в село Окиль почувствовал признаки холеры. По вере к старцу Серафиму поехал поспешно на источник отца Серафима; умылся, окатился и напился воды из источника — и от этого почувствовал такое облегчение, как будто никогда болен не был.

Однажды привели к источнику отца Серафима бесноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду из источника, и она закричала: «Пустите, пустите, замучил меня монах!» Несмотря на это, на нее продолжали лить воду до тех пор, пока она не пришла в спокойное состояние и забылась. Придя в себя через несколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестным знаменем, сама напилась воды из источника, и с того времени прежние припадки не возвращались к ней.

Помещик Нижегородской губернии Д. А. А., благотворитель Дивеевской общины, об упокоении

души которого ежедневно читается Псалтирь по правилам той обители, под старость лишился зрения, так что ничего не мог видеть. С этой потерей он лишился и другого наслаждения, которое чувствовал при чтении книг Священного Писания и отцов Церкви. Занятие это было единственным утешением его старости. Отягченный скорбью, он послал нарочного к двоюродной сестре своей, Е. А. Б., с уведомлением о своей печали и с просьбой навестить его. Сестра, услышав от посланного о несчастье брата, тотчас же послала ему воды из источника отца Серафима, которую она всегда имела у себя в доме. Этот подарок очень утешил старца, и он немедленно приступил к исполнению переданного от сестры наставления, как поступают с этой водой. «Я приказал, — говорил он, — подать себе чистое полотенце, намочил его водою из источника Серафимова и потом приложил его к больным своим глазам с молитвою: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами угодника Твоего Серафима исцели меня”. Я повторил это три раза. И вот, когда через несколько минут я отнял в первый раз полотенце от глаз своих, увидел все, что меня окружало, как бы в каком тумане или как бы сквозь самое частое сито. Во второй раз я начал уже различать предметы и, наконец, после третьего раза я в состоянии был даже читать; болезнь моя совсем миновала. Изумленный этим внезапным и столь чудесным исцелением за молитвы угодника Божия Серафима, я поспешил прежде всего в Саровскую пустынь, чтобы отслужить здесь благодарственный молебен Господу Богу и Пречистой Его Матери и панихиду по отцу Серафиму, а потом положил себе

за правило ежегодно уделять часть своих доходов Дивеевской женской общине, зная, какое отеческое попечение имел о ней благодетельный старец Серафим».

Года за полтора до кончины отца Серафима Н. М. К., быв со своей женой в Сарове, в беседе со старцем получил от него одно приказание, вроде заповеди, для жизни супружеской. Отец Серафим с ангельской улыбкой сказал: «Если вы этого не исполните, то ты и она скоро умрете». Пока жив был отец Серафим, с помощью Божией они соблюдали заповедь старческую, но потом мало-помалу стали забывать ее и несколько раз преступили. После этого внезапно Н. М. К. сделался болен расслаблением всех членов и чем-то вроде сильной горячки, так что через две недели после того, как слег в постель, он лишился голоса, губы его помертвели, и он был совершенно безнадежен. В тот самый день, когда уже смерть готова была взять свою жертву, утром приходит к нему пользовавший его лекарь Д. А. В. и рассказывает окружавшим больного свой сон. Ему представилось, что он шел к К. и вдруг попался ему навстречу седой старичок, в лаптях и в рубище, который остановил его и сказал:

— Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и он должен умереть, но ты скажи ему, чтобы он дал перед Богом какой-нибудь обет, и тогда он останется в живых.

Больной слышал этот рассказ лекаря и после его ухода стал размышлять об услышанном. Тотчас понял он, что этот старичок был не кто иной, как отец Серафим, хотя уже скончавшийся, и что настоящая болезнь была следствием нарушения запо-

веди. Тогда К. начал горько раскаиваться в своем поступке и дал обет Богу, что если останется в живых, то возьмет под свой покров одну из своих родственниц, сироту Надежду. Только что он сделал в душе своей этот обет, как почувствовал мгновенно облегчение болезни: через несколько минут сел сам на постели и потом начал звать жену обыкновенным голосом здорового человека. Вместе с нею он изливал перед Господом радостные слезы о дивном, благодатном исцелении, дарованном ему отцом Серафимом. На другой же день больной стал ходить по комнатам и вскоре совершенно выздоровел.

Известный и всеми уважаемый под именем Святоторца русский подвижник Афона иеромонах Серафим, в схиме Сергей, в своих келейных записках передает следующее обстоятельство. «В 1849 году при моем отъезде из Вятки я заболел. Болезнь моя была убийственна: я не думал, что останусь жив, потому что враг сильно восставал на меня. Никакие средства обыкновенные не могли меня восставить и возвратить мне силу и здоровье. Я отчаялся. Только в первый вечер 1850 года вдруг как будто кто-то тихо говорит мне: “Завтра день кончины отца Серафима Саровского старца, отслужи по нему заупокойную Литургию и панихиду, и он тебя исцелит”. Это меня сильно утешило. А надобно было сказать, что я хотя лично и не знал отца Серафима, но в 1838 году, быв в Сарове, посещал его пустыньку и с той поры возымел к нему веру и любовь. Эта сердечная привязанность и вера еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что я служу молебен отцу Серафиму, от всей души и громко воспевая: “Преподобне отче Сера-

фиме, моли Бога о нас!» Только по шестой песне мне нужно было читать Евангелие и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангелие — преподобного или другое какое? Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренно верую, что отец Серафим — великий угодник Божий. Но обращусь к начатому. По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению отца Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нему Литургию и панихиду, и лишь только это сделал — болезнь моя миновала: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприятного. И с той поры поныне благодатию Божиею здоров» (Сочинения и письма Святогорца. СПб. 1858. С. 209).

Е. П. М. рассказывала такой случай со своей теткой. В 1854 году она приехала в Дивеевскую обитель помолиться и после всенощной, вспотев, выпила два стакана воды, отчего открылась у нее сильная горячка. Три недели больная не пила, не ела и не спала; на четвертой недели болезни сделался обморок. На выздоровление не было надежды; больная была напутствована таинствами к смерти. Но бывшая спутницей больной смоленская инокиня, ездившая для сбора подаяний на свою обитель, повергшись пред иконою Богородицы, молила отца Серафима испросить у Царицы Небесной продолжения жизни болящей.

Однажды утром она подходит к болящей и говорит:

— Какой я видела сон о вас!

Больная с трепетом сказала:

— Верно, о моей смерти?

— Нет, вы будете живы и здоровы — отец Серафим мне сказал.

Больная, не поднимавшая доселе головы с подушки, встала и села, говоря:

— Ну, рассказывай скорее!

Та рассказала, что отец Серафим, успокаивая ее, сказал ей:

— Будь спокойна: раба Божия Евдокия будет жива. Я молил Господа и Пречистую Его Матерь.

Потом видела во сне, что будто он взял больную, повел по канавке, обвел вокруг собора и привел к образу Божией Матери «Умиление», находившемуся в стене собора.

Выслушав рассказ, больная почувствовала себя совершенно здоровой. На другой день, желая подышать свежим воздухом, велела кучеру везти себя куда-нибудь, не назначая пути. Он повез ее по канавке, потом обвез вокруг собора и привез к образу Божией Матери «Умиление». Так исполнились слова старца Серафима, сказанные им в сновидении смоленской инокине. (Это исцеление записано было рукой самой болящей под иконой, стоявшей на источнике.)

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии, действительного статского советника А. А. Б., будучи восьми лет, начал страдать спазмами в желудке. Болезнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась в сильную, с припадками. Спустя несколько времени спазмы прекратились, сменясь тоской, так что дитя прежде совершенно веселое и здоровое, вдруг сделалось скучным. Тоска усиливалась и припадки оканчива-

лись слезами, а нередко и появлением пены изо рта. Наконец явились спазмы в дыхательном горле. Припадки болезни обнаруживались в день раз по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только в последний период болезни припадки стали появляться и ночью. Медицинские пособия мало приносили пользы, и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упование на милость Божию сохраняло в них еще некоторую надежду. В это время хорошо знакомая семейству рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С. Д. Д., впоследствии игумения той обители Мария, отправляясь посетить некоторые монастыри русские, подарила матери больного дитяти описание жизни и подвигов отца Серафима Саровского. Родители часто читали вместе эту книгу, дивясь подвигам старца и действиям благодати Божией, в нем открывшимся. Была половина сентября, а болезнь дитяти, начавшаяся в июле, все продолжалась. В одну ночь ребенок видит во сне Спасителя в красной одежде, окруженного ангелами, Который говорил ему:

— Ты будешь здоров, если исполнишь то, что тебе приказано будет старцем, который к тебе придет.

Когда это видение закончилось, явился старец и, назвав себя Серафимом, сказал дитяти:

— Если желаешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым источником, и три дня утром и вечером водой этой омой себе голову, грудь, руки и ноги и пей ее.

Этот сон ребенок рассказал няне, которая передала его родителям, перед которыми и сам он повторил свой рассказ. Возблагодарив Бога за милость

Его, родители недоумевали, как достать воды, и предались воле Божией, надеясь, что Господь укажет им способы к тому. Наутро больной ребенок рассказал другой сон. К нему явилась Божия Матерь, окруженная ангелами, и с любовью приказывала непременно исполнить то, что советовал отец Серафим. Это второе видение еще более удостоверило родителей в заступничестве отца Серафима и милосердии Божиим к больному. Тогда как они рассуждали о том, как достать воды, приносят записку от С. Д. Д., которая извещала мать больного о своем возвращении из путешествия. Первой мыслью родителей было просить Д. научить их, как достать из Сарова воду из источника отца Серафима. В ответ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой в источнике отца Серафима. Видя в этом особую милость Божию, возблагодарив Бога, начали употреблять воду по наставлению, данному во сне. Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело. Тогда же родители, если не за себя, то за сына, дали обет непременно быть в Сарове и помолиться на гробе отца Серафима. Обстоятельства службы и семейные только в 1860 году 14 июля дали возможность г-ну Б-ко вместе с сыном исполнить свое обещание быть в Сарове. И тогда он собственноручной запиской объявил настоятелю Саровской обители об исцелении своего сына по предстательству блаженного старца Серафима.

Помещик Шацкого уезда Тамбовской губернии полковник В. А. П. страдал постоянно головной болью. В 1857 году приехал он 15 августа в Саров, в самый праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Отстояв в больничной церкви раннюю обедню, он пожелал до поздней сходить на источник отца Серафима. Но мысль, что жена будет дожидаться в гостинице с чаем, смущала его, и он уже направил шаги свои к гостинице, но вдруг, сам не зная как, очутился по дороге к источнику. Придя туда, он все боялся облить водой больную свою голову, чувствуя в ней шум и ломоту, а утро было холодное, сырое, и шел мелкий дождь. Здесь невидимая рука Божия устроила его исцеление чудесным образом. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глине, и он упал у источника прямо головою под желоб: невольно облит он был весь целительной водой. Не боясь более простуды, больной, поднявшись на ноги, сам несколько раз еще обливал голову и не чувствовал ни малейшей боли.

Когда полковник П. возвращался в монастырь, с ним встретился крестьянин, который поведал, в свою очередь, следующее о своем исцелении:

— Вот, меня сегодня исцелил батюшка Серафим! У меня болела рука, распухла, затвердела и не поднималась. Я и пришел в Саров с этой болезнью. Сегодня помочил ее два раза водой из источника, и рука совершенно стала здорова.

Придя в гостиницу, полковник рассказывал всем об этих двух исцелениях.

В 1858 году сестра Дивеевской общины Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами набивала льдом огромный общий ледник, глубиной в три сажени. Нечаянно поскользнувшись с доски, положенной над срубом, она упала на самое дно ледника, где был набросан лед острыми глыбами. Несчастная от сильного удара не

испустила ни малейшего стога. Прочие сестры в это время все были вне ледника, хлопотали около саней своих. Когда старшая заметила, что нет одной из них, спросила: «Где Евдокия?», — никто не знал, что сказать. Войдя в ледник, они на дне его увидели ее в своей одежде. Ужас поразил всех; полагали, что она уже мертвая. Двое мужчин, с помощью сестер, с величайшим трудом вынули ее из ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее в самую ближайшую келью, побежали за духовником и, по благословению настоятельницы, послали в село Вертьяново за лекарем. Спустя несколько часов страдальца пришла в чувство, исповедалась и приобщилась Святых Таин; жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, на которой показалось много шишек. Приехавший лекарь сделал необходимое кровопускание, но сказал, что ушиб очень опасный. Весь бок разнесло опухолью; нельзя было узнать: нет ли перелома в ребрах, а прикосновение к ним повергало больную в продолжительный обморок. Через четыре дня перевезли ее в больницу, но и там страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушки; лежала она все на одном правом боку. Спустя две недели после ушиба, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на Великий Четверток забылась она тонким сном и видит, что батюшка Серафим, вошедши в келью, где лежала больная, сказал: «Я пришел навестить своих нищих; давно здесь не был», и, говоря это, подошел к кровати больной. Она с горькими слезами говорит ему: «Батюшка, как у меня бок-то болит!» Старец, сложивши три перста пра-

вой руки, крестил ее расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обязанности». Повторивши это три раза, он стал невидим. Евдокия открыла глаза — в келии была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула. Проснувшись в 5 часов утра, увидела себя лежащей на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней батюшки Серафима, она говорила: «Я долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день больная одна, без всякой помощи, встала с кровати, прошла несколько раз по келии и рассказывала всем о чудесном своем исцелении, исповедалась и приобщилась Святых Таин, укрепляясь духом и телом за молитвы старца Серафима.

Молодая крестьянка Рязанской губернии и уезда Ольга И. получила припадки мучительной болезни, которая сопровождалась икотой, зевотой, омрачением зрения и исступлением. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала в лохотья свою одежду. Страдания ее продолжались 8 лет. В 1858 году, с тремя странницами, она пошла в Саров и Дивеево; дорогой чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мере приближения к Сарову припадки ее усиливались, а увидав его, она легла на дороге и решительно не хотела идти далее. С большим усилием привели страждущую в Саров. После молебна Царице Небесной и панихиды по отцу Серафиму отправилась она со спутницами своими на его источник. Здесь припадок был необыкновенно сильный; она кричала: «Что ты меня душишь! Я силен, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» Ее ударяло несколько раз замертво о землю,

часа два она была слепой и немой. Наконец злой дух закричал: «Три вышло, один остался». Спустя сутки, она приобщилась в Сарове Святых Таин и отправилась в Дивеево. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Несколько раз на дороге перевертывало ее как колесо; с большим усилием довели больную к вечеру до гостиницы; всю ночь больная провела в беспокойстве и убежала бы, если бы ее не держали. Утром, не сказывая куда, повели ее в церковь Преображения Господня, где пустынька преподобного отца Серафима обращена в святой алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силе нескольких человек, когда тащили ее в церковь. Злой дух кричал: «Выйду, выйду, буду молчать». С распростертыми руками, ногами и раздувшейся шеей и животом потащили ее к камню Серафимову. Положив на него больную, накрыли ее мантией, возложили на нее епитрахиль старца; больная сильно кричала и после того, как на руки надели ей рукавички отца Серафима, она сделалась как бы мертвая. Мало-помалу шея, живот и все члены начали приходить в естественное положение; пробыв без чувств часа полтора, больная совершенно пришла в себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцеление, но была слаба, не могла говорить много, а все рассказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было так легко и покойно, как теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретом отца Серафима и частичкой от его камня. На другой день, отстоявши обедню, молебен и панихиду, она отправилась в Москву.

Мещанка города Пензы Евдокия Очкина рассказывала следующее: «В 1843 году ходила я в саду с трехлетней дочерью моей Елизаветой; не знаю, как к бахrome моего платья пристал репей. При снятии его, вероятно, соринка отлетела и попала в глаза девочки. Елизавета моя вдруг вскрикнула и, закрыв оба глаза, стала плакать, проливая потоки слез. Я призывала старушек осмотреть, что с нею; они искали сор языком, выворачивали глаза на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрения. Прошел год; в Пензу приехал из Петербурга доктор; я носила к нему слепую, но ее глаз невозможно было и ему рассмотреть: никакие средства не помогли ему открыть сжатых и как бы сросшихся век. Доктор отказался помочь. Еще год спустя ослепшая дочь моя сидела около меня на полу; я положила ей на колени игрушки: она ощупью перебирала их. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: “Отец Серафим! Помолись Господу, чтоб открылись глаза слепой моей дочери: я к тебе в Саров пойду пешком”. В эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бегом побежала по комнате. С тех пор она стала видеть, как и прежде; но, проживши около двух лет, скончалась; я же, грешная, совсем забыла о данном мною обещании насчет путешествия в Саров и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Мария, будучи тоже трех лет, сильно заболела глазами; примочки и лекарства не помогали ей; тут-то я вспомнила, что обещалась идти в Саров. Не мешкая нисколько, я отправилась в путь и в тот же самый день, как служила панихиду по батюшке Серафиму, малютка моя исцелилась. Только на одном глазу остался знак — не то, чтобы

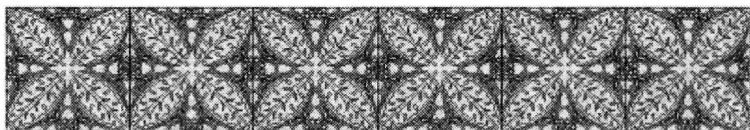
бельмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочем, не мешает ей видеть, как бы в память того, что мать забвением обещания прогневала человека Божия». В 1858 году она была в Дивееве со своей пятнадцатилетней дочерью Марией и все написанное рассказала сама.

В 1859 году жена почтмейстера города Темникова, получив из Сарова портрет старца Серафима, писанный на осколке от камня, на котором старец стоял и молился, хотела послать его в подарок своему благодетелю в Тамбов. С этой мыслью, забывшись сном, она видит старца Серафима, который, строго взглянув на нее, сказал: «Почему же ты не хочешь сама иметь мой портрет?» и с этими словами ударил ее по плечу. Проснувшись от сего, она почувствовала трясение во всем теле; плечо, по которому сделан удар, и рука совершенно оцепнели, как бы разбитые параличом. Она немедленно отправилась в Саров, отслужила панихиду, с усердием молилась на могиле отца Серафима и тут же получила совершенное исцеление от своей болезни.

Г-жа А., будучи беременна, весьма боялась приближения времени родить, так как роды всегда были особенно тяжелы для нее и опасны. В это время зашел к ним в дом странник, у которого было описание жизни старца Серафима. Прочитав эту книгу, г-жа А. после молитвы к Господу Богу, положила свое упование на блаженного старца Серафима и просила его помощи. После этого она почувствовала себя гораздо лучше: всякий страх прошел уже, было что-то радостное на душе. Наступило время родов. Без всякой помощи от лю-

дей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А. родила без прежних страданий сына, которого назвала Серафимом (Собственноручное письмо г-жи А. к настоятелю Саровской обители).

12. Продолжение рассказа о явлении благодатной помощи отца Серафима после кончины его

Заявление четырнадцати лиц о получении ими благодатной помощи по молитвам старца Божия. — Письмо генерал-лейтенанта Врасского. — Общий взгляд на благодатные явления помощи от отца Серафима и пути Промысла в его жизни.

В предыдущих главах после изображения подвижнической жизни старца Божия и сказаний о тех чудесных действиях милости Божией, которые по его предстательству совершились над прибегавшими к его помощи еще при жизни его, рассказано и о тех чудотворениях, которые совершились по молитвам его после его преставления. Рассказы об этих чудотворениях доведены до 1860-х годов, когда вышло 1-е издание книги. В настоящей главе эти рассказы продолжены, так как источник милости Божией по молитвам блаженного старца Серафима никогда не иссякал и не иссякает до сих дней. Из 80-ти письменных заявлений от лиц, получивших благодатную помощь по его молитвам в течение времени с 1860-х по 1890-е годы, — заявлений, проверенных духовной комиссией, о чем упомянуто в предисловии к этой книге, здесь приводятся заявления 14-ти лиц, над которыми по молитвам отца Серафима совершились особенно замечательные проявления милости Господней.

Приводим прежде всего письмо г-жи Жуковской к игумении Серафимо-Дивеевского монастыря Марии.

«Однажды дочь наша, будучи лет пяти, захворала всеми признаками скрытой скарлатины, кинувшейся на мозг. Зная по опыту весь ужас этой болезни, я просила моего мужа, чтобы он побывал у отца Назария, священника Придворной госпитальной церкви, что у Полицейского моста в С.-Петербурге, и попросил батюшку скатить водицу с камешка святого старца Серафима. Узнав о болезни нашего ребенка, отец Назарий был так добр, что уделил нам и частицу камешка, сказав мужу, что когда будем скатывать с него воду, то в это время следует прочитать три раза «Отче наш» и столько же «Богородице Дево, радуйся», опустив самый камешек в воду. Перед возвращением мужа от отца Назария был у нас доктор, который мне объявил, что если болезнь примет дурной оборот, то больная будет жаловаться на головокружение, которое будет сопровождаться рвотой. Не успел доктор уйти, как все это обнаружилось, и больная стала бредить с открытыми глазами. В это время мой муж возвратился домой. Узнав все мои опасения насчет больной, он мне сказал, подавая камешек: «Вот тебе лекарство», объяснив, как надо воду скатить. С благоговением поцеловала я этот камешек и немедленно приготовила водицу. Это было часов в двенадцать дня. Мой муж ушел на службу и возвратился в четыре; в этот промежуток я старалась чаще поить больную с чайной ложечки; к приходу отца она очнулась от забытья, а к вечеру попросила игрушки. Доктор, навесив больную часов в восемь вечера, думал ее найти

в опасном состоянии. Велико было его удивление, когда он нашел ее здоровой».

Красноярский купец Иван Латкин писал той же Дивеевской игумении Марии.

«В 1860-х годах я был с осени в Красноярске; нездоров был месяца два — даже и ходить не мог. Но хозяин, у которого я находился на службе, прислал за мною, чтобы я собирался ехать с ним в Томск. Фельдшер же, который меня тогда лечил, говорил, что если по четыре раза в каждые сутки я не буду переменять повязок на моих ранах, то я должен умереть. Несмотря на это, хотя и невольно, я должен был ехать с хозяином, и сидели мы в повозке рядом, а по случаю худой дороги ехали до Томска более трех суток. О болезни же я не смел сказать хозяину и перевязок во всю дорогу не делал. В Томске остановились на квартире, где вечером спустя довольно много времени лег я спать на диван боком и заснул. И вот вижу во сне — вошел старичок в белом балахончике повыше колен и опоясанный. Подошедши ко мне, он ударил ладонью по моей ноге и сказал: “Вот, не стал лечиться и выздоровел!” Я тотчас же проснулся, достал огня и посмотрел на свои раны, с которых во всю дорогу не снимал повязок. К удивлению моему, и признаков болезни не оказалось, что обрадовало меня до такой степени, что я безотчетно несколько раз ночью бегал в часовню Иверской Божией Матери с намерением купить книгу из житий святых отцов, но там спали, потому что было за полночь. Когда стало светать, я опять побежал и к радости и счастью моему вижу, что монах сметает снег у часовни. Я спросил у него: есть ли книги из житий святых отцов, на что

получил ответ, что есть. Монах отпер часовню и, войдя, подал мне одну книжку. Я, помня лицо старца, виденного во сне, взял книгу в руки, раскрываю и вижу неожиданно этого самого старца. Это был батюшка отец Серафим, иеромонах Саровской пустыни, которого ранее я не видал и не знал».

Священник Гавриил Галицкий писал игумении Дивеевского монастыря Марии следующее:

«1861 года в августе месяце, я, вследствие простуды, а всего более вследствие грехов моих тяжких, был поражен тифозной горячкой. Лечился в городе Орлове Вятской губернии, но от лекарств мне легче нисколько не было, и час от часу болезнь моя становилась сильнее и сильнее, так что я отчаялся в своем выздоровлении, тем более что нельзя было мне принимать никакого лекарства, после всего у меня только делалась рвота. Кроме того, не было и сна. В одну ночь я стал прощаться со своей женой, потому что чувствовал приближение своей смерти. Но жена мне сказала: “Если ты не надеешься жить более, то надобно умереть по крайней мере по-христиански”. А у меня расположения очистить свою совесть покаянием и приобщиться Святых Таин не было, а было какое-то уныние и тоска. Это я высказал своей жене, и она со слезами упрашивала меня послать за протоиереем, хотя уже было двенадцать ночи. Я велел жене моей подать мне какую-либо книгу в надежде, что от чтения книги пройдет скука, и она подала мне книгу «Житие пустынноика Саровского иеромонаха Серафима». Почитав эту книгу, я тотчас же принял намерение раскаяться в своих грехах и тогда же велел послать за протоиереем, который тотчас же пришел ко мне и напут-

**Храм в честь преподобного Серафима,
сооруженный над его келией**

ствовал меня. Дня через четыре после приобщения я отправился для лечения в Вятку, куда приехал вечером. Это было уже в первых числах сентября месяца. Утром, на другой день приходит в мою квартиру старушка и предлагает мне купить портрет отца Серафима Саровского; я взял у нее два портрета, и она, отходя от меня, сказала мне: “Батюшка, когда придет время, не забудь Агафию”. Я, считая оба эти случая за указание Божие, обратился с молитвой к угоднику Божию Серафиму и дал обещание побывать в Саровской пустыни и отслужить панихиду на могиле отца Серафима. С тех пор мне стало легче, так что через неделю лекарь мне позволил даже выезжать в монастырь и в город, и я стал раскаиваться в данном обещании. И должно быть, вследствие этого раскаяния болезнь моя снова усилилась, так что врачи, приглашаемые мною, лечить меня отказывались и последний из них сказал мне: “Батюшка, ездить к тебе я буду, но вылечить тебя слова не даю: ищи врача духовного”. Тогда я снова дал твердое обещание непременно быть в Саровской пустыни. И молитвами преподобного отца Серафима от болезни я исцелился вполне. Будучи в Саровской пустыни, я купил книгу «Житие старца Серафима» издания 1863 года и, читая оную, узнал, что первая настоятельница Дивеевской обители была Агафия. Вспомнил я в то время последние слова старушки, у которой купил портреты отца Серафима и подумал, что молиться мне надобно и за эту преподобную, что и она близка ко Господу».

Рассказ об исцелении от зубной болезни Краснослободского мещанина Матфея Карпова.

«Был я одержим сильной болью зубной около двух лет с половиной. Отвлекала она меня от моих занятий. Лекарство принимал разное, но помощи не было и разные заговоры не были на пользу. В 1866 году явилось у меня желание идти в Саровскую обитель, чтобы попросить у Бога через молитвы отца Серафима, при его могиле, исцеления от зубной боли. Восьмого сентября, на праздник Рож-

Часовня над могилой батюшки Серафима

дства Богородицы, по совершении Святой Литургии, я, в числе прочих людей, просил очередного иеромонаха отслужить панихиду на могиле отца Серафима. После панихиды я пожелал приложиться три раза обеими щеками к памятнику, отчего тут же почувствовал облегчение, а потом и совершенное исцеление».

Рассказ жены священника Александра Виноградова об исцелении сына ее от заикания.

«В 1865 году, по грехам моим, трехлетний сын мой, бойкий на разговорах мальчик, вдруг стал заикаться. Заиканье это время от времени все делалось хуже и труднее и в начале 1866 года до того увеличилось, что он не мог сказать сразу ни одного слова, а прежде минут пять и более толкует: а, а, а... весь покраснеет, наконец ухватит себя обеими руками за скулы и со слезами убежит, спрячется где-нибудь и плачет о том, что не может высказать того, что хочет. Нам, родителям его, было очень прискорбно это видеть; мы со страхом заглядывали в будущее, как ему, бедному, будет отвечать уроки, когда будет он в школе. Часто мы ему говорили: “Сашенька! Обдумай все прежде, потом и говори”, — воображая, что от торопливости в речи он взял привычку так страшно заикаться. А иногда говаривали ему: “Замолчи лучше, очень неприятно слышать твое заиканье”. Все это, видимо, огорчало и самого не по летам смышленного мальчика. В Великом посту, в 1866 году, дали мне знакомые почитать книгу о жизни подвижника Саровского отца Серафима. Я ее читала вслух сыну; сын слушал мое чтение с удивительным вниманием и понятливостью и стал затем иметь веру в святость отца Серафима

и питать к нему любовь. Это он выражал, целуя с благоговением картинки, изображавшие отца Серафима. Так прошли дни Святой Пасхи; на этих днях, а именно во вторник, отец послал Сашу из передней половины нашего дома в задние комнаты что-то сказать мне. Он отворил к нам дверь, хотел сказать, но не мог — покраснел, зажал себе скулы (потому что от заиканья у него делалась боль в скулах), убежал за дверь и заплакал. Глядя на это его положение, я и нянька-девица, у нас живущая, обе заплакали. Я приласкала своего несчастного сына и посоветовала ему во время благовеста к «Достойной» молиться или хотя перекреститься везде, где бы он в это время ни был, и просить отца Серафима, чтобы он молитвами своими его исцелил. Мальчик с радостью принял мой совет и обещал исполнять, что точно и исполнял затем. Сама я в тот же час в душе дала обет отслужить панихиду о упокоении души батюшки отца Серафима, пошла к мужу, передала ему все. Но муж мой, в это время еще не читавший о жизни отца Серафима, очень равнодушно принял мой обет и когда-нибудь обещал отслужить панихиду. Замечательно, что именно с того дня, как мы дали обет прибегать к отцу Серафиму и молиться о упокоении блаженной души его, сын наш заикаться перестал вдруг и все стал говорить хорошо, резко и отчетливо... Мы, грешные, в своей беспечности думали: вот, правду люди говорили — что со временем у него эта болезнь пройдет; вот и прошло. И — панихиды не служили. Только я затаила в душе мысль, что когда-нибудь при случае исполню обещание. Так прошло недели три. И вот Господь благоволил вразумить нас, беспечных, и

показать нам, что не сам собою сын наш выздоровел, но за молитвы батюшки отца Серафима. Сын наш опять стал вдруг по-прежнему заикаться, опять не мог сказать сразу ни одного слова. Тогда я, грешная, поняла все это и передала мое мнение об этом моему мужу. Муж тогда пожелал прочитать жизнеописание отца Серафима; стал читать, почувствовал благоговение к старцу Божию и скоро изъявил мне желание по батюшке отслужить обещанную панихиду, что и исполнил. После панихиды ребенок наш разом совершенно исправился. Мало того, он в том же 1866 году, четырех с половиной лет, требовал настоятельно, чтобы его выучили читать».

Коллежский секретарь Андрей Васильев писал Саровскому игумену Серафиму следующее:

«В марте месяце 1866 года жена моя, Александра Николаевна, возвратясь из Саровской пустыни, видела во сне покойного подвижника Саровской обители святого старца Серафима, который говорил ей, что у нее будет болеть бок и что ей никто, кроме него, оказать помощи не может. Действительно, в апреле того же года жена моя почувствовала сильную боль в правом боку, и болезнь приняла такие размеры, что приводила ее в исступление. Обратились мы к совету докторов в Пензе и Саранске, которые и пользовали ее более двух лет. И они положение больной хотя отчасти облегчали, но положительной помощи не оказали, а объявили мне, что болезнь жены моей неизлечима. Имея веру в силу молитв святого старца Серафима и вспомнив явление его во сне жене моей, я со всем семейством в сентябре сего года отправился в Саровскую пустынь, где мы, пробыв до 18-го, удостоились приоб-

щаться Святых Таин, слушать молебен перед иконой Царицы Небесной «Живоносный Источник» и панихиду в келии и на могиле святого отца Серафима. Затем мы отправились в Серафимо-Дивеевский девичий монастырь и там на другой день также отслушали молебен перед иконой Царицы Небесной «Умиление» и панихиду в келии отца Серафима, где все лобызали убогую одежду святого старца, и возвратились в гостиницу. Ночью того дня болезнь моей жены так сильно повторилась, что многократно сопровождалась рвотой желчью отдельными кусками и, наконец, черной жидкостью, вроде земли, и больная изнемогала до последних сил. Но, имея веру в силу молитв отца Серафима, я обратился снова с молитвой к нему и просил также молитв сестер обители, по совершении которых матушка игуменья Мария посетила мою больную жену и на нее возлагала принесенные ею шапочку и полотенце отца Серафима. После этого моя жена уже никогда не чувствовала даже малейшей болезни, как будто бы ее никогда и не было. Наконец жена моя снова увидела во сне отца Серафима, который сказал ей: «Ну, радость моя, твоя болезнь к тебе не возвратится, и ты будешь здорова».

Из письма господина Алферова.

«В 1866 году, 6 декабря, дочь моя София, будучи одного года и двух месяцев, вдруг не стала владеть левой ножкой; страдания малютки были невыносимы — ни днем, ни ночью она не могла спать; доктора, пользовавшие ее, не могли даже определить: в чем заключалась эта болезнь, ибо опухоли не было. Одним словом, она не могла владеть ножкой, а разные мази, прописываемые докторами,

еще более усиливали боль в ноге. Нам с женой слишком было прискорбно видеть невыносимые страдания малютки, и будучи не в состоянии облегчить их, мы обратились за помощью к Пресвятой Владычице Небесной — попросили священника отслужить молебен Казанской иконе Божией Матери, прося Царицу Небесную послать нашей дочке выздоровление. Вскоре после этого, перед обедом, жена моя, оставаясь у колыбели больной малютки, уснула на несколько минут и увидела во сне иеромонаха Серафима в белом балахончике, который ей сказал: “Не плачь и не убивайся, — твоя дочь будет жива и здорова. У нее вывих; нужно поскорее поправить ножку”. Тут жена моя проснулась и за обедом рассказала мне о своем сновидении. После обеда я прилег отдохнуть и сам увидел во сне старца Серафима, также в белом балахончике, который, обращаясь ко мне, сказал: “Не беспокойтесь: ваша дочь будет жива”. Проснувшись, я пошел в столовую, где застал жену разговаривавшей с акушеркой, которая за тем, собственно, пришла, чтобы посоветовать нам обратиться к костоправу-мужичку, известному во всем Глазовском уезде Вятской губернии, где в то время я находился на службе. Я заявил им о своем сновидении и послал кучера за упомянутым костоправом, который на другой день утром приехал. Осмотрев больную ножку нашей дочки, он нашел у нее вывих в трех местах, а именно: в ступне, повыше оной и в колене. При этом он заявил нам, что нужно будет поправить еще два раза. После первого поправления ножки, на третий или четвертый день, она в первый раз подняла ее, к нашей общей радости; после каждого

поправления ей делалось лучше, а через три недели она была совершенно здорова.

В 1867 году, около 8 июля, у меня заболел сын Александр, будучи трех месяцев. Около же 15 июля я, возвратясь из уезда, в час ночи лег спать и во сне увидел старца Серафима, в том же белом балахончике, который мне сказал: “Он умрет”. По истечении трех дней сын мой умер. В 1870 году, 2 августа, в С.-Петербурге у меня родилась дочь Ольга. Когда исполнилось ей шесть недель, жена моя поехала к куму, а я, оставшись дома, уснул у кровати малютки и увидел во сне вошедшего ко мне в комнату иеромонаха Серафима, в белом балахончике, который мне сказал: “Она до году не доживет”. И действительно, она умерла 20 июля 1871 года, не дожив до году двенадцати дней. Когда я находился на службе в городе Глазове, именно в 1865 году, я почувствовал сильную боль в левом боку; по временам страдания мои были невыносимы. По приезде моем в Петербург, в 1870 году, врачи, к которым я обращался, находили мою болезнь неизлечимой. Оставив службу в 1876 году, я поехал в Задонск, Воронежской губернии, часто ходил к обедне в монастырь и мысленно всегда просил старца Серафима облегчить мою болезнь. В ночь с 23 на 24 августа во время моего сна старец Серафим подошел к моей кровати — в подряснике, епитрахили и поручах — поодаль от него стал диакон в полном облачении и еще кто-то в монашеском одеянии. Отец Серафим, приблизясь ко мне, левым коленом своей ноги уперся в больной мой бок и обеими руками ободрал мне ребра, так что когда я взглянул на больное место, то под ребрами висели какие-то

кровавые жилы, вроде пиявок, в палец толщиной. Когда видение прошло, я проснулся и тотчас же почувствовал облегчение».

«С первых чисел сентября, — пишет жена г-на Алферова, — я страдала биением сердца и захватом дыхания в груди, с сильным кашлем, болью в груди, спине и левом боку; все это время я лечилась, но от лекарств облегчения не получала. Летом 1884 года я страдала расслаблением всего организма, по временам от слабости едва могла ходить. В молитве своей я всегда просила Матерь Божию и старца Серафима послать мне исцеление. С 4 на 5 августа я во сне увидела старца Серафима в черной мантии, епитрахили и поручах. Он подошел ко мне, но только не знаю где, взял меня за плечи и поставил в большой комнате со словами: “Не убойся, дочь моя! Сейчас тебе будет великая радость: видение образа Божией Матери”. Тотчас послышался сильный шум; от страха и слабости голова моя кружилась, но была поддерживаема руками отца Серафима и ободряема его словом: “Не убойся!” Вдруг шум утих, отворилась дверь и вошла женщина, в монашеском одеянии, с образом Божией Матери в руках и со множеством лиц, тоже в черном монашеском одеянии, которые остались в дверях. Увидев красоту, величие и божественную доброту монахини, я от страха едва держалась на ногах, но руки отца Серафима меня крепко поддерживали. Он опять мне сказал: “Не убойся!” — и подвел меня к образу Божией Матери. Женщина в монашеском одеянии три раза благословила меня упомянутым образом, и я приложилась к оному. Та, которая меня благословила, села на близ стоявшую скамейку, отец

Серафим и мне помог сесть рядом с ней. Божественно кроткий лик монахини, державшей образ Божией Матери, внушил мне мысль молить ее о своем исцелении, причем я просила ее позволить мне поцеловать ее ручку (от страха я долго не решалась на это). Она, божественно улыбнувшись, протянула мне оную, сказав: “Сколько угодно”. Я с благоговением поцеловала ее ручку, мысленно не переставая молить ее о своем исцелении. Когда мои грешные уста коснулись ее божественной ручки, вся душа моя наполнилась неизъяснимым блаженством, из которого меня вывел голос отца Серафима, все время находившегося около меня с правой стороны: “Теперь с тебя этого довольно, — иди, вот диакон проводит тебя”. Тотчас появился диакон, в черной рясе, которого я прежде не заметила. Видение прошло; диакон пошел вперед, я же встала со скамейки сама и пошла за ним, не чувствуя более никакой слабости. Много комнат мы прошли, и, наконец, он ввел меня в небольшую комнату, всю увешанную образами, перед которыми горели лампы. Войдя в упомянутую комнату, он спросил у меня: “Знаешь ли, где ты теперь находишься?” Я отвечала: “Нет”. “В Костроме” — был его ответ. Тут я проснулась. От великой радости и страха меня трясло, как в лихорадке; когда же я немного успокоилась, то почувствовала облегчение. Весь день я чувствовала себя крепче, а 6 августа, в день Преображения Господня, я пошла гулять со своим семейством, со станции Финляндской железной дороги, где мы жили на даче, и прошла до станции Шувалово без усталости расстояние около трех верст. Благодаря покровительству Божией Матери и стар-

ца Серафима я не чувствую более слабости, и здоровье мое поправилось».

Кандидат Потапий Максимов писал Саровскому игумену Серафиму следующее:

«В 1868 году в день праздника Святой Троицы с моими детьми отправился я в храм Божий для слушания Литургии, а жена моя Мария, исповедующая римско-католическую веру, пошла для той же цели в костел. По окончании обедни, возвратившись домой, я узнал, что жена моя еще не возвращалась. Под влиянием неприятного чувства я ожидал возвращения ее и, по приходе, начал делать ей упреки за долгое отсутствие. Получив в ответ, что причиной ее отсутствия было желание слушать до конца богослужение, я кощунственно отозвался о ее набожности. В это время дочь наша Дария, видя горесть матери и мое возбужденное состояние, подошла ко мне с просьбой не обижать мать. “Ты вон пошла!” — закричал я. Бедная малютка отшатнулась и в тот же день заболела. Полагая, что болезнь дочери есть следствие небольшого испуга, я спустя неделю после ее болезни приглашал в дом врачей более двенадцати человек, для подания пособия больной. Но медицинские пособия не облегчили страданий малютки. Одиннадцать месяцев страдала моя дочь расслаблением организма до такой степени, что не могла даже поднять головы. Глубоко раскаиваясь в моей горячности и приписывая болезнь дочери ниспосланному на меня Богом испытанию, я плакал и молился. Прочитав жизнеописание Саровской пустыни старца Серафима и чудесное его заступничество за истинно верующих и молящихся, я по совету моего духовника отслужил

панихиду по преставившемуся старцу Божию. Священник, отправлявший служение, затем исповедал и приобщил мою почти умирающую дочь. И на другой день, 19 марта 1869 года, дочь моя Дария встала с постели и свободно стала ходить по комнате. На вопрос наш о том, как это случилось, Дария отвечала, что во сне она видела священника, который, подойдя к ее постели, сказал: “Встань, Дашенька, Божия Матерь велела тебе встать”.

Нижегородский мещанин Павел Иванов Байков свидетельствует:

«В 1868 году, когда я был приказчиком у купца Сторожева в Арзамасе, Нижегородской губернии, в декабре при занятии в погребке, в подвале, в восемь часов вечера открылась у меня болезнь глаз, и вместе с этим обуял меня какой-то страх. Болезнь глаз и нападавший на меня страх изо дня в день усиливались и продолжались более года, так что за последнее время открылась сильная ломота в глазах, и я почти ни на что не мог смотреть, тем более на свет. Доктора, как арзамасские, так и лукояновские, пользовавшие меня немалое время, никакой пользы не могли мне принести. В то время родительница моя, старушка богобоязненная, слыша многое об исцелениях разных недугов молитвами старца Серафима, дала мне наставление, чтобы я просил отца Серафима на молитве об исцелении моей болезни и посоветовала сходить пешком в Саровскую пустынь и отслужить по нему панихиду. Совет родительницы моей я принял с усердием и постоянно на молитве просил отца Серафима об исцелении моей болезни, а также сходил пешком в Саровскую пустынь, где у могилы отца Серафима

отслужил панихиду. По приходе из Сарова в село Иванцево, спустя недели две, Богу угодно было, молитвами отца Серафима, со мною сотворить чудо. Брат мой старший, Алексей, в то время снял в аренду господский сад в селе Иванцеве, принадлежащий графине Протасовой. В июне месяце 1870 года, в самый полдень, брат мне предложил сходить с ним в сад, который от нашего жительства отстоял саженьях в ста или полутораста. Пришли мы с ним в сад, около шалаша посидели несколько времени, затем брат говорит мне, что время обедать. Я ему говорю: “Иди, я сам как-нибудь через несколько минут приду”. Не успел брат отойти от меня на несколько сажень, как меня сильно и моментально склонило ко сну, тогда как в то время я никакой привычки не имел днем спать. В это самое время, в течение каких-нибудь пяти минут, вижу я во сне, что нахожусь в Сарове около могилы отца Серафима, на коленях молюсь Богу и прошу об исцелении моей болезни. В этот момент из глаз моих вылетают громадные огненные искры. Не могу припомнить, спал ли я или был в каком-то забвении, только когда пришел в память, со мною было сильное трясение и тут же никакой боли в глазах я более не почувствовал!»

Исцеление Анны Семеновны Рубцовой.

«Дивен Бог во святых Своих: Бог Израилев (Пс. 67, 36), и на мне, худой, недостойной грешнице, явил Он милость Свою через великого угодника Своего пустынножителя Саровского иеромонаха Серафима. Да пройдет слава его от края до края Земли Русской! Здесь, на границе России с Польшей, я пою ему со слезами сердечной благодарности панихиды,

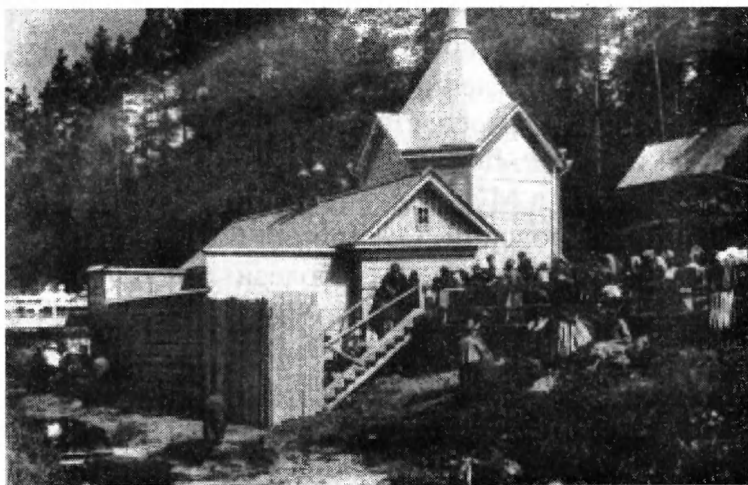
а Вас прошу, Ваше Высокопреподобие, передать мою нижайшую просьбу кому-либо из иеромонахов — отслужить панихиду на гробе его и благодарственный молебен иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Теперь не поставьте в труд выслушать меня, как узнала я, живя за несколько тысяч верст, что пустынь святая ваша обладает таким сокровищем. Будучи еще ребенком, я часто бывала в монастыре у моей тетки и видела картину, писанную на полотне масляными красками, чудной работы — «Кончина иеромонаха Серафима», и тетка мне много рассказывала о его высокой жизни, о его неисповедимых трудах. Прошли десятки лет, муж мой был назначен вице-губернатором в Ковно, на самую границу Польши; тут, не знаю почему, мне часто стала приходить в голову эта картина, а прежде я о ней никогда не думала. Год спустя мужа перевели в Вильно директором канцелярии Северо-Западного края. По приезде моем в Вильну я сделалась тяжело больна и прохворала четыре почти года разными болезнями. Наконец, разболелся у меня нос — в левой ноздре сделалась сильная опухоль и краснота снаружи. Восемь месяцев лечили меня разные врачи, но ничего не помогало: одни говорили, что это полип, другие грозили еще более серьезной болезнью. Наконец решили сделать операцию весной, если нарост не уступит лечению, но операция для меня была очень опасна, вследствие моего малокровия. Однажды, поплакав досыта, ложусь спать и вижу во сне упомянутую картину, и она так живо осталась в моей памяти, что хоть сейчас могла бы нарисовать этого бледного, как воск, старичка с седыми волосами, стоящего на

коленях со сложенными на груди руками, в белом балахончике, с четками, с опущенными глазами, как бы в умной молитве, совсем не похожего на мертвеца. Так эта картина обняла мою душу, что долго не хотелось вставать. Я все закрывала глаза и наслаждалась ею, сердечно сожалея, что ее теперь нельзя достать, ибо неизвестно, кому она досталась после смерти тетки. В этот же день (день был воскресный) посылаю я к игумении Флавиане просить книг для чтения. И можете Вы представить мое удивление и радость — она присылает мне житие иеромонаха Серафима с шестью картинками, между которыми была и его пустынька с колодцем. Прочтя обо всех исцелениях, явленных им при жизни и по смерти, я приложила эту картинку к лицу своему и заплакала, говоря: “Счастливые эти люди: они видели тебя, угодник Божий, и через твои молитвы и благословение получали исцеления из этого источника, а я не могу сделать этого, живя так далеко от святого места того”. Больная ноздря моя как раз прижалась под самым изображением желобка, и к моему удивлению, из нее показалась кровь; затем мне как бы чуть-чуть стало свободнее дышать. На другой день я опять повторила то же — и опять пошла кровь. И каждый раз, как я прикладывала, кровь показывалась из носа. Опухоль и мешки стали опадать, и нос мой пришел в надлежащий порядок».

Исцеление муромского купца Ивана Засухина, сына его и дочери (описано в журнале «Гражданин» за октябрь 1884 года).

Муромский купец Иван Иванов Засухин 1882 года марта 21 дня приехал в Муром, в свой дом, из

станции Урюпино, очень больным. По его словам, он заболел там брюшным тифом 3 марта. Местный доктор станции, лечивший его, несколько облегчил болезнь, но посоветовал ему ехать на родину, что он и сделал. Дорога сильно утомила больного, и он приехал в Муром очень слабым. Позван был доктор Стабровский. Он принял болезнь тоже за брюшной тиф и стал лечить; болезнь ослабела и, по замечанию Засухина, температура с 40,1 понизилась до 37,5. Прошло немного дней, и больной стал поправляться. Но при болезни у него образовалась опухоль за ушами, а потом вверху правой ноги. Врач нашел нужным эту опухоль прорезать, чтобы дать исход скопившейся там материи. Но прорез вышел неудачен, материя не шла, а опухоль стала развиваться более и более. Ни Стабровский, ни другой врач в этой болезни не помогли. Тогда предложили больному отправиться в Петербург, полагая, что там найдут возможным помочь ему оперативным путем. Больной отправился в Петербург. Консилиум петербургских профессоров, Богдановского и Мултановского, нашел операцию невозможной, и они посоветовали больному ехать домой. По возвращении в Муром, в болезни Засухина появилось новое осложнение: развилось воспаление легочной плевы, к которому присоединилось расстройство желудка; больной ослабел окончательно. Для совета были приглашены еще другие врачи, которые посчитали положение больного безнадежным и определили даже день его смерти. После подобного определения врачей больной стал уже готовиться к смерти. Был приглашен священник как врач духовный. Больного он нашел очень слабым, но в памяти. Как

Источник батюшки Серафима

истинный христианин, Засухин сердечно исповедался и удостоился Святого Причастия. Прошло немного дней, опять зовут священника к больному. Приходит он и видит, что тот, хотя и в сознании, но силы его ослабели окончательно, и над ним была прочитана отходная молитва. Но на третий день больному стало лучше. Дело в том, что в соседстве с больным жила одна почтенная дама, М. Ф. Бычкова; она очень жалела, что так рано умирает хороший сосед, и принесла жене умирающего воды, взятой из источника отца Серафима. Она просила напоить умирающего этой водой. Жена больного попыталась напоить мужа, но он почти уже не мог открыть рта. Только с чайной ложки жена могла влить ему в рот несколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. С того момента, как она влила ему в рот несколько капель и намочила голову,

больной совершенно затих, так что она подумала, не умирает ли уж он, и стала внимательно следить. Но больной, к удивлению ее, заснул тихим сном. В таком состоянии прошло несколько часов. Затем больной проснулся и попросил пить. Жена от такой неожиданности совершенно растерялась и не знала, чего бы дать ему, чтобы было не вредно; ей пришлось на мысль дать молока, что она и сделала; но потом вспомнила, что молоко было ему запрещено, поэтому и стала опасаться дурных последствий. Больной выпил и почувствовал, что ему хорошо. Желудок пришел в действие и прежнего не повторялось. С этих минут (16 ноября) ему стало лучше. На другой день врач слушал грудь Засухина и нашел улучшение. Однако бедро оставалось все еще по-прежнему болезненным и припухшим, свищевые ходы не закрывались. Тогда больной возымел желание, несмотря на крайнюю невозможность по случаю болезни, самолично поклониться этому угоднику Божию и собрался в Саровскую пустынь. Жена его на всякий случай взяла с собою все нужное для погребения. Взяты были все дети, чтобы не лишить больного, в случае печального исхода, видеть в последние минуты своих детей. Положение больного было очень тяжелое: сидеть в экипаже он не мог, потому что больная нога была согнута, а сотрясения от езды производили нестерпимую боль. При каждой остановке из экипажа его выносили на руках. В таком болезненном состоянии Засухин прибыл в Серафимо-Дивеевский монастырь. Здесь больной намерен был несколько отдохнуть от тяжелого пути и пробыть сутки. Это было 5 июня, в день праздника Святой Троицы. Наступило время все-

нощного бдения, и больной, несмотря на сильную боль, решился быть при богослужении. На носилках его принесли из гостиницы к церкви и почти на руках внесли в нее. Когда после величания приложился весь народ к иконе Святой Троицы, пошел и больной, с большим усилием, с помощью жены и других, на своих костылях, приложиться к иконе праздника и получить помазание святым елеем. Когда он приложился к иконе и получил помазание, глаза его невольно обратились на стоящую в иконостасе святую икону Божией Матери, которая прежде была в келии старца Серафима и перед которой он так пламенно молился. В этот момент больной почувствовал, что его нога твердо стала на пол и без боли. Он приподнял свои костыли и без помощи их, при удивлении всех предстоящих, пошел на свое место. Когда служба кончилась, Засухин смело встал на ноги и вышел из церкви, где дожидались его служащие с носилками. Но он, не нуждаясь в их помощи, отдал даже и костыли и до самой гостиницы (расстояние около четверти версты) шел без всякой помощи. На другой день больной уже пешком снова пошел в церковь, где и приобщился Святых Таин и в тот же день поспешил в Саров — и прямо на могилу отца Серафима, где и отслужил панихиду. Наутро, после богослужения, он поспешил к тому целительному источнику, водой из которого так чудесно был спасен от смерти. Расстояние до этого источника от монастыря около двух верст. Но для больного как будто не было утомления: прежде без посторонней помощи он не мог пройти и по комнате, а теперь легко шел это немалое расстояние. Источник отца Серафима вытекает из горы, и

верующие подходят под эту целительную струю, раздевшись донага, а подход к источнику был довольно труден по местоположению. Дорогой больной раздумывал, вынимать или не вынимать из больного места дренажи. Многие советовали не вынимать, что он и сделал. Затем больной разделся донага и подошел под самый источник; как только почувствовал он на себе холодную струю источника, эта холодная струя возбудила в его организме какой-то облегчительный жар и у него силы стало больше. Вышел из источника и видит, что одного из дренажей в опухоли нет при нем, а другой вынул сам. На другой день больной за обедней приобщился Святых Христовых Таин. Затем Засухин стал совершенно здоров. Где была опухоль, то место пришло в нормальное состояние.

У сына г-на Засухина, мальчика восьми лет, вся голова была покрыта струпьями и сильно болела, его возили к известному профессору кожных болезней, г-ну Полотебнову, который, осмотрев мальчика, сказал, что ранее двух лет немислимо прервать его болезнь. Засухин повез мальчика с семьей в Саров. По пути в Саровскую пустынь, 5 июня, в день Святой Троицы, остановились они отдохнуть от дороги в устроенной отцом Серафимом и, так сказать, его духом рожденной Серафимо-Дивеевской обители и здесь узнали от монахинь о заповеди старца с умной молитвой проходить по вырытой по его указанию трудами сестер канавке, по которой, по его же словам, прошла Сама Матерь Божия. Пошли Засухины всей семьей исполнять святым старцем заповеданное. Больной мальчик, по совету сопровождавшей монахини, опускаясь в самую глубь канавки, сры-

вал траву и цветы, кладя их на свою больную голову. Приехав в Саров, купался он в источнике Серафимовом и по возвращении 13 июня домой, в Муром, голова его не только совершенно очистилась, но густо заросла прекрасными волосами, без малейшего даже признака какой-либо болезненности.

Третье знамение милосердия Божия с верою к Нему прибегающим случилось с дочерью Засухина, у которой от елея из лампы над гробом отца Серафима исцелен был поврежденный палец.

У живущей с родителями в Челябинске четырехлетней девочки Феодосии Власовой в 1885 году, 7 января, случился сильный жар во всем теле и продолжался две недели, а потом постепенно образовался на спине горбик, и она по ночам кричала до бесчувствия. Так продолжалось четыре года. Лечили ее сельские бабки, обращались и к врачам, но они отказались, говоря, что она недолго проживет. Тогда родители всю надежду возложили на Бога. В течение четырех лет так скорчило девочку, что она не могла ходить прямо, если же куда ходила, то бралась обеими руками за колена и потихоньку двигалась вперед. Старшая сестра ее отдана была в Челябинский Одигитриевский монастырь, и родителям ее вздумалось Феодосию поучить грамоте. В 1888 году, 1 сентября, привезли ее в монастырь, и матушка игуменья приняла ее для обучения, но не в школу, а просто в келию, потому что ходить в школу девочке было трудно, и поручила матушке благочинной Евпраксии. Прожила Феодосия три месяца, и до того болезнь ее усилилась, что она совсем не могла ходить. Когда, бывало, сестры пойдут в церковь, то брали ее на руки и несли. Узнав о чу-

десах преподобного отца Серафима и по совету матушки благочинной Евпраксии, родители Феодосии послали в Саровскую пустынь отслужить на могилке отца Серафима панихиду и молебен и просили прислать им земельки с могилки его. Когда получили землю с могилы, отслужили молебен Божией Матери и панихиду по отцу Серафиму, а землю положили в бутылку, налили воды и с земелькой этой стали поить больную. Тогда почувствовала она себя совершенно здоровою и в течение недели стала ходить сама, без посторонней помощи.

В 1890 году, 26 марта, к настоятелю Саровской пустыни игумену Рафаилу явился крестьянин Астраханской губернии, Царевского уезда, села Заплавного, Иван Харитонов Шажков и заявил следующее: в прошедшем 1889 году, в декабре месяце, за неделю до Рождества Христова, у него, Шажкова, без вся-

Саровская пустынь с Успенским храмом

кой, по его мнению, причины вдруг онемели обе конечности, хотя боли он и не почувствовал в них; но руками по локти и ногами до колен владеть не мог; при этом у него распухла и полость рта. Пальцы на руках сжались в кулак, так что когда необходимо было при употреблении пищи взять ложку, то черенок ее просовывали ему в отверстие между большим и указательным пальцами и таким образом он питался; ни одеться, ни опоясаться он тоже не мог, а когда вставал при помощи других, то падал или вперед или назад. Лекарств Шажков не употреблял. Такое состояние его продолжалось около трех недель. Теща его, бывшая в Сарове и видевшая благодатную помощь отца Серафима многим болящим, посоветовала ему дать обещание сходить в Саров поклониться гробу святого отца Серафима и попросить его помощи в болезни. Шажков с благодарностью принял совет своей тещи и с верою обещал сходить в Саров и исполнить все по наставлению ее. С того же дня, как он дал свое обещание, руки и ноги его начали крепчать в суставах, опухоль во рту пропала. Уже к Великому посту он настолько оправился и окреп, что в среду на первой неделе поста решился отправиться в далекий путь до Сарова; однако как в ногах, так и в руках, особенно в пальцах, все еще чувствовал слабость, которая в пути мало-помалу исчезала. В Саров он прибыл 21 марта, весь путь, около 1000 верст, совершив пешком без всяких вредных для своего здоровья последствий. Здесь, в Сарове, он исповедался и сподобился причаститься Святых Таин Христовых, а 26-го числа пошел на источник отца Серафима, где несколько раз искупался и получил совершенное исцеление от своей болезни.

Саровка

Госпожа Ю. В. Каразина пишет в своем заявлении о следующем чудесном факте:

«В мой приезд в Саровскую пустынь 22 мая 1890 года я пошла посетить келию отца Серафима, где он скончался. Подхожу к его изображению и вижу, что лицо оживляется и глаза движутся и открываются, равно как движутся и брови. Я до того была этим поражена, что вся затрепетала и едва не упала. Обращаюсь к присутствующим около меня и в волнении говорю: «Отец Серафим ожил, у него глаза открылись и брови двигаются». Придя на другой день, я нашла совершенно другой вид лица на изображении отца Серафима, но глаза как бы снова ожили».

В заключение считаем уместным привести письмо генерал-лейтенанта Врасского о благодатной помощи, дарованной ему отцом Серафимом еще при жизни. Хотя это событие совершилось еще в 1826 году, однако в прежние издания жития не вошло, потому что П. А. Врасский сообщил о нем пись-

менно бывшему игумену Саровской пустыни Рафаилу только в 1892 году.

«В 26-м году я, будучи офицером, посетил Саровскую пустынь и отправился, по примеру других богомольцев, за благословением к преподобному отцу Серафиму. В коридоре его келии холод был страшный, и я, в военной шинельке, дрожал от мороза. Келейник его сказал, что у отца Серафима в настоящее время находится монах, и он с ним беседует, а я, стоя в коридоре, молился Пресвятой Богородице. Дверь отворилась, монах вышел, и через несколько минут отец Серафим отворил дверь и сказал: “Какую радость Бог мне дает!” Ввел он меня в свою келию, а так как она была заставлена разными вещами, то он посадил меня на пороге ее, а сам сел на пол против меня, держа мою руку, и ласково со мною говорил, даже целовал мою руку. Вот какая у него была любовь к ближним! Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге. После многих разговоров я ему сказал, что у меня болит грудь (сам я был худой, бледный юноша). На это он мне ответил: “Это ничего”. Встал, взял бутылку и подал мне, говоря: “Глотни большой глоток”. Какой же был мой ужас, когда полилось мне в рот деревянное масло! Я думал, что мгновенно последствие будет дурное, но напротив, масло оказалось вкусным. С этой минуты, благодаря Богу, грудь моя более не болела, и из худого, бледного юноши я сделался здоровым и крепким мужчиной. Через довольно долгое время я по необходимости должен был оставить военную службу и отправиться в бессрочный отпуск. Эта разлука с Петербургом причинила мне такую тоску, что я целый год не на-

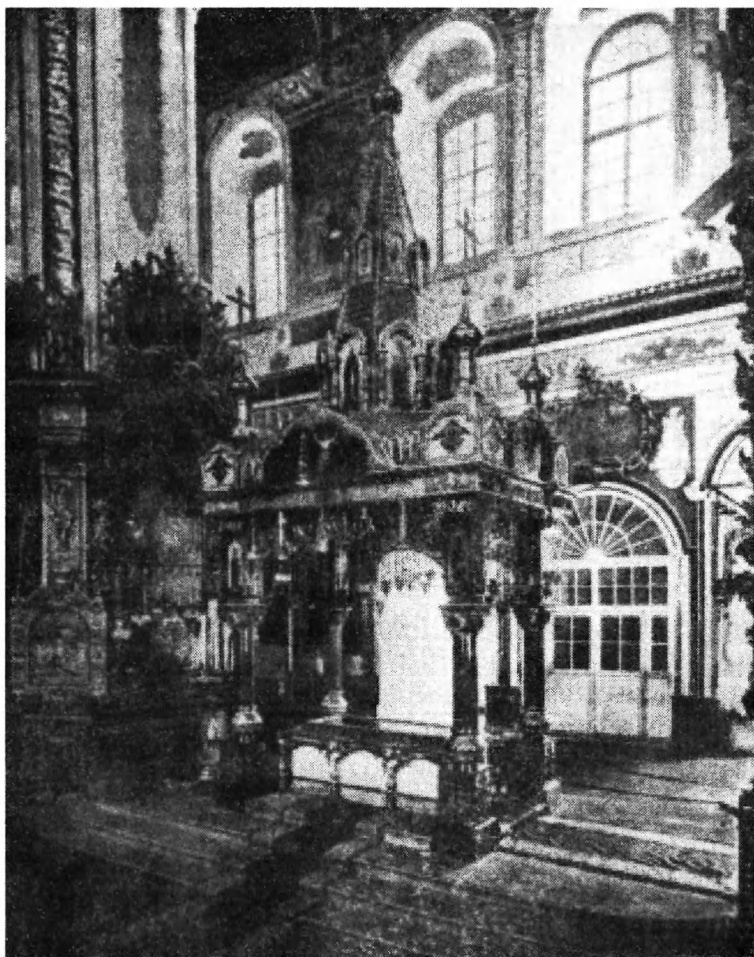
ходил места от нее. По пути в Арзамас я заехал в Саратовскую пустынь и немедленно пошел на могилку отца Серафима, просил отслужить по нему панихиду, и, как только она была отслужена, тоска моя мгновенно исчезла, и я сделался здоров».

Заканчивая наше изложение, остановимся благоговейной мыслью на особых путях Промысла Божия в жизни старца Серафима.

Сын гражданина города Курска, он с юных лет влечется тайным желанием оставить мир и служить исключительно Богу, подобно святому Феодосию Печерскому, также курскому уроженцу. Никому неизвестный, приходит он юношей в Саратовскую обитель, оставив мать, брата, имущество и дом. Не принеся с собой в обитель ничего, кроме умения читать и писать, он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, привлекая к себе любовь и уважение начальства и братии за свое усердие и кротость. Между тем в глубине души его, незаметно для всех, под покровом глубокого смирения, созревал внутренний человек. Его не удовлетворял уже сам по себе тяжкий труд иноческой жизни: молитвы, пост, послушание, нестяжательность. В нем раскрывается жажда высших и высших подвигов. И вот он в безмолвном уединении проводит жизнь строго отшельническую, становится на подвиг, подобный столпническому, налагает на себя на долгое время обет молчания и, как бы в некоем гробе, заключается в затворе. А созрев в духовной жизни, по особенному внушению Божию он отверзает двери келии и двери уст своих — и сладкие струи духовно-назидательного учения изливаются в течение многих лет на бесчислен-

ное множество народа, искавшего его наставлений. После продолжительных подвигов в различных добродетелях, усвоив дух любви, которая есть верх совершенства, он является утешителем душевных скорбей, целителем недугов телесных, руководителем совести для многих. И вот, безвестный и бедный пришелец в Саровскую обитель сделался по благодати Божией и своему смирению не только славой ее, но украшением и всей Православной Церкви. Имя Серафима справедливо обносилось всюду, как имя одного из великих древних подвижников. В лице его для нашего скудного добродетелями и маловерного века как будто воскрес древний подвижник пустынь Фиваидских или пещер Киевских. И знатные, и простые, и богатые, и нищие — все стекались к порогу его келии, падали ниц перед согбенным старцем, одетым в бедный балахон, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искренней любовью и благодарностью каждое слово его, согретое благодатью. И долго, долго будут разноситься по всему пространству обширной России слова старца, сказанные в тесной келии! Долго, долго они, как плодотворные семена, будут приносить благие плоды добрых дел! Вместе с тем никогда не изгладится и память о нем — по слову Писания: *Праведник во веки живет* (Притч. 10, 30).

Места, освященные воспоминанием об отце Серафиме, и прежде были заботливо охраняемы и ограждаемы для сохранения потомству, однако многие из них вполне благолепный, подобающий святыне вид приняли только недавно. Место блаженного упокоения отца Серафима, могила с надгроб-

Сень над ракой с мощами прп. Серафима в Успенском храме

ным памятником, оставалось прежде открытым, и богомольцам во время служения панихид приходилось иногда в дождь и слякоть, в летнее время и во вьюгу зимою стоять с открытой головой и преклонять колена на открытом, ничем не огражденном

месте. В начале 1890-х годов к углу, образуемому восточной стеной придельного алтаря Успенского собора и южной стеной главного его алтаря, над могилой отца Серафима был устроен род часовни с небольшим куполом и двумя дверями. Две стены этой часовни состоят из металлических рам со стеклами. Над надгробием старца теплится неугасимая лампада, а на двух каменных стенах в часовне помещены писанные на полотне шесть изображений отца Серафима (моление на камне, явление старцу Божией Матери в день Благовещения, кончина его, кормление медведя, изображение отца Серафима во весь рост и благословение им странника у колодца). Так как в ногах отца Серафима пришлась могила умершего раньше его (в 1817 году) другого великого подвижника Саровского, схимонаха Марка, то против нее находится изображение и этого старца.

Колодезь, устроенный отцом Серафимом, — этот поистине «источник чудесных исцелений», на котором каждый посетивший Саров всегда считал и считает непереносимой обязанностью побывать и если не искупаться, то хотя бы намочить голову и выпить целебной воды, прежде оставался по виду простым колодцем с проведенным из него, в уровень содержащейся в нем воды, желобом, из которого прибывающая сверх уровня вода сбегала довольно сильной струей, под которую и становились желающие искупаться. Но так как источник этот стоит на открытом месте, то паломникам, собирающимся весьма часто в большом количестве и притом различного пола и возраста, купаться было совсем неудобно. Ныне над источником отца Серафима устроена прекрасная часовня со святыми ико-

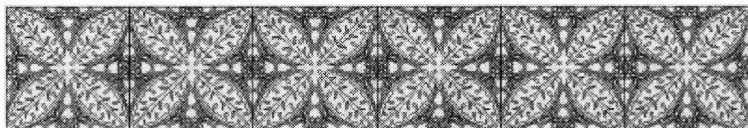
нами и двумя большими изображениями его, а возле нее — купальня с двумя совершенно разобщенными отделениями. Вблизи колодца, на месте ближней деревянной пустынной келии отца Серафима, по тому же плану и размеру построена новая келия (подлинная перевезена в Дивеево).

В лесу, в версте от источника, на месте, где находился камень, на котором отец Серафим совершал молитвенный подвиг 1000 ночей, устроен в 1890 году шатер в виде открытой часовни, на четырех резных столбах, с шатровой кровлей, с главой и крестом, обитыми железом. Нижние стороны этого здания ограждены перилами. Внутри поставлен крест с изображением Распятия Господня и положен большой камень в воспоминание подвига отца Серафима.

На месте дальней пустынной келии отца Серафима в 1893 году открыт при раскопке сложенный из кирпича, приблизительно аршина в три длиной и в один аршин шириной, подземный грот, в который старец уединялся от осаждавших его посетителей во время молитвенного подвига, где у него были и камни для стояния на них. Грот этот оставлен точно в таком же виде, в каком и найден, а над ним тоже выстроена келия по плану и размерам прежней, перевезенной тоже в Дивеево и обращенной целиком в алтарь кладбищенской церкви. Богомольцы считают неперменной обязанностью побывать и на этом месте, освященном воспоминанием о дивных подвигах отца Серафима. Подле этой келии находится и огороδικ его. Келия отца Серафима, в которой он подвизался со времени возвращения своего из пустынного затвора в 1810 году, в

которой удостоился за год и десять месяцев до своей кончины посещения Божией Матери и где праведная душа его отошла ко Господу, находится в монастырской ограде напротив его могилы. Она составляла прежде часть южного корпуса монастырских келий. С ограды в нее вели узенькие сени с двумя дверями направо; первая дверь была в келию жившего при отце Серафиме монаха Павла, вторая вела в келию самого батюшки. Эта последняя — длиной и шириной в пять аршин, при высоте в три аршина и десять вершков. В ней на южной стороне два небольших окна на огороды и реку Саровку, направо — изразцовая печка с небольшой лежанкой. Рядом с печкой помещаются в шкафчике и витрине некоторые предметы, оставшиеся после батюшки: мантия его (вместе с мантией и посохом схимонаха Марка), шапочка, четки, крест, волосы, спавшие у него после болезни, Евангелие, носимое им, часть камня из пустыни, на котором он молился 1000 ночей; тут же и скамейка, сделанная руками отца Серафима, им подписанная. У передней стены келии находится копия с Дивеевской иконы Божией Матери «Умиление» вместе с некоторыми другими иконами, а подле витрины с вещами батюшки помещены два небольших изображения его на полотне (во весь рост благословляющий и преставление его).

В 1897 году соседние с келией отца Серафима келии разобраны, и над нею строится обширный и благолепный храм во имя Пресвятой Троицы. Таким образом, место молитвенных подвигов и блаженной кончины старца Божия в неприкосновенном виде войдет под кров храма Господня.

Духовные наставления преподобного Серафима мирянам и инокам

1. О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: «Ищи Господа, но не испытуй, где живет».

Где Бог, там нет зла. Все, происходящее от Бога, — мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония, и когда наказывает, как благоутробно наказывает!

«Не называй Бога правосудным, — говорит преподобный Исаак, — ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным, и правым, но Сын Его показал нам, что Бог паче благ и милостив... Где Его правосудие? — В

том, что мы грешники, и Христос умер за нас» (прп. Исаак Сирин. Сл. 90).

Поскольку человек совершенствуется здесь пред Богом, постольку вслед Его ходит; в истинном же веке Бог явит ему лице Свое. Ибо праведные, по той мере, как входят в созерцание Его, видят образ Его как в зеркале, а там удостоятся зреть явление истины. Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его, ибо созерцание Его не предшествует познанию Его.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

2. О таинстве Святой Троицы

Чтобы воззреть к Святейшей Троице, надобно просить о сем учивших о Троице святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, ходатайство которых может привлечь на человека благословение Святейшей Троицы, а самому прямо взирать надобно остерегаться.

3. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodнаго дал есть* (Ин. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о том воспевают Святая Церковь (1-й канон на Рождество Господне. Песнь 1-я): *Истлевша преступлением, по образу Божию бывшего, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель...*

3. Спасение душ человеческих: *Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Исккупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препроводить согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

4. О вере

Прежде всего должно верить в Бога, *яко есть, и взыскающим Его Мздовоздатель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть Крестом, [с] помощью веры, то есть благодати Духа Святого.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, упокоение от всех дел, как и Бог почил от Своих дел, несение креста и жизнь по духу. Только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел; кто истинно верует, тот непременно имеет и дела.

5. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвой лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь мира, доколе не стяжет сей надежды. Она-то вполне умиротворит его и вольт в него радость. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня и утетишья от труда и страха.

В Евангелии от Луки сказано о Симеоне: *И бе ему обещанно Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И он не умертил надежды своей, но ждал вожденного Спасителя мира и, с радостью приняв Его на руки свои, сказал: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко* (Лк. 2, 29), идти в вожденное для меня Царствие Твое, ибо я получил надежду мою — Христа Господня.

6. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и забыл все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей, ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви Божией, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но со ангелами возлетит как бы от чужой страны на родину.

7. О страхе Божиим

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть *начало мудрости* (Пс. 110, 10).

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *Работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае опасаться должно, чтобы не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *Проклят [человек] творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что *сие море* (то есть сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) *великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа* (то есть помыслы суетные, неправые и нечистые — порождения злых духов) (Пс. 103, 25).

Бога бойся, — говорит Премудрый, — *и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

[Есть] два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

8. О хранении познанных истин

Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который сохранил бы твою тайну.

Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как можем надеяться, что она может быть сохранена другим.

С *душевым человеком* надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных. Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о

духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волей Божией, и по тому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно, когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению святого Дионисия Ареопагита: «Соделавшись сам божествен божественных вещей познанием и в тайне ума святая сокрыв от неосвященного народа, яко единообразная храни: не бо праведно есть, якоже Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов чистое, световидное и драгоценное благоукрашение» (сщмч. Дионисий Ареопагит. О Небесной иерархии. Гл. 2).

Надобно содержать в памяти слово Господне: *Ни пометайте бисер ваших пред свиниями, да не поперут их ногами своими и вращеся расторгнут вы* (Мф. 7, 6). А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований. В противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному учению святого Исаака Сирина, «лучше есть помощь, яже от охранения... паче помощи, яже от дел» (прп. Исаак Сирин. Сл. 89).

Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно по глаголу: (Аз) *прославляющыя Мя прослаблю* (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся.

9. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно, чтобы расстроить внутренность внимательного человека. Но всего

жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел *во-
врещи на землю* (Лк. 12, 49) сердец человеческих, ибо «ничтоже тако устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже соображение и многословие и собеседование, кроме оного, еже со чады таин Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению» (прп. Исаак Сирин. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом, ибо как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаивает, так и сердце инока от собеседования с женским полом не приметно расслабевает, о чем и святой Исидор Пелусиот говорит так: «Аще (глаголющу Писанию) кия *беседы злы... тлят обычаи благи* (1 Кор. 15, 33), то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлiti внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена. Что бо твердее есть камене? Что же воды мягчае? Обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает. Аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умалается, то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена?» (прп. Исидор Пелусиот. Письмо 284).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удержать язык от многословия: *муж же мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12) и *иже хранит своя уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13, 3) и помнить слова Иова: *Завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (Иов. 31, 1) и слова Госпо-

да Иисуса Христа: *Всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердца своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде от кого-либо о каком-либо предмете, отвечать не должно: *иже отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

10. О молитве

Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя, грешного»; или же прибегать собственно ко Пресвятой Богородице, молясь: «Пресвятая Богородице, спаси нас», или говорить поздравление ангельское: «Богородице Дево, радуйся...» Таковым упражнением при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, «без непрестанной молитвы ты не можешь приблизиться к Богу» (прп. Исаак Сирин. Сл. 69).

Образ молитвы весьма хорошо расположил святой Симеон Новый Богослов (см. Добротолюбие. Т. 5. Прп. Симеон Новый Богослов. Слово о трех образах внимания и молитвы).

Достоинство же ее очень хорошо изобразил святой Златоуст: «Велие, — говорит он, — есть оружие

молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо, пристанище безволненно, тишины вина и тьмам благих корень, источник и мати есть» (свт. Иоанн Златоуст. Маргарит. Сл. 5. О непостижимом, против Аномеев).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, тогда должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами». Потому всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей, ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его по действию диавола, как святой Макарий говорит: «Все супостата нашего тщание сие есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратит» (прп. Макарий Египетский. Сл. 2. Гл. 15).

Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению.

11. О слезах

Все святые и отрeksiеся [от] мира иноки во всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *Блажени плачуици: яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Так и мы должны плакать об оставлении грехов наших. К сему да убедят нас слова порфириносного Пророка: *Ходяици хожду и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6) и слова святого Исаака Сирина: «Омочи ланиты свои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да придет к тебе» (прп. Исаак Сирин. Сл. 68. Об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца Правды — Христа Бога.

12. О печали

Когда злой дух печали овладеет душой, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и исступленной, не может

спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри нее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так *печаль... по Бозе* (2 Кор. 7, 10) очищает греховное сердце (прп. Антиох. Сл. 25).

13. О скуке и унынии

С духом печали неразлучно действует и скука. Она, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братия, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из келии и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукою, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он как безводное облако, носимое ветром (см. Иуд. 1, 12).

Сей демон, если не может извлечь монаха из келии, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно все привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным.

Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия (прп. Антиох. Сл. 26; прп. Исаак Сирин. Сл. 30).

Трудно избежать ее начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни.

Когда одолевает тебя скука, то говори себе, по наставлению преподобного Исаака Сирина: «Снова вожделеваешь ты нечистоты и срамной жизни. И если тело скажет тебе: «Великий грех самому себя убивать», — то отвечай ему: «Сам себя убиваю потому, что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть мне истинной смерти души моей, смерти для Бога. Лучше мне умереть здесь ради непорочности и не жить худой жизнью в мире. Произвольно избрал я смерть сию за грехи свои. Сам себя умерщвляю, потому что согрешил я Господу; не буду более прогневлять Его. Что мне в жизни далекой от Бога? Буду терпеть озлобления сии, чтобы не

быть отчужденным от небесной надежды. Что Богу в моей жизни в этом мире, если живу в нем худо и прогневаю Бога»? (прп. Исаак Сирин. Сл. 22).

Иное — скука, и иное — томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетномучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло. «Есть уныние естественное, — учит святой Варсонофий, — от бессилия, и есть уныние от беса. Если хочешь распознать их, распознавай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение, ибо, когда человек начнет что-нибудь делать, оно, прежде нежели совершится треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но должно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением, и враг, видя, что человек об этом творит молитву, перестает бороться с ним, ибо он не хочет давать повода к молитве» (прп. Варсонофий Великий. Отв. 559).

«Когда угодно Богу, — говорит святой Исаак Сирин, — подвергнуть человека большим скорбям, попускает впасть ему в руки малодушия. И оно порождает в человеке одолевающую его силу уныния, в котором ощущает он подавленность души, и это есть вкушение геенны; этим наводится на человека дух исступления, из которого исходят тысячи искушений: смущение, раздражение, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселение из одной страны в другую и тому подобное. Если

спросишь: «Что причиной всего этого?», — то скажу: твое нерадение, ибо сам ты не позаботился взыскать врачевства от этого. Врачевство же от всего этого одно, при помощи только онаго человек находит скорое утешение в душе своей. Какое же это врачевство? Смирennemудрие сердца. Без него никто не возможет разорить оплот сих зол: скорее же найдет, что превозмогли над ним бедствия» (прп. Исаак Сирин. Сл. 79). Уныние у святых отцов иногда называется праздностью, леностью и разлениением.

14. Об отчаянии

Отчаяние, по учению святого Иоанна Лествичника, рождается или от сознания «множества грехов и отягчения совести и нестерпимой печали, когда душа по причине множества сих язв погружается и от тяжести их утопает в глубине безнадешия», или «от гордости и возношения, когда падшие думают, что они не заслуживают сего падения». Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно разуму. Первое врачуются воздержанием и благой надеждой, а второе — смирением и неосуждением ближнего (прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Сл. 26. Отд. 89).

Господь печется о нашем спасении. Но коубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, какие бы они ни были. Жизнь наша есть

как бы дом искушений и пыток; но мы не отступим от Господа, доколе не повелит Он пытающим оставить нас и пока мы не будем оживлены терпением и твердым бесстрашием.

Иуда-предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и принудил его удавиться, но Петр — твердый *камень*, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

«Итак, братие, — учит преподобный Антиох, — когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: “Что нам и тебе, отчужденный от Бога беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всеми. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые Честным Его Крестом, мы попираем твою змииную главу” (прп. Антиох. Сл. 27).

И с умилением будем молиться ко Господу: «Владыко, Господи небесе и земли, Царю веков! Благоволи отверзти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, Истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, Света миру. Призри многим Твоим благоутробием и прими моление мое; не отврати его, но прости мне, впавшему во многие прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу

покая, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира по причине глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злые дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного [грехом]. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего, и избавь меня от бесчестных дел, и не возмешь мне по правде Твоей, и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим; помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому не известные, которые знаешь только Ты, ведающий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя — Врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия, дающего время покаянию. Воссияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием прости мне руку и восставь меня из рва беззаконий моих. Ибо Ты един Бог наш, не веселящийся (о) гибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящегося к Тебе

со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретисще и препояшь меня веселием (см. Пс. 29, 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежали болезнь, печаль и вздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедше с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь».

15. О болезнях

Тело есть раб, а душа — царица, а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями, ибо от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя, да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезни оставят, ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает святой Василий Великий: «Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же более всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» («Слово о том, что Бог не есть причина зол»).

От беспокойного и не в меру принужденного мысленного занятия бывает головная боль.

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяной болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо насколько *внешний наш человек... тлеет*, настолько же *внутренний... обновляется* (2 Кор. 4, 16)».

16. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть все, что ни случилось, Бога ради с благодарностью.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью, и потому *недостойны*, по Апостолу, *страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет враг, и Господу открывай тогда сердце свое.

Когда кто-нибудь уничижает или отнимает твою честь, то всеми мерами старайся простить ему по слову Евангелия: *От взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда нас люди поносят, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя себе, что, ежели бы мы были достойны, то все бы кланялись нам.

Мы всегда и перед всеми должны уничижать себя, следуя учению святого Исаака Сирина: «Уничижай себя и увидишь в себе славу Божию» (прп.

Исаак Сирин. Сл. 57). Посему возлюбим смирение и узрим славу Божию, «ибо где произрастает смирение, там исходит Божия слава» (там же).

Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда *ангелы приступили и служили Ему* (Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас ангелы Божии, то недалеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжает и прочие совершенства. Посему святой пророк Исаия говорит: *Терпящие же Господа изменят крепость, окрылатеют аки орлы, потекут и не утруждаются, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид, ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *Изыди, изыди... мужу беззаконный*, он не сердился, а когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *Почто проклинает пес умерший сей господина моего царя?*, — он запретил ему, говоря: *Оставьте его, и тако да проклинает*, ибо Господь увидит и воздаст мне благое (2 Цар. 16, 7, 9, 10). Посему после и воспел: *Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь, и искушение человеческо в помышлении его (Сир. 27, 5). Но горе вам погубльшим терпение: и что сотворите, егда посетит Господь? (Сир. 2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его, а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает, — так поступает с нами и благой Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезой в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели *взять Его и сделать царем* (Ин. 6, 15); а когда Он сказал им: *Делайте не брашно гниющее, но брашно пребывающее в животе вечном*, тогда говорили Ему: *Кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 30, 31). Прямо на таких падает слово: *Исповестся Тебе, егда благосотвориши ему, и таковой даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19, 20).

Потому апостол Иаков учит нас: *Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение ваша веры соделовае терпение: терпение же дело совершенно да имать* (Иак. 1, 2—4) и прибавляет: *Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни* (Иак. 1, 12).

17. О милостыне

Должно быть милостиву к убогим и страннным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

Мы должны всеми мерами стараться исполнять слово Божие: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36). И паки: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам разумные внимают, а неразумные не внимают, и оттого награда не одинакова, как сказано: *Сеяй скудостию, скудостию и пожнет: а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. 9, 6).

Пример святого праведного Петра-хлебодара может нас побудить к тому, чтобы мы были милостивы к ближним, ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина: «Аще даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего и словесы благими утешай скорбь его» (прп. Исаак Сирин. Сл. 89).

18. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом.

Если брат согрешает, покрой его, как советует святой Исаак Сирин: «Распрости одежду свою над согрешающим и покрой его» (прп. Исаак Сирин. Сл. 89).

Мы все милости Божией требуем, как Церковь поет: «Аще не Господь бы был в нас, кто доволен

цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы?»

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслью чисты и ко всем равны, иначе жизнь нашу сделаем бесполезной.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *Возлюбиши... ближняго своего яко сам себе* (Лк. 10, 27). Но не так, чтобы любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37).

О сем предмете весьма хорошо рассуждает святой Димитрий Ростовский: «Там видна неправдивая к Богу в христианине любовь, где тварь с Творцом сравнивается, или более тварь, нежели Творец, почитается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любитя и почитается».

19. О должности подчиненных к начальнику

Не должно входить в дела начальнические и судить оныя; сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются, ибо *несть... власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его

праведному наказанию: *Темже противляйся власти Божію повелению противляется: противляющіеся же себе грех приемлют* (Рим. 13, 2).

Должно быть у начальника в повиновении, ибо послушливый чрез сие много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие о вещах и приходит в умиление.

20. О неосуждении ближнего

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божіих, по слову Божію: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1), и паки: *Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоит или падает. Станет же, силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *Темже мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как опытом сие дознавший Пророк говорит: *Аз же рех во обилии моем: не подвижуся во век... Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

21. О прощении обид

За обиду, какая бы ни нанесена была, не токмо не должно отмщать, но, напротив того, должно еще прощать от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *Аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш*

(Небесный) *отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15), и паки: *Молитесь за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к враждующему ближнему, но должно стараться любить его и, сколько можно, добро ему творить, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *Любите враги ваша... добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем сколько есть сил стараться все сие исполнять, тогда можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к Горнему Иерусалиму. Поревнуем возлюбленным Божиим, поревнуем кротости Давида, о котором Преплагий и Любоблагий Господь сказал: *Нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои* (Деян. 13, 22). Так он говорит о Давиде, незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (см. Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог как о человеке незлобивом (см. Иов 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом, говорит о гнавшем его Израиле: *Еда воздаются злая за благая?.. Помяни стоявшего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Иер. 18, 20).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначально обольстил человека и изгнал из рая — против человекоубийцы ди-

авола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действование с разумом.

Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя — и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самых себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется: другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это — хорошо. Притом дверь покаяния всем отверзта, и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит преподобный Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судье, ведающему сердца наши и сокровенные страсти естества (прп. Антиох. Сл. 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *Сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их мечь остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, как мельничный жернов зерно пшеничное.

22. О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, так и он должен умереть. Но душа бессмертна, потому и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщедит? Или что даст человек измену за душу свою?* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. «Называем же душу драгоценнейшей потому, что Бог, — как говорит Макарий Великий, — благоволил в единение и общение с Духом собственного Своего естества ввести не другое какое-либо существо... но только одного человека, которого возлюбил паче Своих тварей» (прп. Макарий Великий. Сл. 7. О свободе ума. Гл. 32).

Святые Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Если же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

23. Чем должно снабждать душу?

«Если хочешь устроить дом души своей, — говорит преподобный Варсонофий, — то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы Художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такого здания суть твердая вера для устройства стен; деревянные окончины, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, Честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного Солнца Правды и не позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна ночью* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла заходить солнцу *во гнев* твоём (см. Еф. 4, 26), дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгущим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о ночном нашем унынии и лености. Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь — Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь* (см. Ин. 10, 9). Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он приидет с благословенным Отцом и Духом Святым, и *обитель* у тебя сотворит (см. Ин. 14, 23), и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостью неизглаголанной» (прп. Варсонофий. Отв. 121).

Душу снабдевать надобно словом Божиим, ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири... От сего бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным.

Надобно так себя приучить, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, которым руководствуясь, должно устроить жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитывать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своею милостью, но исполняет его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

«Телесный труд и поучение в Божественных Писаниях, — учит преподобный Исаак Сирин, — охраняют чистоту, труд же подкрепляют надежда и страх. Надежду же и страх утверждают в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Человек, пока не примет Утешителя, потребны ему Божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлелось в мысли его, и непрестан-

ным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей, потому что не приобрел он еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, похищающее душеполезные памятования и приближающее его к холодности через рассеяние ума. Но когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писания укореняются в сердце заповеди Духа, и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в пособии вещества чувственного. Ибо пока сердце учится от вещества, непосредственно за учением следуют заблуждение и забвение, а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым» (прп. Исаак Сирин. Сл. 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, что терпела она в то или другое время; знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также для убеждения и утешения своего духа. Более же всего делать это должно собственно для себя, чтобы приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *Мир мног любящим закон Твой*, Господи (Пс. 118, 165).

24. О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *Пройдохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Путь тех, кто хочет угождать Богу, лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые

претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая — с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов: *Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем (и) к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни — когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце своем.

Тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает сперва в мирном устроении, а посредством сего и в премирном: в мирном, то есть с совестью благою; в премирном же — когда ум созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: *В мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце Правды — Христа! Тогда воистину радуется он радостью ангельской. О сем-то и Апостол сказал: *Наше бо житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Когда кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божией, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума; прежде же сего человеку надобно повторять сии слова пророчицы: *Да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3) и слова Господ-

ни: *Лицемере, изми первое бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим перед смертью Своею, глаголя: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). О нем также говорит и апостол Павел: *И мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7); *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий и с Церковью всегда вопиять: *Господи Боже наш, мир даждь нам* (Ис. 26, 12).

25. О сохранении мира душевного

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

И потому оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы их оскорбления нас не касались.

Таковое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью для Самого Бога.

Образ такового незлобия мы видим в житии святителя Григория Чудотворца, от которого некая блудница всенародно требовала мзды за якобы со-

деянный с нею грех; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему своему другу: «Даждь скоро ей цену, колико требует». Женщина, как только приняла несправедливую мзду, подверглась нападению беса. Святитель же изгнал из нее беса молитвой.

Ежели же невозможно не возмутиться, то по крайней мере надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: *Смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае можем в образец себе взять святого Спиридона Тримифунтского и преподобного Ефрема Сирина. Первый так перенес оскорбление: когда по требованию царя греческого входил он во дворец, то некто из слуг, бывших в царской палате, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил в ланиту. Святой Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню обратил ему и другую (см. Мф. 5, 39). Преподобный Ефрем, постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, не желая того, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал ему: «Не скорби, брат, аще бо не восхоте прийти к нам пища, то мы пойдем к ней» и пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снесь, вкушал ее. Так он был безгневен.

А каким образом побеждать гнев, сие можно видеть из жития Паисия Великого, который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, дабы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: «Аще гнев и ярость купно победити хочещи, ниче-соже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи».

Дабы сохранить мир душевный, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь радостный

дух, а не печальный, по слову Сираха: *Многи бо печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относить должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

Чтобы избавиться от осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертву.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: «Где я?»

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили для внутреннего человека и не развлекали душу чувственными предметами, ибо благодатные дарования получают токмо те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

26. О хранении сердца

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *Всяцем хранением блюди твоё сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, в которой зрится Господь по уверению Истины Вечной: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть в сердце лучшего, того мы без надобности обнаруживать не должны, ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно как сокровище хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца своего.

Сердце тогда только кипит, будучи возжигаемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же сия выльется, то оно хладеет, и человек замерзает.

27. О распознавании действий сердечных

Когда человек примет что-либо Божественное, то радуется в сердце, а когда диавольское, то смущается.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что оно небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: *любь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22).

Напротив, хотя бы диавол преобразился и *во ангела света* (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, однако сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя это, святой Макарий Египетский говорит: «Хотя бы [сатана] представлял и светлые видения, не возможет, как сказано, произвести доброго действия, что и служит точным его признаком» (прп. Макарий Великий. Сл. 4. Гл. 13).

Итак, из сих разнообразных действий сердечных может человек познать, что есть Божественное и что диавольское, как об этом пишет святой Григорий Синаит: «От действия убо возможешь познать воссиявый свет в душе твоей, Божий ли есть, или сатанин» (Добротолюбие. Ч. 5. Прп. Григорий Синаит. О безмолвии).

28. О свете Христовом

Дабы приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, погрузить ум внутрь сердца и вопиать, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа.

Тогда, по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному, человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда через такое упражнение укоснит ум в сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души своим Божественным осиянием, как говорит от Лица Бога святой пророк Малахия: *И возсияет вам боящимся имене Моего солнце правды* (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *В Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренне свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает

все чувственное, не хочет зреть и себя; но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага — Бога.

29. О помыслах и плотских движениях

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно, когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовоением.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще *младенцы*, должно *разбивать* и сокрушать их *о камень*, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, *яко лев*, скрываясь *во ограде своей* (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, дабы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *Да не ореши юнцем и ослятем вкупе* (Втор. 22, 10), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *Воутрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающыя беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей — мы, и Иерусалим — внутри нас. *Грешные земли* суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *Устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34, 17); *расточи языки хотящыя бранем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *В скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя перед лицом благодати Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны или внешне.

Человеку в молодых летах можно ли не гореть и не возмущаться от плотских помыслов? Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей.

30. О внимании к самому себе

Проходящий путь внимания не должен только одному сердцу своему верить, но должен сердечные свои действия и жизнь свою поверять с Законом

Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, которые таковой подвиг проходили. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину яснее узреть.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж или неусыпный охранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по Псаломнику: *И на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкая... иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой *состреляти во мраце правых сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению святых отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один — добрый, другой — злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно: в тебе находится ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твоё, то узнавай это по делам его (прп. Антиох. Сл. 61).

«Будь всегда внимателен к себе самому, возлюбленный, — говорит преподобный Исаак Сирин, — и среди непрестанных дел своих рассмотри и встречающиеся тебе скорби, и пустынность местопребывания твоего, и тонкость ума твоего вместе с грубостью твоего познания, и большую продолжительность безмолвия твоего вместе с многими врачев-

ствами, то есть искушениями, наводимыми истинным Врачом к здравью внутреннего человека, а в иное время и бесами, иногда же болезнями и телесными трудами, иногда боязливými помышлениями души твоей, страшными воспоминаниями о том, что будет напоследок, иногда же привитием и обвязанием благодати сердечной теплоты и сладостных слез, и духовной радости, и всего прочего. Совершенно ли во всем этом примечаешь, что язва твоя начала заживать и закрываться, то есть начали изнемогать страсти? Положи примету, и входи непрестанно сам в себя, и смотри: какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли перед тобой, какие из них истребились и совершенно отступили от тебя, и какие из них начали умолкать вследствие выздоровления души твоей, а не вследствие удаления того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать умом, а не лишением себя того, что служит для них поводом? Обрати также внимание на то, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть душевный мир. Какие страсти преследуют тебя одна за другой последовательно и стремительно и через какой промежуток времени? Суть ли это страсти телесные или душевные, или сложные и смешанные? И возбуждаются ли в памяти только, как немощные, или сильно восстают на душу? И притом — властительно или яко тать? И как обращает на них внимание владеющий чувствами царь — ум? Когда они напрягут силы и вступят в брань, сражается ли с ними и доводит ли их до бессилия своею крепостью, или не обращает даже на них взора, ставит их ни во что? И какие изгладились из старых страстей и какие вновь

образовались? Притом, возникают ли страсти в живых образах или в чувстве — без живых образов, и в памяти — без страстного движения, без размышления о них и без раздражения? И по этому можно узнавать меру душевного здоровья» (прп. Исаак Сирин. Сл. 45).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, принимает *вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (Еф. 6, 13), и сими оружиями при содействии благодати Божией отражает видимые приращения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такого духовного бодрствования в Иове Многострадальном, о котором Святая Церковь воспевает так: «Богатство видево добродетелей Иовлих, украсти козньствоваше праведных враг, и, растерзав столп телесе, сокровище не украде духа, обрете бо вооружену непорочнаго душу» (из тропаря святому, глас 1-й).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *Яко да не возглаголют уста моя дел человеческих* (Пс. 16, 4), а молить Господа: *От тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13—14).

Человек должен обращать внимание на начало и конец жизни своей, к середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен.

Чтобы сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *Ни когоче на пути*

целуйте (Лк. 10, 4), то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтобы услышать от тебя полезное.

Встречающихся старцев или братию поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

31. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждой нашей в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать прежде *Царствия Божия... и сия вся приложатся* нам, по слову Спасителя (см. Лк. 12, 31).

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно апостолам при божественнейшем Преображении, и приобщимся превышеумного единения с Богом подобно небесным умам. Ибо будем подобны ангелам и сынам Божиим, *воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

Есть недуг, — говорит Екклесиаст, — егоже видех под солнцем, богатство хранимо от стяжателя во зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавие... вси дние его во тме и плачи и в ярости мнозе, и в недуге и во гневе (Еккл. 5, 12—13, 16).

32. Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от мира и от всего, что в мире, сосредоточит все свои мысли и чувства в одном представлении о Законе Божием и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, и поучаться в Законе Его, и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире? *Мир... во зле лежит* (1 Ин. 5, 19).

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преподобного Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

«Если мы, — говорит тот же учитель, — живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища? И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? (Пс. 136, 4). Мир сей есть область иного, то есть князя века сего» (прп. Антиох. Сл. 15).

33. О подвигах

Выше меры подвигов предпринимать не должно, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, не уклоняться *ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27) и давать духу духовное, телу — телесное, для поддержания временной жизни потребное. Но не должно также и жизни общественной отказывать в том, что она законно требует от нас, по словам Священного Писания: *Воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и [к] душе своей, в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не лениться и побуждать себя к лучшему.

Употребил ли пищи много или сделал что другое, подобное сему, сродное человеческой слабости, не возмущайся сим, не прибавляй ко вреду вред, но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *Блажен не осуждающий себе, о немже искушается* (Рим. 14, 22).

Тот же смысл заключают и слова Спасителя: *Аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос по воскрешении дочери Иаировой от смерти тут же *повеле дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с Пророком говорить: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям; как о сем святой Василий Великий свидетельствует: многие много собрали в юности, но посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились.

А потому, чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению святого Исаака Сирина: «Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое» (прп. Исаак Сирин. Сл. 40).

34. О покаянии

Желающему спастись всегда должно иметь сердце к покаянию расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В каковом сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого диавола, коего все тщание состоит в том, чтобы возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы, по словам Евангельским: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 27—28).

Когда же человек старается иметь в себе сердце смиренное и мысль не возмущенную, но мирную, тогда все козни вражии бывают бездейственны, ибо

где мир помыслов, там почивает Сам Господь Бог: *В мире*, — сказано, — *место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя, который рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и так рождаются начатки и корения покаяния.

Мы во всю жизнь свою грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда смиряться пред Ним, прося оставления долгов наших.

Можно ли благодатствованному человеку по падении восстать? Можно, по Псаломнику: *Отриновен превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13), ибо когда пророк Нафан обличал Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение.

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водой, на источнике пал в грех с женщиной. Но возвратившись в келию, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел падшего в грех брата ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает

праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5, 16; прп. Антиох. Сл. 77). «И если ты не воспрепятствуешь сему своим расслаблением и нерадением, — говорит преподобный Варсонофий, — то удивишься и прославишь Бога, как Он приведет тебя из небытия в бытие (то есть из грешника в праведника)» (прп. Варсонофий. Отв. 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преподобного Антиоха: «Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святого Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих, да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко

раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукавого рабства миродержителя и усвой мя в заповедях Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую остави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обьимут мя, и душе бесстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обьимет мене тма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвиться рабу Твоему от псов чуждых. Приятелище Святого Духа Твоего быти мя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Святыи, созижди мя. Путеводителю заблудших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуйя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святого Твоего Духа даждь созданию Твоему, да не иссохну яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, и прими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да обьимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпускай беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единокровным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя грехми умерщвленного, яко сына вдови-

цы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь» (прп. Антиох. Слово 77).

35. О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало, и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом, и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке не достойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему: *Блажени алчущии... яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос перед выступлением на подвиг искупления рода человеческого укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самой скудной пищей.

Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкой и легкой, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к Небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Наложение на себя строгого правила воздержания во всем или лишение себя всего, что может служить к облегчению немощей, вместить не всякий сможет.

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели, иначе может быть то, что при изнеможении тела и душа ослабевает. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу по примеру отцов употребляй один раз в день — и ангел Господень прилепится к тебе.

36. О бодрствовании против искушений

Надобно быть по приличию и потребности иногда младенцем, а иногда львом, особенно сим последним тогда, когда против нас восстают страсти или лукавые духи, потому что *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем (и) к миро-держителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям диавола, ибо можем ли надеяться, что он оставит нас без искушения, когда не оставил Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя Господа Иисуса Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк. 22, 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит на нас быть искушению выше силы нашей, но да избавит нас от лукаваго (см. Мф. 6, 13).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

37. Об уединении и молчании

Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорит: «Молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного». И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же — орудие сущь мира сего (Добротолубие. Ч. 2. Патриарх Каллист и сподвижник его Игнатий Ксанфопулы).

Ты только сиди в келии во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя ко Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *И на кого, — говорит, — воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2).

Когда мы в молчании пребываем, тогда враг — диавол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку; сие же должно разуметь о молчании в разуме.

Проходящий таковой подвиг должен все упование свое возложить на Господа Бога, по учению Апостола: *Всю печаль вашу возвергши Нань, яко Той печется о вас* (1 Пет. 5, 7).

Таковой [человек] должен быть постоянен в сем подвиге, последуя в сем случае примеру святого Иоанна — молчальника и пустытника, который в прохождении пути сего утверждался сими Божественными словами: *Не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити* (Евр. 13, 5).

Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя бы некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать уединению и молчанию, и за сие малое [дело] Господь Бог ниспошлет благодатную Свою милость.

От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческого можно уподобить той тихой воде силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *Воды Силоамли текущая тисе* (Ис. 8, 6). Пребывание в келии в молчании, в уп-

ражнении молитве и поучении день и ночь Закону Божию делает человека благочестивым, ибо, по словам святых отцов, келия инока есть пещь Вавилонская, в ней же трие отроцы Сына Божия обретоша (Добротолюбие. Ч. 3. Сщмч. Петр Дамаскин).

38. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: «Пока корабль в море, он бывает подвержен опасностям и приращению ветров. Когда же достигнет в тихую и мирную пристань, не страшится более опасностей, скорбей и приращения ветров, но пребывает в безопасности». Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приращения мысленных ветров, а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (прп. Варсонофий. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотьми. «Помысли же и о том, что прежде Креста Владыка наш Иисус Христос претерпел многие досаждения и поношения и после сего уже восшел на Крест. Подобным образом и никто не может достигнуть совершенного и многоплодного безмолвия и упокоения святого и совершенного, если прежде не спостраждет Христу и не претерпит всех страданий Его, вспоминая слова Апостола: *Понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8, 17). Не обольщайся: иного пути спасения нет, кроме сего» (прп. Варсонофий. Отв. 342).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

39. О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит *в живот* вечный (см. Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому желающему проходить жизнь духовную должно начинать с деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни только очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8) и из слов святого Григория Богослова (в «Слове на Святую Пасху»): «К созерцанию безопасно могут приступать только совершеннейшие по своей опытности».

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: «Молчаньми бо прежде и бореньми с помыслы, деянию богомыслие приложил еси, богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерз-

новенно с Богом и ангелы беседовал еси» (акафист святителю Николаю Чудотворцу. Кондак 10).

К умосозерцательной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием. «Дерзый бо и презорливый, — по словам святого Григория Синаита, — паче достоинства своего взыскав с кичением, понуждается до того прежде времени dospети». И паки: «Аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу» (Добротолубие. Ч. 5. Прп. Григорий Синаит. О прелести и о иных многих предлогах).

Если же невозможно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *Испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и, таким образом, мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам святого Григория Богослова («Слово на Святую Пасху»), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельной жизни и тогда, когда в ней человек преуспеет и придет уже в умосозерцательную, ибо деятельная жизнь содействует умосозерцательной и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять одного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия, ибо, по мнению учителей церковных (Толкование на Песнь песней блаженного Феодорита), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувствительных.

А потому никакими препятствиями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в этом случае на слове Божиим: *Страха же их не убойтесь, ниже возьмаетесь... яко с нами Бог! Господа сил, Того освятите* в сердечной памяти Его Божественного имени и исполнения воли Его, *и Той будет тебе в страх* (Ис. 8, 12, 10, 13).

40. Наставление новонаначальному иноку

По совету, или по власти других, или каким-либо другим образом пришел ты в сию обитель, не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе сказано, спасеши сам и присные твои, о которых заботишься: *И не видех*, — глаголет Пророк, — *праведника оставлена, ниже семене его* (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без упущения, узнавай весь

церковный порядок, то есть вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы выучись содержать в разуме.

Если находишься в келии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие, занимайся оным; если зовут на послушание, иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании твори беспрестанно молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». В молитве внемли себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и более твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва она беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаией: *Роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть* (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно скажу тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем, что бы о тебе ни говорили, пропускай мимо ушей. В пример себе взять можешь Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кро-

ток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание его было безроптивно, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден.

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай однажды. Каждый день непрестанно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й, 12-й и час за полунощь; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несомненно до кончины жизни, ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здоров и весел.

Скажу тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания твоего. Смиряться, и Господь поможет тебе, *и изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 6), *и просветится свет твой пред человеки* (Мф. 5, 16).

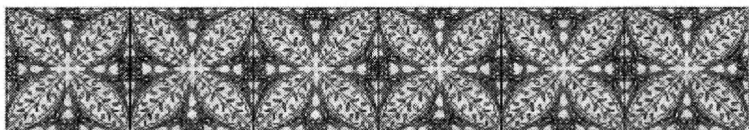
41. Ответ одному брату, требовавшему наставления к прохождению пустынной жизни

Один инок, когда намерен был удалиться в пустыню, пришел к отцу Серафиму, в пустыне живущему, и спросил его: «Как, отче, другие говорят, что удаление из общежительства в пустыню есть фарисейство и что таковым пременением делается

пренебрежение братии или еще осуждение оной?» Отец Серафим на сие отвечал: «Не наше дело судить других, и удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вмести-тельно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что во множестве братии случается. Мы бегаем не от людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово, но от пороков, ими творимых, как и Арсению Великому сказано было: «Бегай людей, и спасешься».

Одному иноку благословлено было от настоятеля начать пустынножизнь, и настоятель сам писал к отцу Серафиму, чтоб принял того инока и наказал его в духовной жизни так, как сам себя. Когда этот инок пришел с сим письмом к отцу Серафиму, он принял его весьма ласково и не так далеко от своей келии благословил построить ему другую. Когда же инок оный начал требовать у него наставления, то он ему от глубочайшего смирения сказал, что он-де и сам ничего не знает, и напомнил ему слова Спасителя: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29); потом присовокупил: «По разуму святого Иоанна Лествичника, не от ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научаться».

Беседа преподобного Серафима о цели христианской жизни

1. Приглашение

*Истинно, истинно говорю вам: верующий
в Меня, дела, которые творю Я, и он со-
творит, и больше сих сотворит...*

Ин. 14, 12

«Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской.

Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к батюшке — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне,

какой неизъяснимой радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келью его. Батюшка отец Серафим встретил меня в самых дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. — И, усадив меня, прибавил:

— Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из ближайшей кельи келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в

самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святую, но лишь для одного только батюшки отца Серафима, о котором думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божиего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малой речью, и едва заметной чертой характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие! Не взыщите! Вот сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мной о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, Саровским гостинником, на другой день, после ранней обедни, ехать к нему в ближнюю пустыньку.

2. Изволение Господне

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь, почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи не пивши, не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея, из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дожидаться от-

ворения дверей великого старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий, вечеру уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы.

Но я сказал:

— Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки отца Серафима, хоть бы мне и голодной смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, куда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка отец Серафим, весьма немного погодя, действительно, отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так — после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищей, пожалуйста с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли.

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйста ко мне, на ближайшую мою пажникку, — там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился однако же не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоение, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианской, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление о том, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти, выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?

3. Цель жизни христианской

Это было в четверг. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определенно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: выших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божиего. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божиего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит

нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: *Иже не собирает со Мною, расточает* (Мф. 12, 30). Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: *Во всяцем языке бояйся Его (Бога) и делаяй правду приятен Ему есть* (Деян. 10, 35). И, как видим из последовательности Священного повествования, этот *делаяй правду* до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: *Посли во Иоппию мужей и призови Симона, нарицаемого Петра: сей странствует у некоего Симона усмаря... той речет тебе глаголы (живота вечного), в нихже спасешися ты и весь дом твой* (Деян. 10, 5—6).

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти (см. 1 Тим. 1, 15), и приобретением себе благодати Духа Святого, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь

сказал евреям: *Аще бысте слепи были, не бысте имели греха: ныне же глаголете, яко видим, грех убо ваш пребывает* (Ин. 9, 41). Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: *Не в меру бо Бог дает Духа* (Святаго). *Отец (бо) любит Сына и вся даде в руце Его* (Ин. 3, 34—35).

Так-то, ваше Боголюбие. Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божиего.

— Как же стяжания? — спросил я батюшку Серафима, — я что-то не понимаю.

— Стяжание — все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денеж-

ный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу, и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, *искупующе время, яко дние лукави суть*» (Еф. 5, 16), то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа.

В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых неоставало елея, сказано: *Идите же паче к продающим и купите себе* (Мф. 25, 9). Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него.

Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божиего неоставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что лишь в том-то и дело христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опира-

ющиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божиего, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово» (см. Притч. 14, 12; 16, 25).

Преподобный Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая — Божия, все-совершенная и всеспасительная; вторая — собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная; и третья — бесовская, вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего.

Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, свет-

леется Троическим Единством священнотайне». Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: *Вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие* (2 Кор. 6, 16). Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшего в полночи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены.

Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное (то есть естество) от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы — в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе, Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невнима-

нию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: *Се, стою при дверех и толку* (Откр. 3, 20), разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью.

О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием!

«В чем застану, в том и сужду», — говорит Господь (св. И. Филосов «Разговор с Трифоном Иудеем». Гл. 47). Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печалью житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41), то есть да не лишитесь Духа Божия; ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику.

Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!»... — и воскресил его Господь.

Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными *на облацех в сретение Господне на воздухе* (1 Фес. 4, 17), *Грядущаго на облацех небесных с силою и славою многою* (Мф. 24, 30) *судити живым и мертвым* (2 Тим. 4, 1) и *воздати коемуждо по делом его* (Откр. 22, 12).

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни, и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый

не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия.

Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы позвонив вашему, пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости, де, просим, пожалуйста, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: «Что это он? Из ума, что ли, вышел? Я пришел к нему, а он все меня зовет!» Так-то и до Господа Бога Духа Святого относится. Потому и сказано: *Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог: вознесуся во языцех, вознесуся на земли* (Пс. 45, 11), то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и со другими рабами Моими — с Моисеем, Иовом и им подобными.

Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соиз-

волит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит, а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и разумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хорив, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божиего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, *ибо Бог наш огонь поядаяй (есть)* (Евр. 12, 29) все нечистое, и в общение с Ним не может войти ничтоже *от скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1).

4. Стяжание благодати

— Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

— Стяжайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Например: дает вам более благодати Божией молитва и бдение — бдите и

молитесь; много дает Духа Божиего пост — постичься; более дает милостыня — милостыню творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше прибыли дает. Так и вы, батюшка, поступайте. И как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше прибыли получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя Апостол и говорит: *Непрестанно молитесь* (1Фес. 5, 17), но да ведь, как помните, и прибавляет: *Хощу пять словес умом моим глаголати... нежели тмы словес языком* (1 Кор. 14, 19). И Господь говорит: *Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21), то есть делающий дело Божие и при том с благоговением, ибо *проклят (человек) творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10). А дело Божие есть: *Да веруете в... Бога и Егоже послал еси Иисуса Христа* (Ин. 6, 29; 17, 3). Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть большем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источ-

ник благодати Божией и всегда рассуждали в себе: в Духе Божиим вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божиим, то благословен Бог — не о чем горевать, хоть сейчас — на страшный суд Христов. Ибо «в чем застану, в том и сужду». Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас, и снова искать, и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: *Пожену враги моя и потреблю я, и не возвращуся дондеже скончаю их: и сокрушу их, и не встанут, и падут под ногами моима* (2 Цар. 22, 38—39).

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим их по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самарянке: *Пий от воды сея вжаждется паки: а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже (Аз) дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный* (Ин. 4, 13—14).

5. Богоматерь — поражение бесов

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого, как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать — со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи» (см. Быт. 3, 8, 10), или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами» (см. Деян. 16, 6—7, 8—9). Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным.

Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?» (см. Иов. 27, 3). То есть как, де, я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, и Иаков даже и боролся с Ним.

Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали Закона на горе Синай. Столп облачный и огненный, или, что то же, явная благодать Духа Святого, служили путеводителями народу Божию в пустыне, Бога и благодать Духа Его Святого люди не во сне видели и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что, когда в Библии говорится: *И созда Бог человека, персть (взем) от земли, и вдуу в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу* (Быт. 2, 7), — то будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была лишь плоть одна, созданная от персти земной.

Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: *Всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится* (1 Фес. 5, 23). И все три эти части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его этого дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святаго, возводящего его в богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутри себя не имущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и *бысть Адам в душу живу* (Быт. 2, 7), то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную.

Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него

как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многозначательнее его.

Когда Господь повелел ему нареши имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раю, и постигать глаголы Его и беседу святых ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как отпадших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Таковую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раю, насажденном Им посреди земли.

Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая Древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода Древа жизни, поддерживать в себе вечно животно-

рящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа, и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от Древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступлением заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий *не у бо бе* (в мире)... *яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7, 39).

Однако это не значит, чтобы Духа Божия вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. *Авраам... виде Бога и день Его и возрадовася* (см. Ин. 8, 56). Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божиего или ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений,

случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями.

Не с такою силой, как в народе Божиим, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекли себя на девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники признавали.

Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому боголюбезному ее исканию причастными Духу Божиему, ибо сказано: *Языцы, неведующие Бога, естеством законная творят* (Рим. 2, 14) и угодная Богу соделывают. А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: *Истина от земли возсия, и правда с небесе прииде* (Пс. 84, 12).

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, не ведающих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не

прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир. Без этого всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания не было бы людям возможности ни о чем узнать в точности — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву?

Но вот, Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божиего 300 лет, потом на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Которого от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому назад от ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божиим и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по Воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамову благодать Всесвятого Духа Божия. Но мало сего — ведь говорил же Он им: *Уне*

есть вам, да Аз иду (ко Отцу): аще бо не иду Аз, Утешитель (Дух Божий) не придет к вам: аще (ли) же иду, пошлю Его к вам, и пришед, Он... Дух истины, наставит вы (и всех последующих их учению) на всякую истину... и воспомянет вам вся, яже рех вам (Ин. 16, 7—8, 13; 14, 26). Это уже обещана была Им благодать-возблагодать.

И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ее силе и действиям.

И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам, всем верным Христовым, в Таинстве святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святой Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранильницы этой благодати.

Говорится: «Печать дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что, де, он будет годен и что, де, он в этот Богом дарован-

ный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить?

И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятными от всякия скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божиего и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущей нашего спасения премудростью Божией, обходящей всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего.

Слово Божие недаром говорит: *Царствие Божие внутрь вас есть* и оно *нудится, и нуждницы восхищают е* (Лк. 17, 21; Мф. 11, 12). То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи, прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей, нудятся расторгнуть узы их, — такие люди являются потом действительно *пред лице Божие* паче снега убеленными Его благодатью.

Приидите, — говорит Господь, — ...и еще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю (Ис. 1, 18). Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и финицы в руках их, как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь *Аллилуиа*. Красоте пения их никтоже подражати можаше. Про них ангел Божий сказал: *Сии суть, иже приидоша от скорби великия, и испраша ризы своя, и убелиша ризы своя в Крови Агнчи* (Откр. 7, 14). *Испраша* страданиями и *убелиша* их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланнаго Его собственною волею за спасение мира, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше, «в напутие живота вечнаго, во ответ благоприятен на страшном судище» Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода Древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница.

Хотя враг-диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, *смертию смерть поправшаго*, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Мать и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь

бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

6. Благодать есть свет

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен; а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. *Аминь, аминь, глаголю вам... всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки* (Ин. 6, 47; 11, 26): имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать.

Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: *В Том живот бе, и живот бе свет человеком*, и прибавлено: *И свет во тме светится, и тма его не объят* (Ин. 1, 4–5). Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на

грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце исконно бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуместь под благодатью Божией и как распознать ее, и в чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных.

Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал: *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим, и аще бы не закон Твой поучение мое был, тогда убо погибл бых во смирении моем* (Пс. 118, 105, 92). То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих!

И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его *и ризы Его быша блещащия, белы зело яко снег*, и ученицы (Его) *падоша ницы и убояшася зело* (Мк. 9, 3; Мф. 17, 6). Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, *облак*, — сказано, — *осени их* (Лк. 9, 34). И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

7. Мир и теплота благодати

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и говорится: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог *всем че-*

ловеком хочет спастися и в разум истины прийти» (1 Тим. 2, 4). Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «*Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?..*» (Мк. 7, 18; Мф. 21, 42; Мк. 4, 13). Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что *тогда отверзе им ум разумети Писания* (Лк. 24, 45). Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: *Изволися бо Святому Духу и нам* (Деян. 15, 28), и только на этих основаниях и предлагали свои послания, как истину непреложную, на пользу всем верным. Так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, приклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо, сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоем? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по представительству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека,

с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка отец Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам...* (Ин. 14, 27). *Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир... Но дерзайте, (яко) Аз победих мир* (Ин. 15, 19; 16, 33). Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; мир, — по слову апостольскому, — *превосходяй всяк ум* (см. Флп. 4, 7). Таким его называет Апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внед-

ряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим. Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *Упьются от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоя напоиши я* (Пс. 35, 9). Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным улаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченной радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: *Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея: егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир: и вы же печаль имате убо ныне: наки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашае никтоже возмет от вас* (Ин. 16, 21—22). Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем,

все-таки она ничтожна в сравнении с той, про которую Сам Господь устами Своего Апостола сказал, что радости той *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (благая), *яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры *возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), да сбудутся на нас слова Господни: *Терпящии же Господа, тии изменят крепость, окрылатеют аки орли, потекут и не утруждаются, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31)... *пойдут от силы в силу: явится (им) Бог богов в Сионе* (Пс. 83, 8) разума и небесных видений... Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам в мале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в серд-

це нашем, ибо Господь сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21).

Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое Апостол говорит: *Несъ бо Царство Божие брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17). Вера наша состоит не в препретельных человеческия премудрости словесех, но в явлении духа и силы (1 Кор. 2, 4). Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: *Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе...* (Мк. 9, 1). Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго»... Этой-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и не для вас одних дано вам разуместь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. *«Дажь Ми, сыне, твое сердце!»* (Пс. 23, 26) — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: *Вестъ бо Отец ваш Небесный, яко требует сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 32—33).

Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству Небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая мо-

лится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через Апостола: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. *Жатва убо многа, — говорит Господь, — делателей же мало* (Лк. 10, 2).

Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — *ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридцать* (Мф. 13, 8). Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один — вместо двух — четыре, другой —

вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас: *Бог приближаясь Аз есмь... а не Бог издалеча* (Иер. 23, 23), «и при устех твоих есть спасение твое» (см. Рим. 10, 10).

Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благодатью во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваясь говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! *Близ Господь всем призывающим Его... во истине, Бог же зрит на сердце, Отец бо любит Сына и вся даде в руце Его* (Пс. 144, 18), лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, просто-го христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы *яко зерно горюшно* (Лк. 17, 6), и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: *Вся возможна верующему* (Мк. 9, 23), а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: *Вся могу о укрепляющем мя (Иисусе) Христе* (Флп. 4, 13).

Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: *Веруй в Мя... яже Аз творю, и той сотворит и боша сих сотворит: яко Аз ко Отцу Моему гряду... аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю... и Аз умолю Отца, и иного*

Утешителя даст вам... (Ин. 14, 12, 14, 16). Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все воспримете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

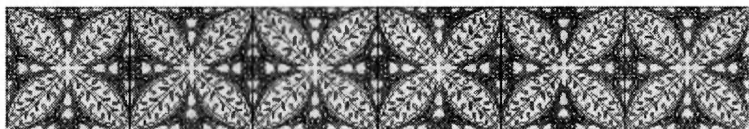
Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: *«Благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его на всех делех Его* (Пс. 144, 9), волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит, *и весь совет их исполнит... исполнит Господь вся прошения твоя* (Пс. 19, 5, 6)». Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, *яко не оставит Господь жезла грешных на жребий праведных* (Пс. 124, 3) и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, за чем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь

через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягой...

Тропарь, кондак, величание и молитва святому Серафиму Саровскому

Тропарь, гл. 4

От юности Христá возлюбѣл есѣ, блаженне,
и, Тому́ единому рабѣтати пла́менне вожделе́в,
непреста́нною моли́твою и трудо́м в пусты́ни
подвиза́лся есѣ, умиле́нным же се́рдцем лю-
бо́вь Христóву стяжа́в, избра́нник возлю́блен
Бо́жия Ма́тере яви́лся есѣ. Сего́ ра́ди вопи́ем
ти: спаса́й нас моли́твами твои́ми, Серафѣме,
преподо́бне о́тче наш.

Кондак, гл. 2

Ми́ра красоту́ и я́же в нем тле́нная оста́вив,
преподо́бне, в Саро́вскую оби́тель всели́лся есѣ
и, та́мо а́нгельски пожи́в, мно́гим путь был есѣ
ко спасе́нию, сего́ ра́ди и Христос тебѣ, о́тче Се-
рафѣме, просла́ви и да́ром исцелѣ́ний и чу-
де́с обогати́. Те́мже вопи́ем ти: ра́дуйся, Сера-
фѣме, преподо́бне о́тче наш.

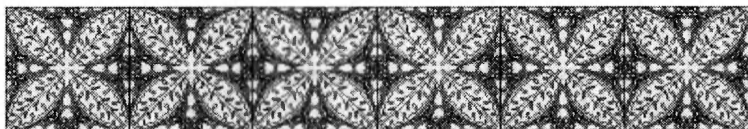
Величание

Ублажа́ем тя, преподо́бне о́тче Серафѣме, и
чтим святу́ю па́мять твою́, наста́вниче мона́хов
и собесѣдниче а́нгелов.

Молитва

О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощниче! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отыде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар мощных душ врачевания обилен в тебе явися. Егда же призвалъ ты Бог от земных трудов к небесному упокоению, николиже любви твоя престала от нас, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесныя: се бо по всем концем земли нашае людем Божиим являешия и даруеши им исцеления. Темже и мы вопием ти: о претихий и краткий угодниче Божий, дерзновенный к Немѹ молитвенниче, николиже призывающия тя отрещай! Вознеси о нас благомошную твою молитву ко Господу сил, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных и истинному покаянию да научит нас, во еже безпреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу во веки веков. Аминь.

Содержание

Предисловие к первому зданию 1863 года	3
1. От рождения до вступления в Саровскую пустынь	6
<i>Место рождения старца Серафима. — Его родители. — Время рождения. — Отрочество и воспитание до сем- надцатилетнего возраста. — Склонность к иночеству. — Решимость поступить в монастырь. — Прощание с матерью.</i>	
2. От вступления в пустынь до пострижения в монашество	15
<i>Намерение, с которым Прохор оставил родину. — Его путешествие в Киев. — Возвращение на родину. — Приход в Саровскую пустынь. — Жизнь Прохора в звании послушника до пострижения в монашество.</i>	
3. От пострига до удаления в дальнюю пустынь	33
<i>Время послушнического искуса Прохора. — Описание наружного его вида. — Его душевные дары. — Посвя- щение всего себя Богу. — Вступление в монашество. — Ревностнейшее прохождение подвигов. — Посвящение во иеродиакона. — Служение в этом сане. — Любовь к нему настоятеля и старцев. — Его всегдашнее воздер- жание. — Видение в храме во время Литургии в Великий Четверток. — Пустыннические подвиги отца Серафи- ма. — Посвящение во иеромонаха. — Служение в этом сане. — Духовная зрелость отца Серафима для высших монашеских подвигов.</i>	
4. Уединение и подвиги в дальней пустыни	46
<i>Добровольное удаление отца Серафима в пустыню. — Причины и внешний повод к удалению. — Благословение настоятеля. — Описание пустыни. — Времяпровожд- ение в ней и занятия.</i>	

5. Молчаличество. Возвращение в обитель и затвор 91

Новый подвиг отца Серафима. — Молчаличество. — Его различные проявления. — Сущность молчаличества по понятиям самого старца. — Ответ на вопросы братии об этом. — Молчание, переход к затвору. — Обстоятельство затвора. — Саровский собор старцев. — Приход отца Серафима в обитель и затвор. — Убранство затворнической келии. — Ношение большого креста. — Одежда и пища в затворе. — Молитвенные труды. — Чтение и толкование Священного Писания. — Восхищение в Небесные обители. — Причащение Святых Таин. — Дубовый гроб в сенях. — Один из сокровенных подвигов старца. — Ослабление затвора. — Посещение старца епископом Ионой и Тамбовским губернатором. — Хождение к старицу братии и его наставления им. — Открытие дверей келии для посторонних. — Описание приема посетителей. — Наставление и краткое молитвенное правило его. — Обращение со знатными лицами. — Приход к старицу простых людей. — Замечательные случаи прозрения, исцелений и других деяний старца, относящиеся к настоящему времени. — Выход из затвора.

6. Ближняя пустынь и пребывание в ней отца Серафима 123

О происхождении, внешнем виде и названии Саровского родника. — Келия отца Дорофея и смерть его. — Изнеможение отца Серафима и совет близких людей. — Сокровенный выход из келии и значение этого случая. — Явление во сне Пресвятой Богородицы. — Благословение игумена. — Выход из затвора в лес. — Посещение прежней пустыни. — Телесные труды старца. — Временное убежище для него. — Устройство новой постоянной келии. — Название всей этой местности. — Переименование родника. — Времяпровождение отца Серафима. — Распоряжение Тамбовского архиерея, чтобы он причащался в церкви Святых Таин. — Увеличение его посетителей. — Отзыв отца Нифонта об этом. — Характеристика отца Серафима за это время, написанная его современником. — Прибавление к ней. — Переход к следующей главе.

7. Отношение старца Серафима
к Дивеевской обители 142

Об основании Дивеевской общины. — Краткие сведения об основательнице ее и первоначальнице. — Труды ее и построение новой каменной церкви в Дивееве. — Основание Дивеевской общины. — Судьба ее и умножение членов после смерти первоначальницы. — Влияние Саровских старцев. — Посещение отца Серафима сестрами и священником Дивеевской общины. — Участие в ней старца Серафима. — Причины разделения общины. — Обстоятельства этого события. — Указание нового места для нее. — Устройство мельницы. — Переселение некоторых сестер и первоначальная жизнь их на новом месте. — Приобретение земли в собственность. — Малодушные некоторых сестер. — Рассказ о кормлении медведя. — Число сестер при кончине старца. — Труды и подвиги сестер. — Новое молитвенное правило отца Серафима для них. — Построение и освящение новых церквей для общины. — Исправление сестрами пономарских обязанностей в церкви. — Правила, заповеданные отцом Серафимом относительно служений в общинной церкви и занятий сестер. — Обстоятельства, доказавшие необходимость их исполнения. — Об участии старца в будущем построении собора в общине. — Слияние двух общин в одну после смерти старца. — Взгляд отца Серафима на новоучрежденную общину.

8. Влияние старца Серафима на Ардатовскую
обитель и Зеленогорскую общину 178

Поручение трех общин отцу Серафиму. — О первом основании Ардатовской общины. — Переселение общины на новое место и внутренний порядок. — Влияние саровских старцев. — Споры и избрание новой начальницы после смерти основательницы общины. — Голод в общине. — Обращение к отцу Серафиму. — Неожиданное спасение. — Предостережение сестер общины от нового голода. — Нравственное влияние отца Серафима на них. — Назначение помощника себе в этом деле. — Забота о безопасности обители. — Определение будущего. Общий взгляд на отношение отца Серафима к общине. — Последние его распоряжения о ней. — Не-

сколько слов об отношении его к обители Зеленогорской.

9. Последние годы жизни отца Серафима 188

Ответы его соблазнявшимся. — Беседы с игуменом Нифонтом. — Дух обхождения с посетителями. — Посещения монашествующих. — Беседы с мирянами. — Ответы на вопросы: что ты всех учишь и зачем приходящих помазываешь елеем? — Опыты прозорливости отца Серафима. — Польза от этого дара и объяснение, как он действовал в душе отца Серафима. — Исцеления больных. — Целительное свойство воды в Серафимовом источнике. — Случай исцеления от употребления этой воды. — Врачевство и советы отца Серафима во время холеры 1831 года. — Помощь его скорбящим, страждущим душевными недугами и бесноватым. — Соединение с исцелениями предсказаний о будущем. — Предсказания, касающиеся всего общества, некоторых частных лиц и Саровской обители. — Одежда отца Серафима. — Подвиги его против сна. — Его самоотвержение и приверженность к иночеству. — Какое время он проводил в молитве? — Его постоянная молитва за живых и усопших. — Употребление свечей и лампад при молитве. — Стояние на воздухе во время молитвы. — Уважение к нему других подвижников. — Духовное общение старца с ними. — Разительный пример его общения. — Явление Божией Матери в день Благовещения.

А. Любвеобилие отца Серафима
в обхождении с ближними 191

Б. Беседы старца Серафима с монашествующими ... 196

В. Беседы его с мирянами 205

Г. Случаи прозорливости отца Серафима 221

Д. Исцеления по молитве старца Серафима 232

Е. Пооомощь старца Серафима
в разных душевных недугах 245

Ж. Исцеления и предсказания вместе 247

З. Предсказания старца Серафима 257

10. Приготовление к смерти, кончина
и погребение 296

Изнеможение сил старца Серафима. — Изменение порядка жизни. — Усердие к старцу народа. — Замечательные случаи из отношений отца Серафима к ближним в это время. — Его предсказания о своей смерти. — Две беседы с сестрами Дивеевской общины. — Исцеление и разговор с инокиней Платонидой. — Посещение отца Серафима подвижником Тимоном и наставления, данные ему Саровским старцем. — Огорчения и взгляд на них отца Серафима. — Его приготовление к смерти. — Замечательное свидание с Преосвященным Арсением за четыре месяца до смерти и разные предсказания о ней. — Заключительное слово отца Серафима. — Последний день жизни. — Описание кончины старца. — Его погребение. — Памятник на могиле. — Стихотворение по случаю его кончины. — Смерть брата отца Серафима. — Собрание сведений о жизни отца Серафима. — Вещи, оставшиеся после его смерти. — Память о нем живет и убажается повсюду до настоящего времени.

11. Явление благодатной помощи
отца Серафима после кончины его 345

Исцеления В. К. от беснования — Н. К. от горячки — Ф. от беснования — Ф. В. от болезни глаз — Избавление от разбойников К-ва. Исцеление от болезни ног; — от холеры; — от беснования; — от слепоты. — Наказанное неисполнение заповеди старца. — Рассказ святогорца. — Исцеление от горячки. — Исцеление больного дитяти. — Облегчение головной боли. — Исцеление от ушиба, — от беснования. — Возвращение зрения. — Наказанное невнимание к портрету старца. — Помощь родильнице.

12. Продолжение рассказа о явлении
благодатной помощи отца Серафима
после кончины его 365

Заявление четырнадцати лиц о получении ими благодатной помощи по молитвам старца Божия. — Письмо генерал-лейтенанта Врасского. — Общий взгляд на благодатные явления помощи от отца Серафима и пути Промысла в его жизни.

Духовные наставления преподобного Серафима мирянам и инокам

1. О Боге	401
2. О таинстве Святой Троицы	402
3. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа	402
4. О вере	403
5. О надежде	404
6. О любви к Богу	405
7. О страхе Божиим	405
8. О хранении познанных истин	406
9. О многословии	407
10. О молитве	409
11. О слезах	411
12. О печали	411
13. О скуке и унынии	412
14. Об отчаянии	415
15. О болезнях	418
16. О терпении и смирении	419
17. О милостыне	421
18. О должностях и любви к ближним	422
19. О должности подчиненных к начальнику	423
20. О неосуждении ближнего	424
21. О прощении обид	424
22. О попечении о душе	427
23. Чем должно снабждать душу?	428
24. О мире душевном	430
25. О сохранении мира душевного	432
26. О хранении сердца	434
27. О распознавании действий сердечных	435
28. О свете Христовом	436
29. О помыслах и плотских движениях	437
30. О внимании к самому себе	438
31. Против излишней попечительности	442

32. Об отречении от мира	443
33. О подвигах	444
34. О покаянии	445
35. О посте	449
36. О бодрствовании против искушений	451
37. Об уединении и молчании	451
38. О безмолвии	453
39. О жизни деятельной и умозрительной	454
40. Наставление новонаначальному иноку	456
41. Ответ одному брату, требовавшему наставления к прохождению пустынной жизни	458

**Беседа преподобного Серафима
о цели христианской жизни**

1. Приглашение	460
2. Изволение Господне	463
3. Цель жизни христианской	465
4. Стяжание благодати	475
5. Богоматерь — поражение бесов	478
6. Благодать есть свет	488
7. Мир и теплота благодати	490

Тропарь, кондак, величание и молитва святому Серафиму Саровскому	503
---	------------

Редактор — *М.Д. Молотников*
Корректор — *М.А. Дрига*
Обложка — *С.Н. Якубовский*
Макет и компьютерная верстка — *О.С. Тишкова*

**ЖИТИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА,
Саровской обители неромонаха,
пустынника и затворника**

Православное Братство «Христианская жизнь»
г. Клин М. О., ул. Литейная, 19
Тел. 8(49624)3-60-12
E-mail: fhg@mail.ru

Подписано к печати 18.05.2011
Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 84x108/32. Печ.л. 16,0
Тираж 1000. Заказ № 6

Отпечатано в типографии ООО «Оникс»
443052, г. Самара, пр. Кирова, 24.
т/ф 8(846)312-02-44
e-mail: zakaz@samaradp.ru

